

Герберт
Зильберер

ПРОБЛЕМАТИКА АЛХИМИИ И МИСТИЦИЗМА

Герберт
Зильберер

ПРОБЛЕМАТИКА
АЛХИМИИ
И
МИСТИЦИЗМА

GALENVS

ARISTOTELES

IN DEO SUI TANTUM

CASTALIA

Герберт Зильберер

ПРОБЛЕМАТИКА
АЛХИМИИ
И МИСТИЦИЗМА

Москва
2017

УДК 133.5:54

ББК 84.6

Г 37

Г37 Герберт Зильберер
ПРОБЛЕМАТИКА АЛХИМИИ И МИСТИЦИЗМА
М.: Клуб Касталия. 2017. — 264 с.

ISBN 978-5-519-60477-2

Перевод: Анна DOMINI и Иван ЕРЗИН.

Редактор Катерина САФОНОВА.

Компьютерная верстка: Ольга ИВАНОВА

Обложка: Ольга ИВАНОВА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	5
ЧАСТЬ I	7
ГЛАВА 1. ПАРАБОЛА.....	8
ГЛАВА 2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СНА И МИФА.....	21
ЧАСТЬ II	33
ГЛАВА 1. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРАБОЛЫ.....	34
ГЛАВА 2. АЛХИМИЯ.....	73
ГЛАВА 3. ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО	93
ГЛАВА 4. РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО И МАСОНСТВО	110
ГЛАВА 5. ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	130
ЧАСТЬ III. СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ	143
ГЛАВА 1. ИНТРОВЕРСИЯ И РЕГЕНЕРАЦИЯ	144
ГЛАВА 2. ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	202
ГЛАВА 3. КОРОЛЕВСКОЕ ИСКУССТВО	223
ПРИМЕЧАНИЯ.....	247

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В моей стране среди множеств утесов есть один, наиболее заметный, округлый и большой. Он отделяет холодное течение, берущее начало в далеких местах. Этот утес отмечен отпечатком моллюска, обитавшего в северных морях миллионы лет назад. Однако, не смотря на эоны, прошедшие с тех пор, его можно сравнить с ныне существующими видами моллюсков. Течение жизни, прошедшее сквозь бесчисленные века, оставило их структуру неизменной. Наука палеонтология изучает историю и пытается проследить и воссоздать модели различных форм жизни, начиная с момента их зарождения.

Принцип, проиллюстрированный данным примером, также применим и к эволюции человеческой мысли. Формы, в которых она сохранилась, однако, не так очевидны. Если бы они были таковыми, то эволюция жизненного потока энергии, питаемого материалом ума, была бы невозможна из-за его заключения в более сложные интегрированные формы. Следовательно, продукты ума в развитии более пластичны, более тонкие и изменчивые. Их следует искать в мифах и фольклоре древних народов, поэзии, драматическом искусстве и языке более молодых народов. Однако, из поколения в поколение эта тенденция проявляет себя. Присутствующие ныне идеи должны продолжить свое существование, и их продукты выражают свои наиболее фундаментальные тенденции многообразием взаимосвязанных форм.

Мы, таким образом, подходим к науке, которую можно назвать палеопсихологией. Ее окаменелости — мыслеформы, повсеместно присущие каждому поколению, и эта наука стремится обнаружить глубинные сходства, скрытые за поверхностными различиями.

Данная работа вносит вклад в такую науку, демонстрируя существенные взаимосвязи найденного в бессознательном современного человечества со многими формами мысли, характерными для средневековья. Эти те же самые тенденции присутствуют сегодня во всех нас, будучи скрытыми за различными наборами структурных обозначений, использующих различные механизмы для высвобождения энергии.

Непрестанное комплексное накопление форм жизни породило богатую почву для высвобождения энергии — это называется возвышением, и в просторечии представляет духовную борьбу человечества за совершенствование отношений с миром действительности, окружающей среды, и должно представлять человеческое счастье в его самом истинном смысле. Один из продуктов этой тенденции к возвышению называют Мистицизмом. Настоящая работа стремится помочь нам понять проявление такого человеческого поведения, выраженного в действии через мысль. В данной работе используется сравнительный метод, что убедило меня в необходимости представить ее англоязычному читателю.

Большая часть странного и эксцентричного, наряду с обыденным в деятельности человека, скрывает энергетические преобразования неоценимой значимости для очищения и возвышения. Иначе человечество бы обезумело. Порой это и так случается в знак того, что возвышение все еще не свершилось и человечество далеко от духовного благополучия. Понимание основополагающих принципов вызывало бы интерес ко всем формам размышления и вело бы к последующему духовному здоровью во взаимном понимании потребностей других, а также форм, которые принимает процесс возвышения.

Касаемо работы над переводом, я хочу выразить свою благодарность моим друзьям Уилфреду Лею и Лео Стайну. Без их щедрой помощи и таланта я не смог бы справиться с задачей.

*Смит Эли Джеллифф, доктор медицины
Нью-Йорк, 27 октября 1917.*

ЧАСТЬ I

Глава 1

ПАРАБОЛА

В старой книге я обнаружил экстраординарный рассказ под названием «Парабола». Я беру его в качестве отправной точки моих наблюдений, потому что он предоставляет собой желанный ориентир. В усилии, прилагаемом для понимания притчи и получения ее психологической интерпретации, мы отправляемся в путешествие в те самые сферы воображения, в которые я хотел бы провести читателя. В конце нашего путешествия с помощью первого образца мы обретаем знание определенных психических законов.

Без лишней прелюдии я представлю образец и намеренно избегаю упоминания названия старой книги до знакомства с рассказом, чтобы читатель мог прикоснуться к нему без любых устоявшихся представлений. Мои пояснения, встречающиеся в тексте, я помещаю в квадратные скобки.

[1] Как-то раз я прогуливался по прекрасному лесу, молодому и зеленому, и созерцал болезненность этой жизни, и сокрушался, о том, что тяжелым грехопадением наших прародителей мы унаследовали такие страдания и бедствия, и, размышляя об этом, случайно отошел от привычного пути, и очутился на маленькой дорожке, едва проходимой и непротопанной, заросшей подлеском и кустами настолько сильно, что нетрудно было заметить — ей редко пользуются. Потому я встревожился и с удовольствием бы вернулся, но это было не в моих силах, поскольку ветер дул на меня так сильно, что я мог сделать лишь десять шагов вперед, и ни одного шага назад.

[2]. Поэтому я должен был пойти и не противиться трудному пути.

[3]. После продолжительного пути, я наконец вышел к прекрасному лугу, окруженному плодоносящими деревьями, обитатели которого называют его *Pratum felicitatis* [луг счастья]. Я находился посреди группы стариков с бородами, седыми как лед, и только у одного из них, молодого человека, борода была жгуче черной. Также среди них находился тот, чье имя мне известно, но его облик я прежде не видел,

он был еще моложе. Все они обсуждали самые разные темы, но более всего говорили о великой и возвышенной скрытой в Природе тайне, что Господь сохранил вдалеке от глаз от большого мира и открыл лишь некоторым, любящим его.

[4]. Я слушал долго, и их беседа нравилась мне, она велась на языке притч, уподоблений и других украшательств, в которых они следовали за поэтическими манерами Аристотеля, Плиния и других, копировавших друг друга. Таким образом, я не смог более сдерживаться и добавил своей горчицы [вставил собственное слово], опровергнул такие тривиальные вещи на основе опыта, и большинство присутствующих приняло мою сторону. Затем они испытывали мои способности в своей манере и делали это довольно горячо. Однако, запасы моих знаний оказались настолько хороши, что я вынес испытания с достоинством, чем поразил всех и они единодушно допустили и приняли меня в свое общество, которому я был сердечно рад.

[5]. Но они сказали, что я не могу быть по-настоящему наравне с ними, пока не познаю их льва и не познакомлюсь с его силой и возможностями. Для этой цели, чтобы подчинить его я должен проявить усердие. Я был довольно уверен в себе и обещал им, что приложу все усилия. Их общество настолько нравилось мне, что я не желал с ними расставаться.

[6]. Они привели меня ко льву и описывали его очень подробно, но никто не мог сказать, что я должен с ним сделать. Некоторые из них намекали, но очень туманно, так, что никто бы не понял. Но было сказано, что после того, как я подчиню его и выстою против его острых когтей и зубов, они не станут более ничего скрывать от меня. Теперь лев стал очень стар, свиреп и велик, его желтые волосы нависали над шеей, он казался непобедимым, я почти испугался своего безрассудства и с удовольствием бы возвратился, если бы не мое обещание, и то обстоятельство, что старики стояли рядом, наблюдая за моими действиями. Все это не позволяло мне сдать. Я твердо и уверенно приблизился ко льву, находящемуся в своем логове и начал ласкать его, но он смотрел на меня так отчаянно своими яркими глазами, что я едва сдерживал слезы. Именно тогда я вспомнил услышанное по пути к логову льва от одного из стариков о том, что очень многие люди обязались победить льва, и очень немногие способны познать его. Я не желал опозориться и вспомнил несколько захватов из легкой атлетики, изученных мною с большим усердием. Помимо того я был весьма сведущим в естественном волшебстве [магии],

и в итоге я отбросил нежность и схватил льва так проворно, искусно и тонко, что, прежде чем он понял это, я испустил кровь из его тела, даже из его сердца. Ее краснота была прекрасна, но вызывала раздражение. Затем я рассек его плоть и с большим удивлением обнаружил тот факт, что его кости были белыми, как снег и костей было намного больше, чем крови.

[7]. Теперь, мои дорогие старики, которые стояли выше вокруг логова и смотрели на меня, знали об этом. Они оживленно дискутировали друг с другом. Я мог догадываться по их движениям о содержании их беседы, но не мог слышать, о чем они говорят, поскольку я был в логове льва. Все же когда они приблизились в споре, я услышал, как один из них сказал: «Он должен привести его в чувство снова, пока что он не может быть нашим соратником». Я не желал предпринимать дальнейших действий, и самостоятельно направился из логова к великолепному месту и очутился неизвестным мне образом на огромной стене, которая возвышалась более чем на 100 элей к облакам, но на вершине ширина ее не распространялась ни на один фут. И я шел по ней с того самого места, на которое поднялся до самого конца, придерживаясь за железные перила прямо вдоль центра стены. Я очутился на стене, и мне показалось, что по правую сторону перила в нескольких шагах передо мной прошел человек.

[8]. Я следовал за ним некоторое время, и увидел еще одного человека, следовавшего за мной по другую сторону. Я сомневался мужчина это или женщина, но человек позвал меня и сказал, что лучше идти на его стороне, чем там, где иду я, поскольку перила, располагавшееся около середины, сделали путь очень узким, и движение на такой высоте было очень трудным. Затем я увидел, как падают вниз некоторые из тех, что пожелали идти этой дорогой, потому я спустился под перила, сжимая их руками, чтобы вернуться на другую [левую] сторону. Наконец я оказался в том месте стены, где она была особенно крута и опасна. Поначалу я стал раскаиваться в том, что не остался на прежней [правой] стороне, и я не мог перебраться на другую сторону, поскольку развернуться и перейти на другой путь было невозможно. Тогда я рискнул, доверившись своим ногам, прочно поддерживающим меня, и снизился без вреда, и когда я прошел немного вперед, то огляделся и не увидел никакой другой опасности, но также и знал не того, что стало со стеной и перилами.

[9]. После того, как я спустился, я увидел в том месте прекрасный розовый куст, на котором росли красивые красные и белые розы,

красных, однако, было больше, чем белых. Я сорвал несколько цветов с кустарника и поместил их на свою шляпу. Но, там, казалось, еще была стена, окружавшая большой сад. В саду гуляли юноши и девушки, которые с радостью находились там, но не сильно любопытствовали и не желали приблизиться к воротам. Мне было жаль их. Я пошел дальше той же дорогой, что привела меня в это место, и двигался настолько быстро, что вскоре очутился в некоем здании, где, по моему предположению располагался дом садовника. Но я встретил там множество людей, каждый из которых имел свою собственную комнату. Они были медлительны. Они усердно работали парами, и все же у каждого из них было свое собственное занятие. [Возможно, смысл в том, что, работая в одиночестве они были медлительны, но парами они работали старательно; или двое из них работали вместе и были прилежны. Суть состоит в одном и том же, как мы позже поймем], Но то, что они делали я, кажется, совершал самостоятельно прежде, и вся их работа была знакома мне. Особенно, я думаю, если так много других людей занимается грязной работой, что является только видимостью, сообразной тщеславию каждого из них, но не имеет никакой необходимости в Природе, то это может пробудить сочувствие и задержать. Я знал, что эти уловки исчезают как дым, потому я не хотел понапрасну оставаться здесь более и продолжил свой путь.

[10]. После того, как я достиг ворот сада, некоторые люди по одну сторону смотрели на меня недоброжелательно, и я испугался, что они могут воспрепятствовать мне в моих намерениях; но другие сказали: «Посмотрите, он желает войти в сад, мы ухаживали за этим садом так долго, но никогда не входили в него; мы оглушим его смехом, если он потерпит неудачу». Но я не обращал на это внимания, поскольку я знал об этом саде больше, чем они, хотя и никогда не бывал в нем. Я направился прямо к воротам, которые были заперты. Ни видеть, ни найти замочную скважину было невозможно. Я заметил, однако, небольшое круглое отверстие, которое обычными глазами заметить было невозможно, оно находилось в двери, и я сразу решил, что именно таким способом отпирается дверь. Я открыл ее специально подготовленным Diederich (ключом?) и вошел. Когда я оказался за дверью, то обнаружил еще несколько других запертых дверей и также открыл их без проблем. Затем я увидел проход, подобный тем, что встречаются в славно построенных домах, приблизительно шесть футов шириной и двадцать длинной с возведенной над ним кровлей.

И хотя другие двери были все еще заперты, я мог легко видеть сад сквозь них, поскольку первая дверь была открыта.

[11]. Я вошел в сад с именем Бога на устах и увидел в его середине другой небольшой сад, квадратный по форме, протяженностью в шесть руд. Он был огорожен изгородью из роз, чье цветение было прекрасно, но шипы возвышались над цветами. Шел небольшой ласковый дождь, в саду светило солнце, рождая великолепную радугу. Когда я прошел мимо небольшого сада и собирался в то место, где я должен был помочь девам, мне уже было известно, что вместо стены там находится небольшое препятствие, и если пройти в розарий, то там я встречу самую прекрасную деву, облаченную в белье атласные ткани и окружаемую самыми благородными юношами и девушками, облаченными в алое, подающими руки друг другу и держащими множество ароматных роз в своих руках. Я заговорил с ними и спросил, как им удалось пройти сквозь препятствие. «Это мой возлюбленный жених помог мне, — сказала девушка, к которой я обратился. — И теперь из этого прекрасного сада мы направляемся в наше жилище наслаждаться удовольствиями любви». «Я рад, — сказал я. — Я не сотворю препятствий для удовлетворения вашего желания; все же я так торопился и прошел столь долгий путь за короткое время, чтобы служить вам». Затем я вошел в большую мельницу, построенную внутри камней. Там не стояли мешки с мукой или что-либо подобное, что обычно используется для помола, но сквозь стены виднелись несколько водяных колес, погружающихся в воду. Я поинтересовался, каково назначение этого приспособления для помола. Старый мельник ответил, что мельница была остановлена с другой стороны. Именно тогда я увидел, что помощник мельника прошел внутрь по доске для водовода [Schutzensteg (?)], и я последовал за ним. Когда я прошел по доске [мостику], по левую сторону которой располагались водяные колеса, я остановился и был поражен тем, что увидел там. Поскольку колеса были теперь выше, чем доска, вода виделась мне черной как уголь, но ее капли по-прежнему были белыми, и доски водовода в ширину были не более трех пальцев. Тем не менее, я рискнул вернуться назад и, держась за палки, прикрепленные к доскам водовода, прошел невредимым и сухим над водой. Тогда я спросил старого мельника, сколько у него водных колес. «Десять», — ответил он. Приключение озадачило мой разум. Я должен был узнать, каково было его значение. Но поскольку я понимал, что мельник никуда не уйдет, то отправился дальше, и обнаружил

перед мельницей высокий протяженный холм, на котором находились некоторые из ранее упомянутых стариков. Они направлялись к солнцу и его теплу, и у них было письмо, написанное им от всего совета, с которым они консультировались. [Выражаясь нашим современным языком, старики отправляли письмо солнцу, и именно такой перевод я встретил в английской версии притчи. Это неуклюжий, хотя и авторитетный перевод. И хотя из него можно вывести приемлемое значение, если вы расцениваете солнце как «принца», все же, я полагаю, что следует дать более вольный перевод... старики шли навстречу солнцу и его теплу и у них было письмо, написанное им от всего совета]. Я вскоре догадался о содержании письма и о том, что оно касается меня. Поэтому я подошел к ним и сказал: «Господа, это касается меня?» «Да, — сказали они. — Вы должны состоять в браке женщиной, которую вы недавно взяли в жены, или мы должны уведомить нашего принца». Я сказал: «Это не проблема, поскольку я рожден в то же время, что и она и был взращен как ребенок вместе с ней, и поскольку однажды я взял ее в жены, я буду с ней всегда, и сама смерть не должна разлучить нас, поскольку я горячо привязан к ней». «На что нам тогда жаловаться? — спросили они. — Невеста согласна, и у вас есть на то воля; Вы должны совокупляться». «Согласен», — сказал я. «Хорошо, — сказал один из них. — Лев тогда вернется к жизни и станет еще более сильным и могущественным, чем прежде».

[12]. Затем меня посетило озарение, и я подумал про себя, что по особым причинам это не должно касаться меня, но кого-то другого, кто известен мне; тогда я увидел, что жених и невеста идут мимо в своих прежних одеяниях, готовые к соединению, что глубоко порадовало меня, поскольку я был в большом смятении, что вопрос мог касаться меня.

[13]. Затем, как уже упоминалось, наш жених в его искрящемся алом одеянии со своей самой дорогой невестой, белое атласное облачение которой источало лучезарное сияние, достиг брачного возраста. Этих двух схватили так быстро, и я был немного озадачен вопросом о том, что девушка, которая, как предполагалось, была матерью жениха, оставалась все еще настолько молодой, и, казалось, только родилась.

[14]. Теперь я не знаю, чем согрешили эти двое, кроме того, что, они хотя и были братом и сестрой, их соединяла столь глубокая любовная связь, что они не могли быть разделены, и так, на самом

деле, хотели быть наказанными за кровосмешение. Вместо брачного ложа и великолепного союза, они были осуждены и заперты в прочной и вечной тюрьме, которая, из-за их высокого рождения и прекрасного состояния, и также, чтобы в будущем они не согрешали в секрете, была прозрачной, яркой и ясной как кристалл, подобной небесному своду, и помещенный возле нее стражник наблюдал за ними. Там они непрерывно проливали слезы и истинно раскаивались, чтобы искупить свои прошлые грехи. [Вместо брачного ложа, этих двоих поместили в темницу, так, чтобы их действия могли наблюдаться. Темница была прозрачна; яркая совершенно прозрачная палата, как сфера небес в соответствии с высоким положением этих двух людей]. Ранее, однако, все их драгоценные одежды и украшения сняли, чтобы, находясь в палате, они были наги и жили друг с другом. [Из этих слов напрямую не следует, что подразумевается сожителство в современном смысле (совокупление). Согласно современному языку перевод следовало бы представить таким «жили рядом друг с другом, будучи обнаженными». Более того, это напоминает брачные обычаи, которые наблюдаются в частности в браках между людьми высокого рождения. В любом случае и, несмотря на мою оговорку, это практикуется, благоприятствует или призвано вести к сексуальному союзу]. Кроме того, они не предоставили им никого, вхожего в палату, чтобы обслуживать их, но после того, как оставляются все предметы первой необходимости вроде мяса и питья, что были созданы из прежде упомянутой воды, дверь палаты быстро закрывается. Печать совета накладывается на нее, и меня обрадовало, что я должен охранять их здесь и провести зиму перед дверью; палата должна быть обогреваться так, чтобы они быть не слишком теплой, не слишком холодной, и они не могли ни выйти, ни убежать. Но если они, вследствие какой-то неисправности все же убежали бы, я бы справедливо подвергнулся суровому наказанию. Я не был доволен таким положением вещей и упал в обморок от страха и обеспокоенности, поскольку в разговоре с собой я заключил, что опасения, терзающие меня не беспочвенны, и школа мудрости научила меня не лгать, но применять ее опыт. Все же, поскольку я не мог ничего изменить, стоя около запертой палаты, находящейся в центре крепкой башни и окруженной валами и высокими стенами, где можно было небольшим, но непрерывным огнем обогревать целую палату, я занялся этим и начал во имя Господа обогревать палату и защищать заключенную в тюрьму пару от холода. Но что произошло? Как только они почувствовали

малейшее тепло, они обхватили друг друга так нежно, что подобное не часто не увидишь, и стали столь горячими, что сердце молодого жениха растворилось в горячей любви, все его тело почти таяло в руках возлюбленной и распадалось на части. Когда она, любившая его не меньше, чем он, видела это, она плакала по нему неистово и, поскольку ее слезы похоронили его так, что никто не мог этого видеть, то ее трогательные слезы, переполняли все, куда бы он ни вошел. Ее плач и горе привели ее вскоре к тому, что желая избавиться от сердечных мук она предпочла не жить больше, но добровольно предать себя смерти. Ах, горе мне! В какой боли, нужде и беде я оказался из-за того, что двое моих узников полностью исчезли в воде, и мне оставалась одна только смерть. Картина моей гибели стояла у меня перед глазами, и более всего трудность состояла в том, что я боялся стыда и позора, предстоящих мне больше, чем увечий, что настигнут меня.

[15]. Когда я провел несколько дней в одиночестве и обдумывал, как я мог исправить свои дела, я вспомнил, как Медея оживила труп Ясона, и мне подумалось: «Если Медея смогла так сделать, почему этот способ должен подвести меня?» Я начал сразу вспоминать как это сделать, и не нашел никакого лучшего пути, чем упорствовать с непрерывным нагреванием, пока вода не исчезнет, и я смогу вновь видеть трупы наших возлюбленных. Поскольку я надеялся преуспеть и не подвернуть себя опасности, я продолжал нагревание, что я начал ранее в течение целых сорока дней, поскольку я знал, что вода продолжит уменьшаться и далее, я продолжал, и трупы, черные как уголь, начали снова виднеться. И действительно это случилось бы и прежде, если бы палата не была слишком надежно закрыта и заперта. И все же я не помогал им отпереть палату. Я отметил, что вода, которая испарялась и спешила к облакам, собиравшимся в вышине палаты падала как дождь, так, что никто не мог из нее выйти, пока наш жених с его самой дорогой невестой, мертвой и гнилой, и потому ужасно зловонной, не сделались видимыми и лежали перед моим взором. Солнечный свет во влажную погоду заставил меня заметить чрезвычайно красивую радугу в палате, переливающуюся удивительно красивыми цветами, которые привели меня в восторг, помогая немного забыть о несчастье и подавленности. Еще больше я был восхищен тем, что двое моих возлюбленных лежат передо мной снова. Но поскольку радость моя смешивалась с печалью, я был обеспокоен, думая, что мои узники лежали неподвижно мертвыми

передо мной, и в них не было жизни. Но поскольку я знал, что их палата была сделана из такого чистого и толстого материала, и также настолько туго заперта, что их душа и дух не могли выйти, но сохранялись все еще рядом с ними, я продолжал свое непрерывное нагревание и в день, и в ночь, чтобы исполнить свою задачу, будучи вполне обнадеженный тем фактом, что эти двое не возвратятся в свои тела, пока влажность будет присутствовать, поскольку во влажном состоянии природа сохраняет себя неизменной. Я познал в результате усердного наблюдения, что от земли вечером силой солнца исходит много пара, солнце будто тянет воду. Она сжимается ночью в прекрасную и очень плодovitую росу, которая рано утром падает и увлажняет землю и оmyвает наши мертвые трупы, так, чтобы со дня на день, чем дольше такое купание и омовение продолжается, тем более красивыми и белыми они становятся. Но чем более похожими на себя и белыми они становились, тем более они теряли влажность, пока, наконец, душа и дух невесты не смогли более удерживать себя в воздухе, ярком и красивом. Пережив туман и влажную погоду, они возвратились в ясное и еще более преобразованное тело королевы, которая вскоре приняла их [т. е. ее душу и дух], и она сразу ожила вновь. Как я мог легко заметить, это сильно обрадовало меня, тем более, она возникла в чрезвычайно дорогостоящих невиданных на земле прежде одеяниях и с драгоценной короной, украшенной яркими алмазами; и я также услышал, как она сказала: «Услышьте, дети мужчин и постигните, рожденные женщинами, что самая большая сила может возводить королей и может низвергать королей. Она делает богатыми и бедными, согласно своему желанию. Она убивает и воссоздает для жизни».

[16]. «Узрите во мне истинный и живущий пример всего этого. Я была великой и стала маленькой, но теперь будучи униженной, я — королева, вознесенная над многими королевствами. Я была убита и заставлена жить. Я была предана и бедности, и большим сокровищам мудрецов, и могуществу».

[17]. «Потому в моих силах сделать бедных богатыми, показать доброту непритязательному, и даровать здоровье больному. Но я не похожа на своего возлюбленного брата, великого и могущественного короля, которого все еще необходимо пробудить от смерти. Когда он придет, он докажет, истинность моих слов».

[18]. И тогда она сказала, что солнце светит очень ярко, и день стал теплее, чем прежде, и тяжелые дни прошли. Но за долгое время

до того, шли приготовления к торжественной и большой свадьбе нашей новой королевы шились многочисленные дорогостоящие одеяния из черного бархата, пепельной парчовой ткани, серого шелка, серебряной тафты, белоснежного атласа, одно из которых даже было украшено чрезвычайно красивыми кусочками серебра и драгоценным жемчугом, и барственными яркими мерцающими алмазами. Подобным образом подготавливались и были украшены различные предметы облачений для молодого короля, а именно, они украшались гвоздиками желтых цветов, драгоценными камнями, и, наконец, шились красные бархатные одеяния с драгоценными рубинами, плотно инкрустированные карбункулами. Но портные, которые изготавливали их одежды, были невидимы, и когда я видел одни лишь одежды, подготавливаемые одни за другими, я задавался вопросом как эти вещи появлялись, ведь никто не входил в палату кроме жениха с его невестой. Еще более меня озадачивало то, что как только одно одеяние было готово, оно немедленно исчезало на моих глазах, чтобы я не знал ни откуда они появляются, ни кто их делает.

[19]. Когда драгоценные одеяния были готовы, появился великий и могущественный король в пышном одеянии, с которым ничто не могло сравниться. И когда он понял, что заперт, то попросил меня добрыми и дружественными словами открыть ему дверь и позволить выйти; это сулило мне большие преимущества. Хотя мне строго запретили отпирать палату, все же великое появление и убедительность победы короля смутили меня так, чтобы я решительно позволил ему выйти. И когда он вышел, он был столь дружелюбен и столь добр, и все же настолько кроток, и тем самым доказал, что ничто в действительности не украшало высоких персон также, как эти достоинства.

[20]. Но поскольку он провел тяжелые дни, пребывая в высокой температуре, он очень хотел пить, а также падал в обморок и был очень усталым. Он направил меня, набрать немного быстрой проточной воды под колесами мельницы и принести ему, и когда я сделал это, он выпил значительную часть с большим рвением, возвратился в свою палату и предложил мне запереть дверной засов за ним так, чтобы никто не мог потревожить его или пробудить ото сна.

[21]. Здесь он отдыхал в течение нескольких дней и позвал меня, чтобы открыть дверь. Думается мне, он стал намного более красив, румян и царственен, как он отметил, это произошло благодаря воде, большую часть которой он выпил. Я решил построить палату намного большего размера. [Очевидно, потому что обитатель увеличился

в размере]. Когда теперь король выпил за свое удовлетворение этого драгоценного напитка, благодаря которому он стал столь красивым и царственным, я отметил, что за всю свою жизнь я никогда не встречал ни более царственного человека, ни более царственное поведение. Тогда он привел меня в свое королевство и показал мне все сокровища и богатства мира, и я не только признал правдивость слов королевы, но также решил не описывать большую их часть, поскольку они известны тем, кто знаком с ними. Поскольку не было конца царственности и благородства карбункула, омоложение и восстановление естественных сил, восстановление потерянного здоровья и исцеление всех болезней были естественны. Самым ценным из всего было то, что люди, населявшие ту землю, знали своего создателя, боялись, чттили его и просили о мудрости и понимании, и, наконец, постоянного счастья вместо преходящей славы. Да поможет нам в этом Бог Отец, Сын и Святой Дух. Аминь.

Автор изложенного выше рассказа называет его притчей. Его значение, возможно, действительно казалось довольно очевидным для него, и он предполагает, что читатели его времени знакомы с формами знания, замаскированными в нем. История производит на нас впечатление скорее сказки или живописного сна. Если мы сравним притчи, более близкие нашей современной точке зрения и понятные вследствие их простоты, как те, что встречаются у Рюкерта или в Новом Завете, то отчетливо заметим различия. Неназванный автор, очевидно, преследует определенную цель; каждый действительно находит некоторое единство в причудливом беспорядке его идей; но к чему он стремится и что он хочет сказать нам своими символами, которые мы не можем немедленно понять. Главный факт для нас то, что анонимный писатель разговаривает на языке, который демонстрирует значительное сходство с языком снов и мифов. Потому, однако, мы можем объяснить в дальнейшем странно призрачный характер притчи, мы вынуждены исследовать его с помощью психологического метода, который в попытке продвинуться от поверхности к глубинам, будет в состоянии проследить аналитически формирующие силы мира сновидений, связанных с ним явлений, и объяснить их таинственные символы.

Я по-прежнему должен указать в какой книге, и при каких обстоятельствах появилась притча. Она находится во втором томе книги «Geheime Figuren der Rosenkruzeraus dem 16ten und 17ten Jahrhundert», изданной в Альтоне приблизительно в 1785–90 гг. Ее основное содержание — большие

иллюстрации и прилагающиеся к ним многие страницы текста. Согласно примечанию титульного листа, содержание «впервые обнаружено в старой рукописи». Притча находится во втором томе трехтомника, который имеет подзаголовок: Ein güldener Tractat vom philosophischen Steine. Von einem noch lebenden, doch ungenannten Philosopho, den Filiis doctrinae zur Lehre, den Fratibus Aureae Crucis aber zur Nachrichtung beschrieben. Anno, M.D.C.XXV.

Если я добавляю, что эта книга — герметический (алхимический) трактат, это поможет ее классифицировать, но едва ли даст любое определенное представление о ее характере, не просто вследствие забвения этого вида письма, но также и потому что несколько идей, обычно связываемых с ним, производят искаженную картину. Герметическое искусство, принципы которого кажутся нам фантастическими, рассматривается здесь и связано с несколькими «тайными» науками и организациями, некоторые из которых были дискредитированы: магия, каббала, розенкрейцерство, и т. д. Оно особенно тесно связано с алхимией, и термины «герметическое искусство и «алхимия» (и даже «королевское искусство») часто используются синонимично. Это «искусство» — и в данном случае это слово справедливо — приводит своим основанием и многими разветвлениями в большое количество областей, которые предоставляют нам желаемый материал для нашего исследования.

Таким образом, я буду сначала намеренно, придерживаясь одной линии, расценивать притчу как сон или сказку и анализировать ее психоаналитически. Этому анализу в целях информирования читателя будет предшествовать короткое описание психоанализа как метода толкования сновидений и сказок. Тогда я буду, все еще продолжая поиск корней вводить доктрины, которые иллюстрирует язык символизма притчи. Я рассмотрю химическую точку зрения алхимии, а также герметическую философию и ее иероглифические образовательные методы.

Также будут рассмотрены связи с религиозными и этическими вопросами, и мы должны будем принять во внимание исторические и психологические отношения герметической мысли с розенкрейцерством в его различных формах и масонством. И когда в конце аналитического раздела моей работы мы начнем рассматривать нашу притчу и несколько фольклорных рассказов в свете полученной информации, мы столкнемся с проблемой, которая будет заключаться в существовании двух очевидно противоречащих интерпретаций, основанных на том, следуем ли мы за психоанализом или герметической, иероглифической трактовкой. Тогда возникнет вопрос, откуда исходит противоречие. Как мы соотнесем

друг с другом и согласуем две различных интерпретации, которые очень отличаются и при этом самодостаточны?

Вопрос, являющийся результатом этих нескольких иллюстраций, расширяется в общую проблему, которой посвящена синтетическая часть моей книги. Среди других соображений это приведет нас в область психологии создания символа, где нам вновь окажут помощь открытия психоанализа. Мы не будем удовлетворены анализом, но попытаемся выявить определенные эволюционные тенденции, которые, будучи выраженными в психологических символах, развиваются согласно естественным законам, позволяя нам предугадывать духовное творчество или прогрессию, что можно было бы назвать анабасисом. При помощи этого метода исследования нам станет очевидно, как возникает исходное противоречие и то, что ранее казалось противоречивым, в действительности является двумя полюсами эволюционного процесса. Данными средствами мы выявим несколько принципов интерпретации мифа.

Я только что говорил об анабасисе. Под этим мы должны понимать движение вперед в моральном или религиозном смысле. Самым интенсивным примером анабасиса (независимо от того, что это может быть) является мистицизм. Пока что я делаю шаги, но продвигаюсь на ощупь в психологии мистицизма; я полагаю, что у меня может быть больше уверенности там, где я смотрю на его символизм с этической точки зрения.

Глава 2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СНА И МИФА

[Читатели, знакомые с психоанализом Фрейда, могут пропустить это главу, поскольку встретят здесь только известный им ранее материал].

В рассказе, который мы только что исследовали, примечательно то, что он похож на описание сновидения. Почему? Очевидно, Притча содержит некие признаки, которые часто появляются именно в сновидениях. Мы находим такие соответствия даже в результате поверхностного исследования.

Наиболее примечательно полное и внезапное изменение места. Странник, как я в дальнейшем буду называть рассказчика притчи, неожиданно перемещается от логова льва на вершину стены, и не знает, как он там оказался. Позже он снижается столь же внезапно. В остальных частях истории происходит такая же быстрая смена обстановки, подобно тому, как это происходит во сне. Объекты также изменяются или исчезают; изменение сцен, их полное преобразование происходит как в сновидении. Например, как только Странник покидает стену, она исчезает, не оставляя следа, будто ее никогда и не было. Подобное преобразование мы также наблюдаем в сцене сада, где на месте непреступной стены вдруг удивительным образом возникает лишь небольшая преграда.

Далее, нас удивляют случаи знания без предшествующего ему восприятия. Часто во сне мы знаем что-то, не испытав этого лично. Мы просто знаем, не зная, например, что в таком-то доме произошло нечто определенное и полное тайны; или мы знаем, что человека, которого мы видим впервые, зовут так-то; мы находимся в некотором месте впервые, но вполне уверены, что за стеной находится фонтан, к которому мы должны подойти любой ценой и т.п. Примеры такого спонтанного знания мы встречаем в притче несколько раз. В начале рассказа Странник знает, что прекрасный луг его обитатели называют «Pratum felicitatis». Он интуитивно знает имя одного человека из группы людей, незнакомого ему. В сцене сада, хотя

он заметил только юношей, он знает, что некоторые девушки (кого в силу особенностей места он тогда не мог видеть) желают войти в сад к юношам. Можно было бы сказать, что все это — просто особенности изложения, которые автор использует для удобства или из-за нехватки умения, или из соображений краткости; он не учел некоторое связующее звено, которое облегчило бы нам обретение этого необъяснимого знания. Тогда рассказ не был бы похож на сон. На эти аргументы можно ответить, что, возможно в том и состояла задумка автора. Наше исследование в основном касается продукта воображения и объясняет нам (независимо от причин), что у притчи и сновидения есть определенные общие «особенности построения».

В отличие от удивительного знания мы встречаем в сновидении специфическую неясность многих вещей, особенно в тех, которые касаются индивидуальности Странника. Когда старики сообщают Страннику, что он должен жениться на женщине, которую он выбрал, он не знает точно, касается ли вопрос его или нет; происходит примечательное колебание его отношения. Интересно, взял ли он на себя роль жениха или, наоборот, жених взял на себя роль Странника. Аналогичным образом мы поражаемся подобной неуверенности, когда во время прогулки по вершине стены Странник сопровождается кем-то, о ком он не знает, является ли мужчиной или женщиной его попутчик. Сюда же относятся отрывки из рассказа, начинающиеся словами «как будто» и т. д. В поиске дома садовника он случайно встречает многих людей и «кажется», что он самостоятельно сделал то, чем заняты эти люди.

Довольно характерны различные преграды и другие трудности на пути Странника. Даже в первом параграфе рассказа мы слышим, что он ошеломлен и с радостью возвратился бы, но не может из-за сильного ветра, мешающего ему. Вдобавок на стене ему осложняют путь перила; в других случаях это стена или дверь. Описание первого подобного опыта, вызывает в памяти те частые моменты сновидений, когда, с тревогой поворачиваясь в полете или угнетаемые мучительной поспешностью, мы не можем двинуться. Сложные задачи и требования связаны с тем, что беспокоит, угрожает и представляется как крутой наклон стены и узкая доска мельницы, которые встречает Странник — все это довольно типично для мифов и сновидений. Среди таких задач или опасностей я упомяну серьезное испытание старших, борьбу со львом, обязательство жениться и бремя ответственности за брачную пару; каждая из них вызывает у Странника много беспокойства.

К очевидной аналогии со сновидением относится, наконец (однако, на том их список не заканчивается), специфическая логика, которая кажется

довольно обычной Страннику или сновидцу, но редко удовлетворяет читателя или механизм здравого рассуждения. Например, мертвый лев, что должен ожить вновь, если Странник женится на женщине, которую он недавно выбрал; влюбленная пара, которую в качестве наказания за кровосмешение, сняв с их тел всю одежду, помещают в тюрьму, где они любовно обнимаются.

Таковы внешние сходства притчи со сновидением. Более глубокая общность, которую можно наблюдать в их самой глубинной структуре, сначала отразится в рассмотрении вопроса с точки зрения психоаналитического подхода. И теперь мне следует снабдить читателя, не знакомого достаточно глубоко с психологией сновидений некоторой информацией относительно современных исследований данного вопроса, и в особенности относительно психоаналитических доктрин и открытий. Естественно, я могу сделать это только в самой краткой манере. Для более полного исследования я должен отослать читателя к работам Фрейда и его школы. Самые важные книги упомянуты в библиографии в конце.

Современное научное исследование сновидений, в котором первопроходцем был Фрейд, пришло к выводу, что сновидениям присуще некое значение, но в ином смысле, чем принято об этом думать. В то время как широко распространенное мнение говорит, что сны предсказывают будущее, наука показывает, что они исполнены значения, существующего в психике и определенного прошлым. Сновидения тогда, как демонстрируют результаты Фрейда, всегда являются отображением фантазии. [Я привожу здесь только обзор, а не критику. Мое более позднее применение психоаналитического метода покажет, какую оценку я даю доктринам Фрейда]. В них, поднимаясь на поверхность из глубин психики, реализуются желания, стремления и импульсы. Являемые в бодрствующем состоянии, фантазии и желания иногда называют воздушными замками. В сновидениях исполняются желания, которые не реализованы или не могут быть реализованы.

Но импульсы, к которым вызывают сновидения — преимущественно такие желания и импульсы, что мы не можем самостоятельно признать в состоянии бодрствования, мы их отклоняем, как только они пытаются заявить о себе. Они состоят из животных тенденций или таких сексуальных желаний, которые мы не хотим признавать и являются подавленными или «вытесненными» импульсами. В результате подавления они становятся недоступны сознанию. [Фрейд говорит в особенности о несуразно эгоистических побуждениях. Запретный элемент в них подчеркивает Штекель].

Несведущий в анализе сновидений может обратиться к очевидным доводам против этой теории. Большинство сюжетов сновидений

довольно безобидны и не имеют никакого отношения к импульсам и страстям, отклоняющимся от морали или какой-либо иной почвы. Возражение, кажется, на первый взгляд хорошо обоснованным, но терпит крах, как только мы узнаем, что критическая власть этики, которая не покидает нас днем, сохраняет свое присутствие и ночью; и потому запретные импульсы, и тенденции, которые ищут тьмы и не осмеливаются показаться днем, не осмеливаются предстать в своем истинном содержании также и ночью, но приближаются, будучи замаскированными, как символы или аллегории, чтобы явить себя, и при том не вызвать возражений. Контролирующую силу, которую я назвал властью морали, будет уместно сравнить с цензором. Содержание нашей психики, если можно так выразиться, подвергается цензуре прежде, чем ему будет позволено появиться в свете сознания. И если подавленные элементы желают явить себя, они должны быть соответственно замаскированы, чтобы преодолеть цензуру. Фрейд называет эту маскировку или процесс перефразирования искажением сновидения. Они являют себя опечатками и намеками, сообщаемыми через туманную атмосферу. Таким образом, следующий пример демонстрирует неосознанное желание смерти. В исследовании сновидения одной женщины мое внимание привлекло, что образ мертвого ребенка неоднократно возникал во взаимосвязи с пикниками. Во время анализа женщина заметила, что когда она была девочкой, другие дети, ее младшие братья и сестры, часто препятствовали устройению вечеринок или празднований и т.п. Ассоциация Kinder (= нем., дети) Hinderniss (= нем., препятствие) снабдила нас ключом к пониманию стереотипного мотива. Как показало дальнейшее исследование, он касался детей женатого человека, которого она любила. Дети не давали этому человеку расстаться с женой, и женится на новой возлюбленной. В бодрствующей жизни она, конечно, не допустила бы пожелание смерти детям, но в сновидении желание прорвалось и представило тайно желаемый исход. Дети мертвы, и ничто теперь не стоит на пути «вечеринки» или празднования (свадьбы). Двойное значение слова «вечеринка» примечательно в данном случае. (В немецком языке «eine Partie machen» означает и идти на экскурсию, и сделать хорошую партию в браке). Такая игра слов с готовностью использована сновидениями, чтобы заставить нежелательное казаться приемлемым и так преодолеть цензуру.

Психоаналитическую процедуру, используемую в толковании сновидений любого человека, можно назвать с научной точки зрения организованным подходом, который с бесконечным терпением исследует даже самые маленькие разветвления, духовный резерв, скрытый от разума

человека, подвергающегося ему. Психоанализ используется в медицинской практике для обнаружения и излечения духовных причин невротических явлений. От пациента требуется рассказывать все больше и больше, начиная с конкретного момента, вдаваясь в самые глубокие подробности, и так мы обнаруживаем в паутине обнаженных мыслей и воспоминаний определенные связи, доминирующие в эмоциональной жизни пациента. Здесь путь становится трудным, поскольку затрагивает глубоко личные моменты. Тайные области души оказывают сильное противодействие стремлению проникнуть в них, даже без осознанного действия пациента. Тут же сосредоточены, если можно так выразиться, больные области (патогенные «комплексы») души, к которым направлено исследование. Решительно продвигаясь, несмотря на сопротивление, мы раскрываем эти корни души, которые стремятся остаться скрытыми в бессознательном. Это и есть упомянутые искаженные элементы; слагаемые духовного резерва, от которого рассматриваемый человек с трудом «закрывает себя» и от которого он предполагает освободиться. Они должны быть тихими, потому что противоречат образу, в который человек облачил себя; и если эти подземные элементы пытаются напомнить о себе, он немедленно отбрасывает их назад в их запретный мир; он позволяет себе не думать ни о чем из того, что нарушает спокойствие, противоречит его морали и чувствам. Он не допускает словесного выражения нарушителей спокойствия, что живут в глубине его души.

Будучи источниками вреда, они, однако, просто подавляются, но не уничтожаются. Они походят на Титанов [поэтому психологический термин, «титанический», часто используется мной в дальнейшем], которые не были сокрушены богами Олимпа, но лишь замолкли в глубинах Тартара. Там они в течение долгого времени ожидают возможности появиться вновь и показать лица при свете дня. Земля дрожит от их попыток освободиться. Подобным образом борются титанические силы души. И поскольку они не могут явить себя в свете сознания, они бредят в темноте. Они принимают главное участие в формировании сновидений, производят в некоторых случаях истеричные симптомы, навязчивые действия и идеи, тревожные расстройства, и т. д. Исследование этих психических расстройств снабжает ценным материалом и наши более поздние исследования.

Психоанализ, который никогда не ограничивался медицинской практикой, будучи воспламененным от ее огня и ставящий своей задачей осветить деятельность человеческого духа во всех его формах (поэзия, создание мифа, и т. д.), порицали как пагубный во многих областях. [Рассмотрение вопроса границ использования психоанализа сейчас

увело бы нас слишком далеко, все же он будет рассматриваться в Разделе I синтетической части этого исследования]. Теперь очевидно, что он обнаруживает все виды духовных отходов. И совершается это в интересах правды, и было бы неверным отказать правде в ее праве быть явленной. Всякий, решающий поступить так, мог в таком случае защищать теорию, что венерические заболевания приобретаются вследствие простуды.

Духовные отходы, которые раскрывает психоанализ, подходят на удобрение, при помощи которого процветают наши культивируемые фрукты. Темные титанические импульсы — сырье, присущее каждому человеку, из которого работой цивилизации формируется этический характер. Где есть яркий свет, есть и глубокая тьма. Мы должны быть столь неискренними, чтобы отрицать тьму в сокровенной глубине своей души из-за воображаемой опасности. Разве, поступая так, мы не сокращаем свет? Мораль, в отношении которой мы так скрупулезны, превыше всего остального, требует правдивости и искренности. Но начало всей правды состоит в том, чтобы не лгать себе. «Познай себя» написано на входе в пристанище Дельфийского Оракула. И именно этот вдохновляющий зов сияющего бога Дельфы стремится услышать психоанализ.

После такого вводного замечания будет возможно должным образом понять следующий поучительный пример, который содержит изысканную сексуальную символику.

Сон г-на Т.: «Мне приснилось, что я находился в железнодорожной поездке. Около меня сидел деликатный, женоподобный юноша или мальчик; его присутствие вызвало некое эротическое чувство во мне. (Появилось оно в тот момент, когда я обнял его). Поезд зашел в тупик; мы прибыли к станции назначения и вышли. Я пошел с мальчиком в долину, сквозь которую тянулся маленький ручей. Вдоль берега ручья росла земляника. Мы собирали ягоды. После того, как я собрал большое количество, я возвратился к железной дороге и проснулся».

Дополнительное сообщение: «Я припоминаю, что чувство неловкости не покидало меня в компании мальчика. Долина отклонилась влево от железной дороги».

В ходе обсуждения сновидения затем выяснилось, что Т., насколько я знал, питавший явное отвращение к гомосексуализму, прочитал незадолго до того отчет о печально известных испытаниях, продолжающихся в Германии, которая была обеспокоена реальными гомосексуальными действиями. [В сознании, конечно. В вытесненных глубинах бессознательного, разумеется, будет найден инфантильный гомосексуальный компонент]. Неосознанный импульс, порожденный этим событием, проявился

в сновидении как эротическое желание, потому и появилась нежная сцена в железнодорожном поезде. Мы погружались в данный вопрос все глубже, и, не смотря на появления образа мальчика во сне как выражения существующей сексуальной тенденции, Т. решительно отклонял ее. Как другие процессы сновидения связаны с ней? Они на первый взгляд не кажутся несвязанными или бессмысленными?

И все же в них осуществляется исполнение желания, подразумеваемого в эротическом волнении в компании мальчика. Исполнение желания, выраженное в гомосексуальном действии, было бы невыносимо цензуре сновидения; это должно быть сообщено символически. И увиденное в сновидении — соответственно только ловкая маскировка действий, враждебно воспринимаемых цензурой.

Даже то, что поезд заходит в тупик, является деликатным перефразированием. [Перефразирование, как мне стало очевидно из рассказа сновидца, касается физического состояния эрекции]. Подобное значение передается и словом «станция», которое напоминает о своем латинском происхождении (стоять). Сцена в поезде напоминает, кроме того, шутку из истории, которую часто рассказывал Т. «Дама устроила прием, где были молодые девушки, *венгр* [это следует подчеркнуть] (типичный венский шутник), которого боятся вследствие его колоритного остроумия. Она сказала ему, ввиду присутствия девушек, не баловать их своими острыми шутками. Венгр согласился и появился на вечеринке. К изумлению дамы он предложил следующую загадку: «Можно войти и спереди, и сзади, только один должен встать». Наблюдая отчаяние дамы, он с хитрым, невинным взглядом сказал: «Но хорошо тогда, что это? Просто трамвай». На следующий день дочь хозяев дома появилась перед своими одноклассниками в школе со следующими словами: «Девочки, я вчера услышала отличную шутку; можно войти и спереди, и сзади, только один должен быть твердым». [между прочим, красноречивое явление психологии невинного девичества]. Анекдот был рассказан Т. человеком, позже известным ему как гомосексуалом. Т. был знаком с немногими венграми, но гомосексуализм был любимым предметом разговора с теми немногими.

В вышесказанном мы находим много весьма наводящих на размышления элементов. Самым наводящим на размышление является, однако, земляника. Т., как это выяснилось во время процесса анализа, за несколько дней до сновидения прочитал французскую историю, где встретил выражение (в новинку для него) *cueillir des fraises*. Он пошел к французу для объяснения этой фразы и узнал, что это был тонкий способ говорить о половом акте, потому что любовникам нравится уходить

в лес под предлогом сбора земляники, и таким образом отделяться от остальной части компании. Любим способом сновидение стремится удовлетворить желания, долина (между двумя холмами!), через которую тек ручей, предоставляет собой довольно определенное предложение. Здесь также, вероятно, вышеупомянутое «сзади».

То обстоятельство, что сновидения, на самом деле имеют два лица, одно из которых открыто являет себя наблюдению, подразумевает, что следует различать заявленный и латентный материал. Открыто показываемое лицо — явное содержание сновидения (поскольку формулировка отчета о сновидении раскрывает содержание сновидения); то, что скрыто, является скрытыми мыслями сновидения. По большей части обширная паутина мыслей сновидения сжимается. Часть мыслей сновидения (не все) принадлежит титаническим элементам нашей души. Формирование сновидения из мыслей сновидения Фрейд называет работой сновидения. Ей управляют четыре принципа: Конденсация, Смещение, Изобразимость и Переработка.

Механизм Конденсации был только что упомянут. Многие мысли сновидения сжимаются до небольшого объема, потому образы наполнены смыслом. Каждый образ (человек, объект, и т.д.) стремится к «детерминированности» несколькими мыслями сновидения. Следовательно, мы говорим о многократной детерминированности или «Сверхдетерминированности».

Смещение проявляется в факте, что сновидение (очевидно, в процессе искажения) стремится к нереальному и отвергает реальное; короче говоря, перестраивает ценности психики (интересы) таким образом, что сновидение по сравнению с его скрытыми мыслями становится смещенным или «сосредоточенным на другом».

Поскольку сновидение — перцепционное представление, оно должно поместить в перцепционно понятную форму все, что оно хочет выразить, даже то, что является самым абстрактным. Тенденция к ярко перцепционному или пластичному выражению, которое характерно для сновидения, соответствует принципу Изображаемости.

К Переработке мы относим последнюю обработку ткани сновидения. Она обеспечивает логическую связь иллюстрируемого материала, который создан смещением. «Эта функция (т. е., переработка) свершается тем способом, в котором поэт злонамеренно обвиняет философа; своими клочками и заплатками переработкой скрываются промежутки в структуре ткани сновидения. Результат этого процесса состоит в том, что сновидение теряет свою внешнюю нелепость и бессвязность, и приближается

к стандарту понятного опыта. Но усилие не всегда завершается полным успехом». (Фрейд, «Traumdeutung», стр. 330). Переработку также можно сравнить с установкой фасада.

О работе сновидения Фрейд обобщенно говорит («Traumdeutung», стр. 338), что она «не просто более небрежна, более неправильна, более легко забываема или более фрагментарна, чем пробуждение мысли; это нечто, качественно очень отличающееся и поэтому несколько не сопоставимое. Эта работа, фактически, не думает, оценивает или судит, но ограничивает себя реструктурированием. Ее можно исчерпывающе описать, если нам известны побуждения, которые должны удовлетворить продукты ее работы. Этот продукт, сновидение, должен будет в первую очередь избежать цензуры, и с этой целью работа сновидения прибегает к смещению психической интенсивности даже на грани изменения всех психических ценностей; мысли должны быть исключительно или преобладающе поданы в материале визуальных и слуховых образов, существующих в памяти, и тогда работа обращается к изобразимости, на которую отвечает новыми смещениями. Здесь достигается большая интенсивность, чем та, что доступна ночью во сне, и этой цели служит чрезвычайная конденсация, которая затрагивает элементы мыслей сновидения. В материале мыслей немного логических связей; они находят наконец косвенное представление в стандартных особенностях сновидений. Аффекты мыслей сновидения не сильно меняются по сравнению со своими образными представлениями. Они обычно подавляются. Там, где они сохраняются, они отделены от образов и сгруппированы подобно им».

Кратко характеризуя природу сновидения, Штекель приводит в одном месте («Sprache des Traumes», стр. 107) такое описание: «Сновидение — это игра образов, удовлетворяющая аффекты».

Почти точная формула сновидения была предложена Фрейдом и Ранком: «Основываясь на подавляемом инфантильном сексуальном материале, сновидение обычно представляет собой исполнение фактических желаний, и обычно также эротических желаний в замаскированной и символически скрытой форме». (Jb.; PS. F., p. 519, и Trdtg., стр. 117.) В этой формуле исполнение желания, исходя из точки зрения Фрейда, является преобладающим, и все же мне кажется, данному аспекту отводят слишком важную роль (в основном аффективному) в формировании сновидения. Важный момент — инфантильное в сновидении, в связи с чем мы должны упомянуть Регресс.

Регресс — своего рода психический процесс, который проявляется в сновидениях различными способами (и связан с психическими

событиями). Сновидение возвращается к инфантильным воспоминаниям и желаниям. [Иногда это распознаваемо в явном содержании сновидения. Обычно, однако, его возможно выявить лишь в ходе психоанализа. Этот инфантильный сексуальный материал сильно подавляется, и поэтому труднодоступен. Касаемо инфантильных форм сексуальности, см. Фрейда «Три очерка по теории сексуальности»]. Регресс проявляется в стремлении назад от сложного и законченного к более примитивной функции, от абстрактного мышления до воспринимаемых образов, от практической деятельности до характеризующегося галлюцинациями исполнения желания. [Последнее особенным образом проявляется в сновидениях, связанных с базовыми потребностями. Мы заснули, например, когда хотели пить, затем вместо того, чтобы взять стакан воды, нам снится пить]. Сновидец, таким образом, приближается к своему собственному детству, потому как своим действием возвращается в детство человеческого рода, уходя назад к более примитивному перцепционному способу мышления. [Касаемо второго виде регресса цюрихский психиатр, К.Г. Юнг, совершил интересные экстраординарные открытия. Его сочинения будут рассмотрены нами позже].

Ницше пишет («Menschliches, Allzumenschliches»): «Во время сна и в сновидениях мы проходим через все развитие примитивного человечества ... Я имею в виду, что так, как мы думаем во сне сегодня, человечество думало в бодрствующем состоянии в течение многих тысяч лет; Когда дух впервые пробудился и это пробуждения потребовало объяснений многого, то первое объяснение удовлетворило его и было воспринято как истинное. В сновидениях эта часть древнего человечества продолжает действовать в нас, поскольку она — зародыш, из которого возникает более высокий разум, развиваясь в каждом человеке. Сновидения погружают нас в отдаленное состояние человеческой культуры и помогают понять его лучше. Сновидение сейчас так легко мыслит, потому что, в течение долгого развития человечества мы так хорошо обучались этой простой форме размышления, первой доступной приятной фантазии. В этом отношении сновидения — средство восстановления мозга, который днем должен удовлетворить напряженные требования мысли, выдвигаемые более высокой культурой». (Труды, издание 2, стр 27 и последующие).

Если мы помним, что объяснение природы и философствование необученного человечества осуществлялось в форме мифов, мы можем найти аналогии между образованием мифов и сновидений. Эта аналогия развивалась психоанализом. Фрейд освещает путь следующими словами: «Исследование данного явления народной психологии [мифы, сказания,

сказки] в настоящее время ни в коем случае не завершены, но очевидно, что они соотносятся со смещенными остаткам фантазий и желаний всех народов, сны о юности человечества». (Samml. kl. Lehr. II, стр. 205.) Позже будет показано, что сказки и мифы фактически могут быть подвергнуты той же самой психологической интерпретации, что и сны, и по большей части они опираются на те же самые психологические побуждения (подавленные желания, характерные для всех людей), и что они схожи со сновидениями по структуре.

Абрахам (Traum und Mythos)¹ пошел дальше в развитии параллелизма сновидения и мифа. Для него миф — сновидение человечества, а сновидение — индивидуальный миф. Он говорит, например: «Сновидение, согласно Фрейдю, часть вытесненной инфантильной, ментальной жизни» и «миф — часть вытесненной, инфантильной, ментальной жизни людей»; также: «Сновидение, следовательно, индивидуальный миф». Ранк рассматривает мифы как промежуточное звено между коллективными сновидениями и коллективной поэзией. «Также, как и назначение сновидений или стихотворений состоит в том, чтобы снять неосознанные эмоции, которые подавляются в ходе развития цивилизации, подобным образом и в мифических или религиозных фантазиях все люди освобождаются от давления тех основных импульсов (титанических), к которым невосприимчива культура, и в то же время они порождают коллективное стремление поднять всю подавленную эмоцию». (Inz-Mot, стр. 277. Cf. also Kunstl., стр. 36.)

Психоанализ уделяет особое внимание определенной группе таких подавляемых основных импульсов. Я обращаюсь к так называемому Эдиповому комплексу, который играет важную роль в жизни сновидения, а также мифа и, очевидно, поэзии. Известны басни (сказания, драматургия), рассказывающие об Эдипе, убившим своего отца и женившимся на своей матери. Согласно наблюдениям психоанализа, в каждом из нас много Эдипа. [Эти элементы Эдипа в нас, как я должен заметить после прочтения Имаго (январь 1913), можно назвать «титаническими» в более узком смысле, следуя за Лоренцем. Они содержат побуждение к отделению ребенка от родителей]. Связанные с этим конфликты, которые в своей полноте составляют Эдипов комплекс (почти всегда неосознанный, вследствие активного подавления), проявляются в волнующем отношении к родителям, окрашенном первыми и самыми ранними сексуальными переживаниями». Если образ короля

---

¹ См. переводы «Nervous and Mental Disease Monograph Series» касаясь этого исследования и других, процитированных в данном разделе.

Эдипа может глубоко затронуть современное человечество не меньше, чем древних греков, объяснение может быть только в факте, что воздействие греческой трагедии не основывается на противопоставлении между судьбой и человеческой волей, но в особенности материала, в котором развилось это противопоставление. Внутри нас существует голос нашей внутренней жизни, который явно проявился в силе судьбы в случае Эдипа, в то время как мы не хотим слышать его. И такой элемент действительно содержится в истории короля Эдипа. Его судьба трогает нас только потому, что она схожа с нашей, потому что оракул наложил такое же проклятие на нас до нашего рождения. Это относится, вероятно, к каждому из нас — мы должны направить первые сексуальные чувства на наших матерей, первую ненависть и желание насилия на отцов. Наши сновидения убеждают нас в этом. Король Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, является только исполнением желания нашего детства. Но более удачным, чем в истории Эдипа, поскольку мы в состоянии отделить наши сексуальные чувства от своих матерей и забыть ревность, направленную на отцов, не становясь психоневротиками. К человеку, исполнившему это инфантильное желание, мы испытываем отвращение со всей силой подавления, так как эти желания пострадали в нашей внутренней душе. В то время как поэт обнаруживает вину Эдипа, он взывает к нашему вниманию по отношению к нашей собственной внутренней жизни, в которой всегда присутствует этот импульс, хоть он и подавляется. Антитеза, с которую хор оставляет нам:

Смотрите, это — Эдип,
Решивший великие задачи и несравненный в своем могуществе,
Чье положение вызывало восхищение и завис всех горожан,
Смотрите, какое ужасное наводнение неудачи его охватило.

Это замечание наносит удар нам и нашей гордости. Мы, ставшие согласно своей собственной оценке, настолько мудрыми и могущественными по сравнению с детскими годами. Подобно Эдипу, мы живем в неведении относительно желаний, которые вложены в нас природой и являются настолько неприемлемыми для морали, что после их раскрытия, мы все хотели бы отвести свой пристальный взгляд от сцен нашего детства». (Фрейд, Trdtg., стр. 190 и последующие).

Веря, что к настоящему моменту я достаточно подготовил читателя, который был незнаком с психоанализом для психоаналитической части моего исследования, я обойдусь без дальнейших трудоемких объяснений.

ЧАСТЬ II

Глава 1

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРАБОЛЫ

Хотя мы знаем, что притча была написана последователем герметического искусства, и очевидно с целью наставления, мы продолжим исследование рассказа, не вдаваясь в его герметическое содержание, которое будет рассмотрено позже, и будем расценивать его только как игру свободной фантазии. Мы будем пытаться рассматривать притчу сквозь призму психоаналитического толкования сновидений, и найдем, что притча, как продукт воображения, имеет в своей основе ту же самую структуру, что и сновидения. Я еще раз повторю, что в настоящее время мы будем руководствоваться лишь психоаналитической точкой зрения и продолжим двигаться в исключительно односторонней манере.

В интерпретации притчи мы не можем применить основной метод психоанализа. Он подразумевает проведение серии сеансов со сновидцем, чтобы вызвать свободные ассоциации. Сновидец притчи, или скорее ее автор, давно ушли из жизни. Мы обязаны отбросить подготовительный процесс и придерживаться методов, производных от психоаналитического. Существует три таких метода.

Первым является сравнение с типичными образами сновидений. Было показано, что сновидениям всех людей свойственны определенные фазы и образы, символика которых универсальна, потому что они явно основаны на универсальных человеческих эмоциях. Их образное выражение создано согласно психическому закону, который в довольно большой степени не затрагивается индивидуальными различиями.

Вторым методом является сопоставление с народной психологией. Внутренняя близость сновидения и мифа подразумевает, что для интерпретации индивидуальных продуктов воображения, могут быть с пользой проведены параллели с продуктами народного воображения и наоборот.

Третьим являются непосредственные заключения из особенностей структуры сновидения (мифа, сказки). Работа воображения проявляет себя в сказочной манере в сновидениях, и еще более значительно в мифах и сказках, где каждый вообще находит побуждения, которые несколько

раз повторяются в подобных историях, трансформируясь и проявляясь с различными степенями отчетливости. [Поймите это правильно. Я не намереваюсь воскресить ложное понимание, согласно которому мифы — просто игра воображения, требующего занятия. Моя точка зрения касательно интерпретации мифов будет разъяснена в Части I синтетической части настоящей работы]. Тогда становится возможным посредством сравнения индивидуального в проявления побуждения сделать заключение относительно их истинного характера. Каждый импульс, в действительности, стремится к нарастанию отчетливости в различных примерах, и, таким образом, в своем развитии они образуют перекрестки, в которых может быть постигнута цель процесса, к которой стремится сновидение, однако, ее нельзя обнаружить в самом сновидении, но только в его интерпретации.

Мы будем использовать три метода интерпретации параллельно. В конце концов, мы продолжим двигаться точно так, как психоанализ делает это в интерпретации фольклора, где также нет авторов, к которым мы можем обратиться за разъяснениями. Мы преуспели, применяя данные методы. Нехватку фактического живущего человека компенсирует в некотором смысле живущий народный дух и бесконечная серия его проявлений (фольклор, и т.д.). Результаты подобных исследований, разумеется, помогут нам в изучении нашей притчи, кроме того, я должен рассматривать некоторые заключения психоанализа с учетом того, что они являются сомнительными.

Давайте теперь обратимся к притче. Последуем за автором, или как я называю его, Странником, в его лес, где с ним происходят эти необычные приключения. Мы покидаем дороги повседневной жизни, чтобы бродить в джунглях фантазии. Если мы помним, то Странник использовал ту же самую метафору в начале своего рассказа. Он наталкивается на лесную чащу и теряет привычный путь... Он также выражается фигурально. Встречаем ли мы почти неосознанное, раскрывающее свой символизм в нашем собственном, частично открывающее завесу тайны? Факт, подтвержденный многими наблюдениями, [См. мои работы касательно пороговой символики *Schwellensymbolik*, Jahrb. ps. F. III, стр. 621 и последующие, IV, стр. 675 и следующие] состоит в том, что во время гипнотических галлюцинаций (сновиденческие образы, предшествующие засыпанию), помимо всех видов материала мысли, состояния засыпания изображают себя точно таким же образом, что и по завершению сновидений, или гипнотических иллюзий в момент пробуждения, акт пробуждения представляется иллюстрировано. Символика пробуждения действительно содержит

сцены взятия отпуска, отъезда, открытия двери, понижения, выхода на свободу из темного окружения, прихода домой, и т.д. Сцены засыпания связаны со снижением, вхождением в комнату, сад или темный лес.

Притча также использовала подобную символику леса. Когда при засыпании я вижу сцену входа в темный лес, или когда герой истории входит в лес (что также имеет и другие интерпретации), или Странник из притчи входит в спутанный подлесок, все это свидетельствует об одном; это всегда — введение в жизнь фантазии, вход в театр мечты. Странник, если бы он не выбрал для своей притчи форму повествования от первого лица, возможно, начал бы следующим образом: жил был когда-то король, больше всего любивший охотиться. Однажды, преследуя со своими компаньонами шустрого оленя в глухом лесу, он отделился от своих спутников и сбился с привычного пути настолько, что заблудился. Тогда он шел все дальше и дальше в лес, пока не увидел дом вдалеке...

Странник выходит через лес к *Pratum felicitatis*, Лугу Счастья, и там начинаются его приключения. Здесь также содержится символизм; засыпая, мы входим в сновидение и сферу сказки, землю, куда нас влечет возможность исполнения наших самых острых желаний. Сфера сказки, и всякий психоаналитик может это подтвердить, действительно представляет собой *Pratum felicitatis*, несмотря на все опасности и несчастья, которым мы можем там подвергнуться.

[Начинается игра сновидения, и интерпретация, легкая до настоящего момента, становится более трудной. Мы едва будем в состоянии продолжить двигаться в строго хронологическом порядке. Понимание нескольких фаз рассказа не следует за последовательностью их событий. Давайте рассмотрим их в произвольном порядке].

Странник знакомится с жителями *Pratum felicitatis*, которые обсуждают изученные темы, он вовлекается в научный спор и подвергается серьезному испытанию, чтобы они допустили его в свое сообщество. Допуск, таким образом, не получается легко, и скорее содержит в себе препятствие. Странник говорит нам, что его экзаменаторы провели его по углям, используя это как аллегорическую метафору, возможно, испытание огнем. Подобные трудности встречаются на протяжении всего повествования, и прежде всего они описываются в серии аналогичных событий, где Странник сталкивается с препятствиями, которые порой болезненны и даже опасны. После фазы, отмеченной тревогой, приключение продолжается спокойно, и Странник достигает некоторых успехов, преодолев первоначальную преграду. Мы можем расценивать препятствия на пути в первом разделе притчи, которые успешно преодолеваются, как первый

намек на приближающиеся события, поскольку Странник вскоре после этого достигает прекрасного места (Раздел 3).

Психология сновидений свидетельствует, что препятствия в сновидениях соответствуют конфликтам желаний сновидца, подобно болезненной сдержанности невротиков. Беспокойство развивается, когда подавленный импульс стремится к удовлетворению, однако другой импульс, определенный нашей культурой, требует отклонить его. Затруднения при удовлетворении порождают беспокойство вместо удовольствия. Беспокойством можно также назвать либидо с отрицательным знаком. Только когда импульс находит как прорваться без болезненного конфликта, он может достичь удовлетворения, что является психической (не биологической) тенденцией всякого импульса, происходящего из глубин души. Степени удовлетворения, которые таким образом реализуются в психике, могут очень отличаться, быть очень небольшими. Если исполнение желания осуществляется через слишком быстрый рост символики, оно теряет почти всю свою первоначальную форму. Если мы рассматриваем появление мотива преграды в притче и находим удовлетворение импульса состоявшимся, то мы можем расценивать это как особенность рассматриваемого продукта фантазии не только в его конкретной части, но также и в движении всего действия, что демонстрирует тенденцию от беспокойства к беззаботному исполнению желаний.

Что касается эпизода испытания, к которому мы теперь подошли в нашем постепенном исследовании рассказа, мы можем рассмотреть часто встречающийся тип сновидений; Сон об Испытании. Почти всех, кому доводилось выдерживать серьезные экзамены, даже в далекие от детства времена, когда экзамены средней школы или университета были в прошлом, беспокоят сновидения, заполненные тревогой, которая предшествует экзамену. Фрейд (Trdtg., стр. 196 и последующие) утверждает, что этот вид сновидений — незабываемые воспоминания о наказаниях, которые мы перенесли в детстве за проступки, и которые напоминают о себе снова из глубины нашей души в критические периоды нашего обучения, подобно судному дню. После того, как мы прекратили быть учениками, ни родители, ни воспитатели, ни учителя не могут нас наказать. Непреклонный причинно-следственный характер самой жизни взял на себя наше дальнейшее образование, и теперь нам сняться сны об испытаниях или экзаменах; такое происходит всякий раз, когда мы ожидаем, что результат наших действий накажет нас, потому что мы не сделали что-то, или сделали неправильно, или когда мы чувствуем давление ответственности. Штекель заметил, и его наблюдение подтверждается практикой других психоаналитиков,

что сновидения об испытаниях часто имеют место, если в жизни человека присутствует момент проверки сексуальной силы. Двойное значение слова «matura» (= зрелый) (которое также означает сексуальную зрелость) может также прийти на ум, как словесное связующее звено ассоциации. Вообще сновидения об испытаниях могут быть выражением беспокойства о неудаче или неспособности преуспеть; по большей части они представляют собой выражение страха перед бессилием. Нужно отметить здесь, что не только в прежнем, но и в последнем случае у страха есть преобладающе сила психической преграды.

Для интерпретации сцены испытания нам также следует вспомнить часто повторяющийся в сказках мотив с трудом завоеванной наградой, то есть, любая история, в которой король или властелин предлагают загадку или задачу герою. Если герой решает или разгадывает ее, он побеждает, а также получает драгоценное имущество, женщину или принцессу, на которой он женится. В случае героини награда — красивый принц. Мотив с трудом завоеванной наградой соответствует более позднему появлению препятствий в Притче. Природа награды, во всяком случае, пока — незначительный момент.

Вторую сцену испытания мы встречаем в 6-ом Разделе в образе сражения со львом. Движение от фазы беспокойства к фазе исполнения желания проявляется явно, и эмоции Странника нарастают. Трудность обозначается в предшествующей тому беседе, когда он узнает, что никто не будет советовать ему, как он должен поступить с животным, но позже он получает указания, что должен будет связать льва. Начало борьбы вызывает трудности у Странника. Он «поражен своим собственным безрассудством» и с удовольствием отказался бы от этой затеи. Он едва может сдерживать слезы от страха. «Он превозмогает себя, затем проявляет блестящую сноровку и побеждает в борьбе». Удовлетворение, полученное от собственных возможностей, несомненно. Сцена со львом, как и предшествующее испытание, добавляет некоторые новые детали. Смена прежних противников (то есть, старших) другим (львом) в действительности не является чем-то новым. Перед нами пример простой компенсации, хотя, как мы поймем позже, очень поучительный. Новый результат сражения. После убийства льва победитель обнажает белые кости и красную кровь его тела. Заметьте антитезу белого и красного, мы будем встречать ее и дальше. Если мы озадачимся поиском параллелей со сказаниями и сказками, то, естественно, на ум приходит борьба с драконом. Победивший герой должен освободить деву, которая томится во власти людоеда. Анатомирование мертвого льва находит многочисленные

аналогии с мифами и сказками, где происходит расчленение тела. Позже это будет рассмотрено подробнее.

В качестве следующего препятствия в притче мы встречаем трудности с передвижением на вершине стены (Раздел 7 и 8.). Здесь перед нами снова преграда на пути в более узком смысле как в Разделе 1, но с несколькими дополнениями. Стена, сам тип препятствия, достигает облаков. Чем выше поднимаешься, тем страшнее упасть. Ширина дороги на вершине меньше ступни и металлические перила занимают часть дороги. Ходьба неудобна и опасна. Перила, находящиеся в середине, делят путь и, таким образом, образуют два пути — правый и левый. Правый путь — более трудный. Кто бы не вспомнил в этой ситуации о Геракле на распутье? Концепция правого и левого как правильного и неправильного, хорошего и плохого встречается в мифической и религиозной символике. То, что правый путь — более узкий [Matth. VII, 13, 14], или полный шипов вполне постижимо. В сновидениях символика правого типична. В данном случае эта символика имеет значение, подобное религиозному, однако, с той разницей, что она используется преимущественно в отношении сексуальных волнений такого характера, что право представляет собой дозволенное (то есть, воспринимаемое сновидцем как допустимое), а лево — запретное сексуальное удовольствие. Так, например, в сновидении о собирании земляники, описанном в предыдущей части книги, долина, разыскиваемая сновидцем и мальчиком, «чтобы собрать там землянику», простирается слева от дороги, а не справа. Половой акт с мальчиком является даже в сновидениях как нечто непозволительное в допустимом, запретное. В притче Странник идет справа налево, встречает трудности и всегда знает, как преодолеть их.

От стены Странник переносится к розовому кусту, с которого он срывает белую и красную розы. Обратите внимание, белый и красный цвет. Победа над львом завершилась белыми костями и красной кровью, прохождение через опасности стене теперь завершается появлением белой и красной роз. Подобие в последнем случае особенно отмечено тем, что Странник украшает ими свою шляпу.

В следующих разделах (9-11) вновь встречаются препятствия. Там стена настроена против Странника. Тогда, чтобы проникнуть в сад с девами, он должен пройти длинным окольным путем. Добравшись до двери, он обнаруживает, что она заперта и боится, что люди, стоящие рядом, будут препятствовать ему или смеяться над ним. Но первая трудность исчезает с волшебным открытием первых ворот, когда происходит известная нам смена фазы беспокойства фазой исполнения. Странник

преодолевают проход без затруднений, но видит все еще закрытую дверь, будто стекло в сад. В чем смысл этого успеха? Где обычная бело-красная награда? Нам не придется долго искать ответ — в Разделе 11 написано: «Когда я зашел в небольшой сад [в центре более крупного сада] и направлялся в то место, где я должен был помочь девам, я знал, что вместо стены там было теперь лишь небольшое препятствие, и когда прошел мимо розария, то встретил самую красивую девушку, одетую в белую атласную ткань с самым величественным молодым человеком, который был облачен в алое, они держали друг друга за руки и несли много ароматных роз. «Это, мой возлюбленный жених помог мне и теперь из этого прекрасного сада мы направляемся в наше жилище наслаждаться удовольствиями любви» Здесь параллель со сказками очевидна, и показывает особенность награды. Красный и белый цвет символизируют мужчину, женщину, и, как следует из процитированного отрывка, последующий сексуальный союз обоих. Даже другие награды сказки не вызывают чувство неудовлетворения от нехватки королевств, богатства, счастья. И если они не мертвы, они живы... Рассказ привел к полному исполнению желания; тоска по любви и силе достигла своего конца. То, что Странник немедленно не испытывает обретенное счастье в своем собственном существе, но счастливая любовь представлена в иллюстративной манере, развитой в союзе двух других людей, является, естественно, особенностью повествования. Так происходит в сновидениях достаточно часто. Это сновидца «раскалываясь» в таком случае заменяется другим человеком, через которого сновидение вызывает свое драматическое зрелище. Будто притча попыталась сказать, что герой заслужил свою счастливую любовь через борьбу; для любви, однако, необходимы двое, мужчина и женщина, и потому необходимо создать пару. Кроме факта, что награда должна достаться герою, который заслужил ее, идентификация Странника с королем в притче в изобилии продемонстрирована, даже будучи несколько перефразированной. Тайна ремесла драматизации рассказа наиболее ясно демонстрируется в заключении Раздела 11, где старшие, держа в своих руках письмо от совета, сообщают Страннику, что он должен жениться на женщине, которую он выбрал, и тот бодро обещает им это сделать.

Мы могли бы подумать в результате поверхностного исследования, что психоаналитическое исследование притчи завершено. Но до завершения очень далеко! Мы интерпретировали только верхний слой, и будем наблюдать, как раскрывается проблематика, приглашая нас к изучению более глубоких слоев ткани фантазии.

Мы заметили, что все, наиболее важное сообщается только символами и намеками. Ранее установленное скрытое содержание притчи [соответствующее скрытым мыслям сновидения] будет расшифровываться через постепенное уменьшение различных маскировок. Также имело место смещение (смещение сновидения). Теперь сновидение или воображение, работающее в сновидении, ничего не делает без цели, и даже при том, что согласно своему характеру (из «соображений приемлемости») визуальное представление должно быть в любом случае одобрено. Стремление к иллюстрированному представлению не объясняет такой систематический ряд маскировок, и ту явную тенденцию, что мы наблюдаем. Изображение союза мужчины и женщины поразительно перефразируется. Сначала в образе крови и костей, как тип близкой физической связи; они принадлежат одному телу, и позже свадебная пара также тает в одно тело. А также два вида роз, которые цветут на одном кустарнике. И едва завеса предыдущей маскировки приподнимается, и мы с трудом понимаем, что Странник взял женщину (Раздел 11), когда сюжет снова видоизменяется так, будто это некто другой наслаждается удовольствиями любви. У этого последовательного укрывательства должна быть причина. Давайте не забывать поразительные препятствия, которые Странник встречает снова и снова, и которые мы полностью еще не исследовали. Символика сновидения говорит нам, что такие препятствия соответствуют конфликтам желания. Что за внутреннее сопротивление испытывает Странник на каждом шаге на пути к счастливой любви? Мы подозреваем, что здесь присутствует этический момент. Он проявляется в символике левого и правого; событиях сцены с мельницей, которые мы еще не изучили, где Странник должен пройти по очень узкой доске; этическая символика этой доски будет обсуждена позже; и в тягостном чувстве ответственности, которую Странник несет за действия свадебной пары в хрустальной тюрьме. Все это производит впечатление, что у него была нечистая совесть. В целом мы не можем сомневаться, что подобная сновидению манера изложения притчи пыталась из-за цензора маскировать сексуальные события Странника. Мы можем решить, будто сексуальное как таковое будет запрещено цензором. Это, однако, не тот случай. Описание достаточно откровенно и не отличается излишней скромностью; супруги обнимают друг друга, будучи нагими, проникают друг в друга и распадаются любя, тая в восторге и боли. Кто мог просить большего? Поэтому сам половой акт, возможно, не был неприемлемым для цензора. Целый механизм скрупулезности, укрывательства и сдерживающих объектов, стоящих как ужасные сторожа перед дверьми запретных

комнат, не может быть беспричинным. Таким образом, возникает вопрос: на что цензор сновидения в самых различных формах [лев, опасные пути, и т. д.] так серьезно наложил запрет?

В сновидении о землянике, схожим с предшествующим разделом, мы видели, что перефразирование скрытого содержания сновидения появляется, когда форма половых сношений, запрещенных сновидцу цензурой сновидения, должна была осуществиться (гомосексуальный контакт.) Наиболее вероятно, в притче также есть некоторая форма сексуальности, отклоненная цензурой. Какой она может быть? Ничто не указывает на гомосексуальное желание. Мы должны будем искать другую эротическую тенденцию, которая отклоняется от нормальной. Исходя из нескольких признаков, мы могли бы предположить эксгибиционизм. Он, как почти все ненормальные эротические тенденции, также является элементом нашей нормальной психосексуальной конституции, но если он проявляется слишком заметно, то цензура атакует его. Моменты притчи, которые указывают на эксгибиционизм, те, где Странник видит через запертые двери (Раздел 10) или стены (Раздел 11), объекты, которые могут интерпретироваться как сексуальные символы. Исполнение желания предстает в причудливом виде. Гипотеза, что эксгибиционизм — запрещенный эротический элемент импульса, который мы искали, однако, окажется необоснованной, если мы вспомним, что эти самые элементы появляются наиболее открыто в притче. В Разделе 14 у Странника есть свободная возможность поступить, как ему хочется. Тем не менее, остается вопрос, какова запретная тенденция? Ответ найти нетрудно. Слова самой притчи информативны. В Разделе 14 мы читаем: «Теперь я не знаю, в чем согрешили эти двое, кроме того, что, они, хотя и были братом и сестрой, их соединяла столь глубокая любовная связь, что они не могли быть разделены, и так, на самом деле, хотели быть наказанными за кровосмешение». И в другом месте (Раздел 13): «наш жених... со своей самой дорогой невестой... достиг брачного возраста. Этим двух схватили так быстро, и я был немного озадачен вопросом о том, что девушка, которая, как предполагалось, была матерью жениха, оставалась все еще настолько молодой».

Сексуальная склонность, запрещенная цензором, является инцестом. То, что об этом упоминается в притче, несмотря на цензора, очень любопытно. Сновидения очень ловки в этом отношении, и тот же самый ум (очевидно не сознающий со стороны автора) обнаруживается в притче, аналогичным его проявлению в сновидении. Кровосмешение может быть упомянуто явно, потому что оно приписано людям, которые очевидно не имеют никакого отношения к Страннику. То, что король в хрустальной

тюрьме — никто иной, как сам Странник, мы знаем благодаря нашему критическому анализу. Сновидец не знает этого. Для него король — другой человек, который ответственен за свои действия; хотя, несмотря на явную маскировку, некоторое чувство ответственности все еще омрачает Странника, и теперь это специфическое чувство объяснено.

Позже мы поймем, что с самого начала притчи символы кровосмешения очевидны. Появляясь лишь смутными намеками вначале, позже они становятся более прозрачными, и в тот самый момент, когда с них снимается последний покров и они достигают силы, невыносимой для цензора, в тот психологический момент, запретное действие совершается другим человеком.

Подобным процессом, конечно, является изменение ситуации в сновидении о землянике в тот момент, когда события начинают казаться неприятными сновидцу. Подобное становление неприятным обнаруживается в нашей притче. Критический переход происходит в одном из тех мест, где изображаемое кажется самым запутанным. Так обычно происходит с самыми слабыми местами поверхности сновидений. Местами, где внешнее покрытие изношено, и нагота предстает перед взглядом аналитика.

Критическая фаза притчи начинается в 11 Разделе. Старшие обсуждают письмо совета. Странник замечает, что содержание письма касается его, и спрашивает: «Господа, это имеет отношение ко мне?» Они отвечают: «Да, ты должен жениться на женщине, которую недавно выбрал». Странник: «Это не проблема; поскольку я, если можно так выразиться, родился [как тонко!] с ней и провел детство с ней». Теперь тайна кровосмешения почти раскрыта. Но от этого сразу благоразумно отрекаются. В Разделе 12 мы читаем: «Затем меня озарило, и я подумал про себя, что по особым причинам [эти особые причины — цензор сновидения, управляющий в бессознательном и производящий последующие смещения], это не должно касаться меня, но кого-то другого, кто известен мне [действительно, знакомый другой]. Тогда я увидел, что наш жених и его невеста идут мимо в своих прежних одеяниях, готовые к соединению, что глубоко порадовало меня, поскольку я был в большом смятении, что вопрос мог касаться меня». Беспокойство вполне понятно. Здесь имеет место смещение от Странника к другому человеку. Далее в Разделе 13: «Теперь после... наш жених... с его самой дорогой невестой... достиг брачного возраста» [Цель, с которой цензор выполняет свои обязанности и производит смещение сновидения, как утверждает Фрейд (Trdtg., стр. 193): «предотвратить развитие беспокойства или другую форму

болезненного аффекта»]. «Они совокуплялись... и я был немного озадачен вопросом о том, что девушка, которая, как предполагалось, была матерью жениха, оставалась все еще настолько молодой». Теперь, когда свершилось смещение, мысль о том, что это была мать, стала возможной; тогда, как прежде предполагалось, что это была сестра. Раздел 14 явно упоминает кровосмешение и даже устраивает наказание за повинность. В этой форме вопрос может рассматриваться, не беспокоя совесть, или будучи далее представленным иллюстрировано.

Сестра, чередующаяся в рассказе с матерью, только подготавливает к последнему. Поскольку мы находим, что Эдипов комплекс [ослабление которого часто происходит, не просто в психологии сновидений, но также и в современной мифологии] возрождается в притче. Давайте рассмотрим его в контексте сказок и мифов, с которыми мы сравнили его. Появление женщины, искавшей и борющейся за героя в более глубоком психологическом значении, всегда представляет собой мать. Значимость мотива кровосмешения была обнаружена, с одной стороны, психоаналитиками (в особенности Ранком, исследовавшим обширный материал), с другой — исследователями мифов. То, что много современных мифологов делают большой акцент в этом открытии на звездное или метеорологическое содержание, и не делают психологических выводов, является другим вопросом, который будет обсужден позже. Но мимоходом стоит отметить, что схожесть в обнаруженном материале (мотивы) является примечательной, поскольку следует из работ, очень отличающихся в своих целях.

Теперь пора исследовать детали притчи в соответствии с главной темой, только что заявленной, и перейти к конкретной интерпретации. Впредь мы можем придерживаться хронологического порядка.

Пороговая символика в начале притчи уже была пояснена, а также препятствия, которые свидетельствуют о психологическом конфликте. Мы могли бы этим удовлетвориться, и все же возможна более полная интерпретация, которая пояснит особые образы, являющиеся сверхдетерминированными. Узкая тропинка, поросшая кустарниками, приводит к *Pratum felicitatis*. Это место, согласно типичной символике сновидений, также является частью женского тела. Препятствия в пути мы рассматриваем как препятствия для кровосмешения; таким образом, очевидно, что имеется в виду определенное женское тело, а именно, тело матери. Проникновение приводит к *Pratum felicitatis*, к блаженному удовольствию. В сказках пребывание в лесу вообще изображает жизнь или смерть в подземном мире. Вильгельм Мюллер, например, пишет: «Как символы

подобного значения, мы встречаем мотив преобразования в лебедей или других птиц, в цветы, испытания в лесу, жизнь в стеклянной горе, в замке, в лесах... Все они подразумевают жизнь и смерть в подземном мире». Подземный мир, если рассматривать его мифологически, это не только земля, куда отправляются мертвые, но также и та, откуда приходят живые; таким образом, для человека, и в особенности для нашего Странника, это матки матери. Существенно, что Странник, идя вперед, думает о падении наших прародителей и оплакивает его. Падение родителей было сексуальным грехом. То, что это было кровосмешение, кроме того, будет рассмотрено позже. Сын, который видит в лице отца соперника в борьбе за мать, сожалеет, что родители принадлежат друг другу. Сексуальное нарушение (кровосмешение) привело к потере рая. Странник входит в рай, *Pratum felicitatis*. [Сад Радости, Сад Мира, Гора Радости, и т.д. являются названиями рая. Теперь особенно примечательно, что теми же самыми словами можно описать возлюбленных. (Grimm, D. Mythol., II, стр. 684 и последующие, Глава XXV, 781 f.)]

Путь туда не слишком труден для Странника (Раздел 2). В Разделе 3 Странник входит в свой рай (кровосмешение). Он встречает в отце препятствие своим отношениям с матерью. Старшие (отколота фигура отца) не допускают его, запрещают ему вход в коллегию. Однако, он сам, молодой человек, уже среди них. Молодой человек, имя которого он знает, не видя его лицо, он и есть. Он помещает себя на место своего отца. (Другой молодой человек с черной бородой может быть намеком на определенного человека, понятным небольшому кругу читателей притчи, современникам автора. Или имеется в виду фигура дьявола или смерти, все же я не могу утверждать однозначно.)

В Разделе 4 начинается экзаменация, сначала в более узком значении слова. Родительская атмосфера каждого экзамена была уже подчеркнута в отрывке Фрейда, процитированного выше. Каждое испытание связано с ранними впечатлениями от родительских указов и наказаний. Позже (в сцене со львом) экзаменатором окажется Странник, сейчас экзаменаторы — старшие. В отношениях между родителями и ребенком игра вопросов важна с психологической точки зрения. Удивительно рано любопытство ребенка обращается к сексуальным вопросам. Он желает знать, как, откуда берутся дети. Необщительность родителей временно подавляет этот интерес, однако, он не прекращает пробуждать сильное желание объяснения. Уклонение от проблемы порождает далее характерную потерю доверия со стороны ребенка и ироническое мнение или чувство, что он знает лучше. Мы наблюдаем у Странника понимание

вопроса, превосходящее отцовское. Все переворачивается. Вместо ребенка, желающего (сексуального) объяснения от родителей, отец должен учиться у ребенка (исполнение желания быть отцом, как сказано выше). Старшие знакомы только с фигуративным языком («Similitudines», «Figmenta», и т. д.); но Страннику явно сообщают, что на практике, он — знаток. Родители в их неопределенном ответе на вопрос «Откуда происходят дети?» дают фигуративный ответ (однако, это может быть фигура речи) в высказывании, что их приносит аист, в то время, как ребенок ожидает ясную информацию (из опыта). Касаемо образности и информативности метафоры, согласно которой аист приносит младенца из воды, мы можем отметить следующие наблюдения Kleinpaul. Фонтан — матка матери и красноногий аист, который приносит младенцев, не является ничем другим, как забавным фигуральным обозначением органа (фаллоса) с длинной шеей как у гуся или аиста, что фактически вытаскивает маленьких младенцев из тела матери. Мы понимаем также, что аист укусил Маму в «ногу».

Мы познакомились выше со страхом перед бессилием как одним из аспектов беспокойства об экзаменах. Психосексуальные преграды вызывают бессилие. Страх перед инцестом — такая преграда.

Согласно Laistner мы можем рассматривать болезненные испытания, пытку вопросом как типичный опыт героя в бесчисленных мифах. Laistner, начиная с этого ключевого мотива, прослеживает, что большинство мифов восходят к сновидениям о демонах. Решением мучительной загадки, волшебным словом, которым изгоняется призрак, является крик пробуждения, освобождающий спящего от угнетающего сновидения, демона. Прототипным образом мучителя, загадывающего загадки, согласно Laistner, является Сфинкс. Сфинкс, дракон, гиганты, людоеды, и т. д., являются аналогичными фигурами в мифах. Они представляют собой то, что сокрушает героев, и с чем они должны бороться. Соответствующий образ в нашей притче — лев.

Хотя Странник блестяще выдержал испытание, старшие (Раздел 5) не допускают его в свое сообщество (возвращается мотив отклонения); но подготавливают его к сражению со львом. Это — конечно, персонификация таких же преград, как сами старшие. В них мы видим, если можно так выразиться, дракона (которого нужно подчинить) во множественной форме. Мы знаем, что для Странника собрание старших главным образом символизирует отца, и то же самое верно теперь в отношении льва (царь зверей, королевское животное, также в герметическом смысле. Кайзер, король, гигант, и т. д., обычно представляют фигуру отца в сновидениях.

Соответственно, большие животные, особенно дикие животные или хищники, имеют аналогичное значение в сновидениях.

Штекель [Spr. TR] описывает следующее сновидение своего пациента: «Я был дома. Моя семья держала мертвого медведя. Его голова была деревянной, и из его живота росло могучее дерево, которое выглядело очень старым. Вокруг шеи животного была цепь. Я тянул его, и впоследствии боялся, что возможно задушил его, несмотря на то, что он давно был мертв».

И следующую интерпретацию посредством анализа: «Медведь могущественнее, то есть, это его отец, который сообщил ему много лжи о происхождении детей. Он оскорбляет его за это. Он был дебилом, у него была деревянная голова. Могучее дерево — фаллос. Цепь — брак. Он был подкаблучником, прирученным медведем. Мать держала его цепью. Эту цепь (связь брака) пациент желал порвать (мысли об инцесте). Когда отец умер, пациент держал свою руку у рта отца, чтобы узнать, дышал ли он еще. Тогда его преследовали навязчивые идеи, что он убил своего отца. В сновидениях появляется тот же самый упрек. Мы понимаем, насколько сильным был его импульс к убийству. Его упреки оправданы. Поскольку у него было огромное желание умереть, сосредоточенное на той самой драгоценной жизни».

Девочка около шести лет рассказала своей матери следующее сновидение: «Мы были вместе и увидели верблюда на скале, ты забралась на утес. Верблюд хотел продолжать слюнявить тебя, но ты ему не позволила и сказала: „Я бы хотела сделать это, но если ты похож на это, я не буду этого делать“».

После рассказа о сновидении мать спросила девочку, может ли она вообразить, что значит верблюд в сновидении, и она немедленно ответила: «Папа, потому что он еле плетется и волнуется как верблюд. Ты знаешь, Мама, когда он хочет слюнявить тебя, он как будто говорит: „Пожалуйста, играй со мной. Я женюсь на тебе; я не позволю тебе уйти“. Скалы, на которых ты находилась, были очень круты, тропинка была четкой, но ограждения были очень грязными и была глубокая пропасть и кто-то упал в пропасть сквозь ограждение. Я не знаю, был это дядя или папа».

Штекель замечает относительно этого сновидения: «Невротический ребенок полностью понимает конфликт родителей. Мать отказалась от совокуплений с отцом. Поэтому она не будет играть с верблюдом. Верблюд хочет жениться на ней. Это довольно озадачивающее, откуда ребенок знает, что мать долго вынашивала мысли о разрыве... Дети, очевидно, видят намного более пронизательно и точно, чем мы

подозревали. Заключение сновидения — довольно прозрачная символика совокупления. Но мысли сновидения все же идут глубже. Человек падает в пропасть. Отец отправляется в небольшую горную экспедицию. Ребенок желает, чтобы отец упал? Отец плохо обращается с ребенком и иногда несправедливо бьет ее. Во всяком случае, нужно отметить, девочка говорила матери: «Мама, а когда Папа умрет, вы поженитесь с доктором Штекелем? В другой раз она сказала: «Ты знаешь, Мама, доктор Н. лучше, чем папа; он подошел бы тебе намного больше». Также мы видим здесь противопоставление чистого и грязного, что позднее играет важную роль в психической жизни невротиков».

Не только верблюд, но также и ограждение, и пропасть интересны, касательно интерпретации Разделов 7 и 8 притчи, где присутствует опасная стена с перилами. Люди падают с нее. Очевидно, мы встречаем здесь родственную примитивную символику (также, как и в сновидении ребенка). Но я не буду забегать вперед.

Нет необходимости добавлять что-либо к сновидению про медведя, все довольно ясно. Только один момент стоит отметить — в притче мы встретим беспокойство по поводу мертвых, хотя его испытывает не Странник, а старшие, желающие оживления льва.

Странник описывает льва (Раздел 6) как «старый, свирепый и большой» (рычащий медведь сновидения). В его взгляде выражается укоризненный взгляд отца.

Странник побеждает льва и «рассекает» его. Обнажаются красная кровь и белые кости, мускулинное и феминное; появление этих двух элементов, во всяком случае, сверхдетерминированно в своем значении, поскольку отражает, с одной стороны, разделение пары, отца и матери, первоначально объединенной в одно тело; и с другой стороны — освобождение сексуальности в уме Странника (победа матери или охраняемой драконом девы).

Мы не должны понимать фигуры льва и старших только как отцовские. Такие сложные фигуры обычно представляют собой собирательные образы. Старшие не просто представляют отца, но также и старых, или старейших = родителей вообще, поскольку они строги и недоступны. Очевидно, мать также окажется недоступной, если взрослый сын возжелает ее как жену. [У мальчика, с другой стороны, часто случаются эротические события, связанные с матерью. Родители потворствуют им, потому что они не понимают значения даже собственной нежности. Они вообще не знают, как установить пределы между сдержанностью и чрезмерностью]. Уговоры Странника не заканчиваются успехом в случае со львом.

Он начинает ласкать его (Раздел 6), но лев смотрит на него грозно своими яркими, сияющими глазами. Он не любезен; Странник должен бороться с ним. Мотив использования силы в отношении матери часто появляется в мифах. Мы встретим пример этого позже. Характерно, что Странник поражен своей собственной смелостью.

Между борьбой с драконом, расчленениями, кровосмешениями, разделением родителей, и другими побуждениями есть близкая связь, отображенная в мифологии. Я обращаюсь к сравнению побуждений, собранных Штуkenом из множества материала. [Я привожу выдержку из его трудов в конце этой части, Дополнение А]. Мотив расчленения имеет большое значение для последующей работы над данной темой, потому я должен более подробно на этом остановиться сейчас.

У частей, следующих из расчленения, есть сексуальное или относящееся к воспроизводству значение. Это очевидно из анализа притчи даже без проведения мифологических параллелей. Тем не менее, обратите внимание, что многие из представлений о происхождении Вселенной, или по крайней мере мира и его жизни восходят к разделенным частям тела великого животного или гиганта. В Младшей Эдде описывается расчленение гиганта Имира:

«От плоти Имира была создана земля,
От его пота море,
От его скелета горы, деревья от его волос,
От его черепа небеса,
От его бровей Асес сердечно сотворил
Митгарда, сына человеческого.
Но от его мозга были созданы все скверные облака».

В иранской мифологии существом, от которого произошли все творения, является бык Абудад. «От его левой стороны произошла Goschorum, его душа, и вознеслась до звездных небес; от его правой стороны произошел затем Kajomorts (Gayomard), первый человек. Из его семени земля вобрала одну треть, но луна две трети. Из его рогов выросли фрукты, из его носа — лук, из его крови — виноград, из его хвоста — пять и двадцать видов зерна. Из его очищенного семени были сформированы два новых быка, от которых произошли все животные». Так же, как в иранском мифе изначальное существо, Гайомард (Gayomard), подразумевает объединение человека и его предка быка. Таким образом, мы находим в северном мифе корову Аудумлу, связанную с Имиром. Имира следует

расценивать как гермафродита (мужчину и женщину), а примитивную корову как удвоение его существа. Иранский примитивный бычий предок происходит также, как корова. Этому соответствуют белый и красный цвета, мужское и женское в теле льва.

В индийском жертвоприношении Ашвамедхе части принесенного в жертву коня соответствуют элементам видимого творения (см. Брхэдараньяка Упанишада I, i). Примитивная ведическая космогония рассматривает мир как производное от частей тела гиганта (Ригведа пуруша-шукта).

Так же, как и мертвый прародитель является принесенным в жертву быком, Митра, растительной жизнью и растениями, таким образом, в сновидении Омикрона, дерево растет из живота мертвого медведя. В мифологии множество деревьев произрастает из могил, которые в некотором роде воплощают творческий принцип или жизненный принцип мертвых. Любопытно, что мир, или новый усовершенствованный мир, берет начало из мертвого тела. Кто-то убивает существующее и тем самым создает усовершенствованное творение (Кстати, согласно Штукену, все мифы — мифы о сотворении). Это усовершенствование теперь идентично, в психологическом отношении, с вышеупомянутым превосходящим знанием сына (говоря обобщенно, существующее новое поколение, противопоставленное предкам). Сын покончил с отцом (дети пересиливают предков), и создает, как из обломков, усовершенствованный мир, основанный на превосходящем знании и превосходящей эффективности. Первоначальные существа уничтожены, но не творческая сила (фаллос, дерево, красный и белый цвет). Она переходит к потомству (сыну), который использует ее в свою очередь.

Расчленения в мифах о создании не всегда множественные, но иногда дихотомические. Таким образом, в вавилонской космогонии Мардук раскалывает монстра Тиамат на две части, которые впредь станут верхней и нижней половиной небес. Winckler приходит к заключению, что Тиамат — мужчина-женщина (первоначальная пара). Это подводит нас к типу сказания о сотворении, где творец (усовершенствованного) мира разделяет первоначальную пару, своих родителей. Китайский миф о сотворении говорит об архаичном Хаосе как пенящейся воде, в которой эти две силы, Ян (небеса) и Инь (земля), два первоначальных предка, смешаны и объединены. Pwanku, ответвление этих первоначальных сил (сын родителей), разделяет их, и, таким образом, они становятся явными. В египетском мифе мы читаем («Maspero, Histoire des Peuples de l'Orient, Stucken, Astral Myth» стр. 203): «Земля и небеса в начале были влюбленной парой, потерянной в Сейчас, держащей друг друга в крепком объятии, бог

ниже богини. Теперь в день создания новый бог [тип сына], Шоу, вышел из вечных вод, скользнул между ними и захватил Нюит [богиню] своими руками, и поднял ее на расстояние вытянутой руки над своей головой. Так звездная грудь богини простерлась космосом, голова западом, поясница востоком, и стали небом, ее ноги и руки [как четыре столба небес] упали тут и там на нашу землю». Молодой бог или сын прокладывает свой путь между родителями, разъединяет их союз, так же, как сновидец Омикрон стремится к разъединению цепи медведя (брачная связь родителей). Этот случай — вполне типичен для аналитической психологии и мифической космогонии. Ребенок — фактически злоумышленник, даже при том, что косвенно он делает узы брака более крепкими. По сути, ребенок появляется как конкурент отца, который больше не является единственным любимым своей жены. Он должен разделить любовь с вновь пришедшим, которому уделяют больше нежности. У растущего сына вторжение порождает эдипов мотив (желание кровосмешения).

Самой откровенной и также обычно наблюдаемой формой мифологического разделения первоначальной пары является кастрация отца сыном. Мотив, выражающийся кастрацией сына отцом в психологическом отношении столь же постижим. Последний — в психологическом отношении необходимый коррелят первой формы. Конкуренты, отец и сын, угроза сексуальной жизни друг друга. То, что мотив кастрации работает между отцом и сыном именно так (или с зятем, если дочь занимает место матери), выражается во многих словах мифов или через соответствующие типы смещений.

Очевидный случай — кастрация Урана его сыном Кроносом, который, таким образом, предотвращает дальнейшее сожительство первоначальных родителей. [Архетип мотива Титана в узком смысле]. Важный факт для нас состоит в том, что в мифах кастрация иногда представляется как разрывание конечности или полное расчленение. (Stucken, *Astral Myth*, стр. 436, 479, 638 и последующие; Rank, *Incest Motive*, стр. 311 и последующие).

Миф об Адаме также содержит мотив отделения от первоначальных родителей. В Книге Бытия мы, конечно, не видим миф в его чистой форме. Его необходимо восстановить. Штукен делает это, рассматривая Адама и Еву как первоначальную мировую родительскую пару и Яхве-Элохим как разделяющего бога сына. Сравнивая Адама и Ноя он, рассуждая аналогично, неожиданного приходит к идее кастрации Адама. В связи с «мотивом спящего первоначального отца» он замечает позже (*Astral Myth*, стр. 224), что кастрация (или бесстыдное деяние, Хам с Ноем)

выполняется, в то время как первоначальный отец лежит и спит. Таким образом, Кронос кастрирует Урана ночью, в то время как он спит рядом с Галой. Штукен демонстрирует, что мотив сновидения содержится во 2-ой главе Книги Бытия. «И Господь Бог заставил Адама заснуть глубоким сном, и он спал; и он взял одно из ребер и закрыл то место плотью» (11:21.) Согласно Штукену, ребро эвфемистически обозначает детородный орган, которое был отрезан у Адама, пока как он спал.

Трактовка Ранка иная. Он рассматривает создание Евы из Адама как инверсию. Он обращается к мифам диких народов о мировых родителях, в которых сын порождает новое поколение от матери. Он приводит вслед за Фробениусом сказание африканского народа Йоруба, где сын и дочь первоначальных родителей женятся и рожают сына, который влюбляется в свою мать. Поскольку она отказывается уступить его страсти, он преследует и пересиливает ее. Она немедленно подпрыгивает и убегает в слезах. Сын следует за ней, чтобы успокоить ее, и когда он ловит ее, она падает, растягиваясь на земле, ее тело начинает раздуваться, из ее груди хлынуло два потока воды, а тело рассыпалось на части. Пятнадцать богов возникли из ее разрушенного тела. [Мотив расчленения материнского тела. Расчлененный лев также, естественно, содержит этот мотив. Из искаленного тела возникают дети — мужчина и женщина (красный и белый)]. Ранк предполагает, что библейское описание мировых родителей служит маской для кровосмешения (и, естественно, в то же самое время символическое осуществление кровосмешения). Он продолжает: «Необходимо, чтобы инфантильная теория рождения [Рождение из заднего прохода, пупка, и т.д. Посредством изъятия ребра], которая игнорирует женские половые органы и относится к обоим полам, взошла в мыслях ребенка к следующему более высокому уровню понимания, согласно которому только лишь женщина способна произвести дитя на свет раскрытием своего тела. В противоположность библейскому описанию имеет место подлинно естественный процесс, согласно которому Адам вышел из раскрытого тела Евы. Если по аналогии с другими традициями, мы будем рассматривать их как первых людей, то становится ясно, что у Адама были половые сношения со своей матерью, и что маскировка этого отвратительного кровосмешения послужила причиной смещения сказания и символического представления ее содержания». Представления о рождении из части тела, из пупка, из заднего прохода, и т.д., являются распространенными теориями рождения среди детей. В мифах, аналогичных библейскому эпизоду с яблоком, мужчина почти всегда предлагает яблоко женщине. Библейский рассказ — вероятно,

инверсия. Яблоко — яблоко любви и символ оплодотворения. Оплодотворение едой — также инфантильная теория рождения. Для Ранка поэтому именно Адам повинен в разделении первоначальных родителей [Яхвы и Евы] и кровосмешении с матерью. Контраст между двумя предыдущими концепциями мифа об Адаме не стоит преувеличивать. Они дополняют друг друга, потому что сама Книга Бытия собрана из гетерогенных частей и различных уточнений мотива первоначальной пары. Такой материал содержит смещения, инверсии, и потому очевидные противоречия. Кроме того, интерпретация зависит не столько от описания обнаруженных побуждений, сколько о самих побуждениях. [On the interpretation of the mythological motives cf. Lessmann, Aufg. u. Ziele, стр. 12].

Давайте возвратимся теперь к мотиву расчленения. Один из самых известных примеров расчленения в мифологии — расчленение Осириса. Осирис и Исида, брат и сестра, уже страстно любящие друг друга в матке их матери, как повествует миф, совокуплялись так, что в итоге их сын *Ageris* (Гор) родился от еще не родившихся Осириса и Икиды. Таким образом, эти два бога уже вошли в мир как женатые брат и сестра. Осирис странствовал по земле, даруя пользу человечеству. Но у него был злой брат, полный ревности и зависти, Тифон (Сет), который с удовольствием воспользовался в своих интересах отсутствием брата, чтобы занять место на его троне. Исида, правившая во время отсутствия Осириса, действовала так энергично и решительно, что были разбиты все его злые замыслы. Наконец Осирис возвратился, и Тифон со своими многочисленными союзниками (число изменяется) и эфиопской королевой Асо организовал заговор против Осириса. Он устроил пир под маской дружбы. По его велению был изготовлен великолепный гроб, и во время веселья в ходе пиршества Тифон приказал внести его, и предложил отдать его человеку, которому гроб придется в пору. До того он тайно снял мерки с Осириса и подготовил гроб соответственно. Все попробовали лечь в него, но никому он не соответствовал. Наконец Осирис лег в него. Тогда Тифон и его союзники рванули, закрыли гроб и бросили в реку, которая унесла его в море. (Creuzer, L., стр. 259 и последующие). Братоубийство, которое было совершено, согласно оригинальной версии, из-за желания власти, более поздняя традиция заменяет неосознанным кровосмешением, которому Осирис предается со своей второй сестрой, Нефтидой, женой Сета. От этого союза рожден Анубис (бог с головой собаки). Сет и Нефтида, согласно H. Schneider, очевидно, не являются первоначальными женатыми братом и сестрой как Осирис и Исида, но, возможно, были представлены посредством дублирования, чтобы объяснить войну между

Осирисом и его братом. С помощью Анубиса Исида находит гроб, возвращает его в Египет, открывает в уединении и уступает нежным чувствам и горю. Вслед за этим она скрывает гроб с телом в лесной чаще в уединенном месте. Тифон устраивает охоту и находит гроб. Он разрезает тело на четырнадцать частей. Исида вскоре обнаруживает потерю и отправляется на поиски расчлененного тела Осириса на папирусном каноэ, путешествуя через все семь устьев Нила, пока она наконец не находит тринадцать частей. Только одной недостает — фаллоса, его унесло в море, и он был проглочен рыбой. Она соединила части, заменила пропавший мужской детородный орган сделанным из платана и прирастила его к телу. С помощью своего сына Гора, который, согласно более поздним традициям, был порожден Осирисом после смерти, Исида отомстила за убийство своего супруга и брата. Между Гором и Сетом, которые изначально были братьями, начинается война, во время которой каждый отрывал от другого различные части тела как дающие силу амулеты. Сет вырвал глаз своего противника и проглотил его, но потерял в то же самое время собственные гениталии (яички), которые в оригинальной версии, вероятно, проглотил Гор. Наконец Сет был побежден и вынужден отдать глаз Гора, с помощью которого Гор оживил Осириса, и тот смог войти в королевство мертвых как правитель.

Расчленение, с заключительной потерей фаллоса, явно символизирует кастрацию. Вырывание глаза также должно быть расценено как кастрация. Этот мотив представлен как самонаказание за кровосмешение к концу мифа об Эдипе. О расчленении Осириса как кастрации Ранк пишет (Inz. Mot, стр. 311): «Характерное освящение фаллоса Исидой показывает нам, что ее горе в наибольшей степени касается потери фаллоса (и это также выражается в факте, что согласно более поздней версии, она была таинственным образом оплодотворена ее кастрированным супругом), так и с другой стороны, поведение жестокого брата показывает нам, что в расчленении он особенно интересовался фаллосом, и это была единственная найденная часть тела, очевидно спрятанная намеренно. Действительно, оба мотива кажутся родственными в версии, процитированной Jeremias (Babylonisches в N. T., стр. 72 1), согласно которой Анубис, сын виновного в измене Осириса с его сестрой Нефтидой, нашел фаллос Осириса, расчлененного Тифоном с 27 помощниками, который Исида спрятала в гробу. Только так можно было скрыть от Тифона фаллос, породивший новое поколение. Если это версия ясно демонстрирует, что Исида изначально сохранила в гробу настоящий фаллос своего мужа и брата, который был сделан невредимым и не просто деревянным,

то с тогда увеличивается вероятность, что история изначально касается одной только кастрации из-за различных ослабляющих и мотивирующих попыток, которые встречаются в мотиве расчленения».

В форме сказания об Осирисе расчленение появляется, однако, не просто как кастрация. Явно распознается также разделение основных родителей, смерть первоначального существа, приводящая к возникновению основной рождающей силы для нового мирового творения. Это — очень интересный момент, и по одной из версий из трупа Осириса вырастает могучее дерево. Позже мы впервые познакомимся с мощным мотивом восстановления расчлененного, возвращения к жизни мертвых.

Например, в финском эпосе Калевала, Нашут бросает Лемминкяйнена в воды реки мертвых. Лемминкяйнен был расчленен, но его мать извлекла части, одна из которых отсутствовала, соединили их, и оживила в своей матке. Согласно объяснению Штукена, мы узнаем в Нашут образ отца, а в Лемминкяйнене образ сына. В традиции не упоминаются никакие отношения между ними. Таким образом, однако, «Дифференцирование и ослабление черт встречается в каждом мифе». (S. A. M., стр. 107)

В Эдде это изображено так: «Тор собирался в путь со своей колесницей, козами и ослом по имени Локи. Они прибыли вечером к крестьянину и нашли у него приют. Ночью Тор взял своих коз и убил их; вслед за этим они были освежены и помещены в чайник. И когда они сварились Тор сел ужинать со своими попутчиками. Тор пригласил крестьянина, его жену и двух детей есть с ним. Сына крестьянина назвали Тьялфи, а дочь Росква. Тогда Тор положил шкуры коз около очага и сказал, что крестьянин и его семья должны бросить кости на кожу. Тьялфи, сын крестьянина, взял бедренную кость одной козы и разрезал на две части ножом, чтобы достать костный мозг. Тор остался там той ночью, а утром он встал на рассвете, оделся, взял молот, Мьёлнир, и поднял его, чтобы освятить шкуры коз. Вслед за этим козы встали; но одна из них была хромой на заднюю ногу. Он заметил это и сказал, что крестьянин или кто-то из его домашних, должно быть, был небрежен с костями коз, поскольку он видел, что бедренная кость была сломана». Мы должны особенно подчеркнуть здесь, что молот— фаллический символ.

В сказках расчленение и возвращения к жизни происходит часто. Например, в рассказе о Можжевельнике [Machandelboom] (Grimm, K. H. M., № 47) молодой человек казнен, расчленен, приготовлен и подан своему отцу, чтобы быть съеденным. Отец считает блюдо исключительно хорошим. Когда отец поинтересовался, где сын, ему сказали, что молодой человек отправился посетить родственников. Отец бросает все кости

под стол. Их собирает сестра, обрачивает небольшим количеством ткани и кладет под можжевельник. Душа мальчика взлетела в воздух как птица и позже переселилась в живого молодого человека. Братья Гримм проводят параллель: «Собирание костей встречается и в мифах об Осирисе и Орфее, и в легенде об Адальберте; возвращение к жизни во многих других рассказах, например, в рассказе Брат-Весельчак (К. Н. М., № 81), Vogel Fichter (№ 46), в старой датской песне Maribo-Spring, в немецком сказании об утопленном ребенке, и т.д». Кроме того, В. Маннхардт (Germ. Mythen., стр.57–75), собрал многочисленные сказания и сказки такого типа, где происходят оживления расчлененного рогатого скота, рыбы, коз, баранов, птиц и людей.

Ужасная еда в истории можжевельника напоминает нам об истории Тантала и еде Thyestes. Деметра (или Thetes) съела плечо расчлененного Пелопа, который был жертвован богам своим отцом Танталом, и плечо, после оживления, было заменено слоновой костью. В истории северо-восточного Кавказа серна, так же расчлененная и оживленная, как козы Тора, получает искусственное плечо (из древесины).

С целью возвращения к жизни части расчлененного животного обычно помещаются в судно или некий контейнер (чайник, коробка, ткань, кожа). В случае чайника, который соответствует животу или матке, они вообще готовятся. Таким образом, в рассказе о можжевельнике происходит волшебное омоложение Медеи. Я должен упомянуть и другие относящиеся к этому вопросу наблюдения Ранка (стр. 313 и последующие). Мотив возвращения к жизни, наиболее глубоко связанный с расчленением, кажется, не только во вторичной роли дает компенсацию для успокоения, но представляет также простой приход в себя, то есть, рождение. Ранк полагает, что возвращение в себя снова применяется первоначально к разрезанной змее (позже к другим животным, в основном птицам), что может быть оживлена снова посредством воды жизни, и в которой мы легко узнаем символическую компенсацию за фаллос в истории Осириса. Идея, что сам человек при рождении собирается из отдельных частей, нашла выражение не только в типичных широко распространенных сексуальных теориях детей, но и в бесчисленных историях (например, Balzac's Contes drolatiques) и мифических традициях. Особенно интересно для нас старинное выражение, сообщенное Маннхардтом (Germ. Myth., стр. 305), который говорит о беременной женщине, что «у нее живот полон костей», и это поразительно иллюстрирует особенность, подчеркнутую во всех традициях, что кости расчлененного человека собираются в кучу, или в чайник (живот), или обрачиваются в ткань. [Даже мертвый

Иисус, который должен воскреснуть, был окутан тканью]. В нескольких моментах это соответствует признакам истинного мифа об оживлении. Важный момент состоит в том, что конечности, которые помещаются в ткань должны быть неповрежденными, и только так восстановление может свершиться должным образом (как в истории о птице, где кости мертвой птицы должны быть тщательно сохранены). Неполнота (шрам) также появляется после восстановления.

От Иоанна, 19:33: «Но, придя к Иисусу, как увидели Его уже умершим, не перебили у Него голени» 40-41. «Итак, они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен».

[Мы возвратимся позже к значению сада и могилы. Оно применимо к той ткани].

Ранк полагает, что обстоятельство, что расчлененный человек или животное, возрожденное вновь, испытывают недостаток части тела, указывает без исключения на кастрацию.

Опираясь на сказанное им о расчленении, мы можем теперь подвести итог в отношении льва в притче в виде формул: разделение родителей; борьба с отцом; кастрация отца; занятие его места; освобождение творящей силы; усовершенствование. В связи с мотивом желая кровосмешения, кастрация — действительно лучший перевод «анатомирования» льва. Покоритель дракона должен освободить женщину. Идея, что мать необходимо освободить, и что это — благодеяние, чтобы освободить ее от угнетателя, отца, является, согласно психоанализу, типичным элементом тех неосознанных фантазий человечества, которые отпечатаны глубоко с самым большим значением в образном «семейном романе» невротиков. Типичному сюжету борьбы с драконом соответствует, однако (согласно правильной формулировке Штукена), мотив опровержения. Фактически герою нашей притчи отказывают в награде, входе в сообщество, несколько из старших настаивают, что Странник должен оживить льва (Раздел 7). В мифах, где дракон должен бороться со многими людьми разногласия часто встречаются, он производит их среди своих противников. (Ясон бросает камень между людьми в зубы дракона, они борются из-за камня и унижают друг друга.) Разногласие имеет место также среди стариков. Они оборачивались (Раздел 7) «отчаянно друг на друга» и разговаривали.

Странник, в действительности, преодолевает препятствие борьбой, разрушает стену или сдержанность. Этот символ часто встречается

в сновидениях; полетам или перепрыгиванию через стены присуще подобное значение. Странник вознесся, будто в полете на вершину стены. Тогда впервые возвратились его колебания. Символика этих двух путей, правого и левого, уже была упомянута. Человек, который идет впереди Странника (Разделы 7 и 8) вполне может символизировать отца; поскольку Странник оказывается на пути к матери (что является тенденцией сновидения), и на этом пути отец — естественно, предшественник. Отец — однако, наставник, также, показывающий пример и модель выбора правильного пути. Отец следует правильным путем к матери; он — законный муж. Сын может достигнуть ее, придерживаясь левого пути. Он ступает на него с целью усовершенствования. Кто-то следует за Странником с другой стороны (Раздел 8), мужчина это или женщина — неизвестно. Образ отца перед Странником — его будущее, поскольку он займет место своего отца. Существо позади него — конечно, прошлое, беззаботное детство, которое еще не изучило различия между мужчиной и женщиной. Оно не ступает по трудному правильному пути, но вполне понятно, что выбирает левый. Сам Странник возвращается к своей ребяческой безответственности; он выбирает левый путь. Многие люди, которые падают, могут быть фоном, иллюстрирующим опасности пути, с целью углубления впечатления от усовершенствования. Фантазии об экстраординарных способностях, особых возможностях; контраст по отношению к беспокойству в ходе испытаний; все это в случае Странника свидетельствует о движении от предчувствия к исполнению. Мы должны признать элемент желания награды; оно будет описано. Ввиду побуждений мифа, о которых сообщает Штукен, весь эпизод со стеной должен пониматься как волшебный полет; люди, которые падают, являются преследователями.

В начале девятого раздела параболы Странник срывает красные и белые розы с розового куста и прикрепляет их к своей шляпе. Мы уже знаем, что красный и белый — сексуальные символы. Срывание цветов, и т.д., в сновидениях вообще символизирует мастурбацию; в обычной речи этому также соответствуют выражения «pulling off» или «jerking off»². В символике сновидений и мифов шляпа обычно — фаллос. Один только этот факт едва стоило бы упомянуть, но есть также другие особенности, которым присуще подобное значение. Страх перед бессилием указывает на аутоэротические компоненты в психосексуальной конституции Странника (конечно, не ясно

---

² *Прим. пер.* — это фразеологизмы английского языка, обозначающие мастурбацию и дословно содержащие мотивы отделения или срывания.

осознанные ли), которые отражают беспокойства об осмеянии и позоре и пробуждают амбиции. Это отчетливо заметно в Разделах притчи 6, 10 и 14. То, что символ мастурбации предшествует последующему эпизоду с садом, может быть осмыслено, если мы понимаем, что фантазия о мастурбации (у которой есть огромная психическая значимость) побуждает или предопределяет немедленно следующее кровосмешение.

Стена вокруг сада, которая создает необходимость длинного обхода (Раздел 9), связана с сопротивлением. Преодоление сопротивления = проход по стене, устранение стены. Конечно, после завершения обхода по стене она исчезает. Стена, однако, показывает также недоступность или девственность женщины. Стена окружает сад. Сад, однако (кроме символики рая, связанной с ним), один из самых древних и очевидных символов женского тела:

«Дева, должен ли я пойти с тобой
В твой розарий,
Туда, где произрастают розы
Нежные и изящные;
И дерево поблизости
Чья листва колышется,
И прохладная весна
Что находится только под ним»

Без большого изменения та же самая символика обнаруживается в величественной форме в Melker Marienlied 12-го столетия. (См. Jung, PS Jb. F., IV, S. стр. 398 и последующие):

«Святая Мария
Затворила ворота,
Открытые Словом Господним,
Запечатала фонтан,
Преградила сад,
Ворота рая».

Обратите внимание, также сад, розы и фонтаны в Песне Соломона.

Странник хочет обладать своей матерью как невестой по доброй воле. Также особенность, знакомая психоанализу. Вообще сопровождающая антитеза — фантазия, о том, что мать — свободная женщина = достижимая, сексуально очаровательная женщина. Возможно, эта идея будет

также обнаружена в притче. Молодые люди обоих полов, отделенные стеной, не объединяются, потому что они боятся отдаленного обхода, ведущего к двери. Это, с небольшой храбростью, может быть переведено: аутоэротическое удовлетворение легче.

[С. G. Jung пишет (PS Jb. F., IV, стр. 213 и последующие): «Мастурбация имеет неопределимое значение в психологическом отношении. Человек защищен от судьбы, так как нет никакой сексуальной потребности, которую невозможно удовлетворить ввиду жизни и ее трудностей. С мастурбацией всякий обладает великим волшебством. Он должен только вообразить и заняться мастурбацией, и он обладает всеми удовольствиями мира и не находится ни под каким принуждением, чтобы завоевать мир, удовлетворить свои желания посредством тяжелой работы и борьбы с действительностью. Аладдин потирает свою лампу, и рабы попадают к его услужению; эта история выражает большое психологическое преимущество в локальном удовлетворении, посредством поверхностного регресса». Юнг рассматривает мастурбацию как мотив завоеванного дорогой ценой приза и также кражи огня. Он даже, кажется, в некотором роде связывает использование огня с мастурбацией. Здесь, во всяком случае, я с ним не согласен].

На своем пути по стене Странник (желающий достигнуть двери женщины) встречает людей, которые находятся по одному в комнатах и выполняют грязную работу. Грязь и мастурбация тесно связаны психически. Грязная работа, «лишь видимость и индивидуальная фантазия» и «не обнаруживается Природе». Странник знает, что «такие методы исчезают как дым». Он делал это прежде, и теперь ему это незначит. Он стремится к женщине, поскольку работа, совершенная в одиночку, ни к чему не приводит, а работа двоих полезна. Но «грязная работа» должна также быть понята как чувственное удовольствие без любви.

В Разделе 10 мы снова встречаем уже упомянутую символику окруженного стеной сада. Странник — единственный, кто может войти к деве. После страха перед бессилием (беспокойство о позоре) он решительно входит дверь и открывает ее своим Diederich, который вонзается в узкое, едва видимое отверстие (лишение девственности). Ему «знакома обстановка места», хотя он никогда не был там прежде. Я подразумеваю, что прежде, чем он вошел туда самостоятельно, он находился в теле своей матери. Последующее связано с фантазией о рождении, поскольку встречается в сновидениях о рождении. Странник теперь фактически принимает участие в рождении в обратном направлении. Я приведу несколько примеров сновидений о рождении:

«Я оказываюсь на очень узкой лестнице, ведущей вниз; вьющаяся лестница. Я усердно ворочаюсь и проталкиваюсь. Наконец я нахожу дверь, которая приводит меня к открытому зеленому лугу, где я отдыхаю в мягких обильных кустарниках. Теплый свет был очень приятен».

Сновидение F.S.: «Утром я пошел на работу со своим братом (нам было по пути) на улицу Кастомс Хаус. Перед Кастомс хаус я увидел главного фореитора. От него путь вел к улице между двумя деревянными стенами; путь казался очень длинным и, казалось, стал более узким к концу, и я боялся, что мы не сможем пройти. Я вышел первым, мой брат после меня; я был рад, когда я вышел из прохода и проснулся с бьющимся сердцем». Дополнение: «Путь был очень темным, почти как шахта. Мы не могли видеть расстояния до его конца, лишь свет в стволе шахты. Я закрыл глаза». Штекель замечает о сновидении F. S.: «Сновидение — типичное сновидение рождения. Главный фореитор — отец. Сновидец хочет полностью изменить обстоятельства рождения своего брата, который старше его на десять лет. «Я вышел первым, мой брат после меня».

Другой красивый пример, встреченный у Штекеля: «*Inter faeces et urinas nascimur*» [Мы рождаемся между фекалиями и мочой], — сказал Св. Августин. Г-н F. Z. S. своим сновидением рождения напоминает нам о теории сточной трубы.

«Я вошел в офис и должен был преодолеть длинный, узкий, неровный переулочек. Переулочек походил на длинный тупик между двумя зданиями, и у меня было неопределенное чувство, что не было никакого прохода. Все же я поспешил в него. Внезапно окно надо мной открылось и кто-то, я думаю женщина, вылила влажное содержание сосуда на меня. Моя шляпа была довольно мокрой, и впоследствии, разглядев ее ближе, я заметил следы грязной серой жидкости. Однако я продолжил без остановки и ускорил свои шаги. В конце переулочка я должен был пройти дом, который был связан переулочком с другим домом. Здесь я увидел учреждение (гостиницу), которую прошел мимо. В этом учреждении были люди (швейцары, слуги, и т.д.) занятый перемещением тяжелых предметов мебели, и т.д., как будто они выселялись или занимались ремонтом. Я должен был быть осторожным и продолжать свой путь. Наконец я вышел на широкую освещенную улицу. Тогда я увидел на пути, что ушел под углом, человека, которого я принял за владельца гостиницы, и он занимался измерением или установкой преграды или решетки. Я не знал точно, что он делал. Он считал или бормотал и был так пьян, что шатался».

Штекель: «В этом сновидении объединены мотив рождения и влияние запретного или недопустимого. Сновидец возвращается по пути очевидно

как взрослый. События представляют обвинение матери. Это обвинение не было без причины. У г-на F. Z. S. было безрадостное детство. Его мать была алкоголичкой. Он был свидетелем ее совокуплений с незнакомцами (собирающиеся = совокупление.) Упаковщики и швейцары — странные мужчины, которые посетили его гостиницу (его мать была также его няней), чтобы хранить тяжелые объекты и т.д. Наконец, он испытывал трудности при рождении, потому что человек занят измерениями. Отец был землемером (владелец гостиницы). В сновидении, кроме того, он измерял забор решетки. И решетка, и преграда — типичные символы препятствий соединению в сновидениях».

Внимательно сравнивая Разделы 10 и 11 притчи с содержанием этого сновидения, мы находим удивительные соответствия. Такие детали, как, например, розовые кусты, солнце, дождь, преграда. О «хорошо построенном доме» в Разделе 10, я только отмечу, что Шернер заметил в этой связи, что человеческое тело представляет здание. «Хорошо построенный дом» обозначает «красивое тело».

Если вспомним, что Странник повторяет путь рождения, но в обратной последовательности, то мы не будем удивлены, что он находит меньший сад в большем. Это — вероятно, matka. Странник достигает самого близкого союза со своим идеалом, матерью, воображая себя в ее теле. Эта фантазия продолжается еще менее двусмысленно, но я не хочу забежать вперед. Скажу только: «Он обладает своей матерью как супруг и как ребенок; будто в желании сделать все лучше отца, он желает породить себя заново. Мы уже знаем мифологические мотивы о новом творении, которые должны следовать за насильственным разделением родителей и чего мы еще не заметили в притче. Предстоит ли еще создание усовершенствованного мира, восстановление расчлененной отеческой власти, будет ли лев оживлен?»

Прямоугольное место в саду символизирует могилу. Стена в сновидении означает, между прочим, стену кладбища, а сад — кладбище. И хотя, на первый взгляд, эти идеи противоположны дарующей жизнь матке матери, они все же в психологическом отношении находятся в очень близкой связи. И возможно не только в психологическом отношении.

Штекель приводит сновидение г-ж Делты, в котором она видит «открытое квадратное пространство, сад или двор. В углу находится дерево, которое медленно тонет на наших глазах, как будто погружается в воду. Поскольку дерево и двор также колебались, я разумно заметил: «Таким образом, мы видим, как происходит изменение поверхности земли». Самая верхняя психическая страта сновидения показывает себя как воспоминание

о землетрясении. «Земля» приводит к идее «Матери-земли». Дерево, погружающееся в нее, является деревом жизни, фаллосом. Прямоугольное пространство — спальня, брачное ложе. Колебательные движения характеризуют в целом еще лучше. Землетрясение, однако, содержит, как обнаружил анализ, также мысли о смерти. Прямоугольное пространство становится могилой. О воде в сновидении также следует упомянуть». «Младенцы появляются из воды» — говорит инфантильная теория рождения. Мы узнаем позже, что плод плавает в околоплодных водах. Эта «вода» находится естественно в «Матери-земле». С другой стороны, мы встречаем воду мертвых (река мертвых, острова мертвых, и т. д.). Обе воды аналогичны в естественной символической. Это еще или уже не мифическая обитель людей, или больше, ее нельзя найти в мире.

Поскольку вода появится снова в важных моментах в притче, я останюсь немного дольше на этой теме.

Маленькие дети выходят из фонтана в Хале. В немецких районах есть много источников и родников с соответствующими легендами. Женщины, рассказывают, кто омоеся в том источнике, станет плодовитым. Мулленхоф говорит о старом каменном фонтане во Фленсбурге, который называют Гроннеркил. Его прозрачная, обильная вода падает из четырех кранов в широкий бассейн и снабжает водой большую часть города. Фленсбургцы чтят этот фонтан, поскольку в этом городе это не аист, приносит младенцев, но они вылавливаются из этого фонтана. Во время такой рыбалки женщина простужается и потому должен остаться в постели. Бехштайн (Frank. Sagensch.) упоминает небольшой источник Линден Спринг по дороге во Швайнфурт близ Кёнигсхофена. Няни вылавливают из него младенцев серебряными ведрами, и в нем течет не вода, а молоко. Если маленькие дети приходят к этому детскому фонтану, они смотрят на него через отверстие жернова (это важно упомянуть в связи с последующим) в его неподвижную воду, видят свое отражение и думают, что они видели маленького брата или сестру, что выглядят, как они. (Nork. Myth d. Volkss., p. 501.)

Из более раннего австрийского крестьянства Ранк приводит следующий пример (Wurth. ZF d. Mythol., IV, 140): «Далеко, далеко в море стоит дерево, на котором растут младенцы. Они висят на веревках на дереве и когда ребенок готов, веревка обрывается, и ребенок падает. Но чтобы он не утонул, он находится в коробке, и в ней плавает по морю, пока это не попадет в ручей. Затем наш Господь Бог делает больной женщину, для которой он предназначил ребенка. Вызывается доктор. Наш Господь Бог уже намекнул ему, что у больной женщины будет ребенок. Тот идет

к ручью и долго смотрит в течение, пока, наконец, коробка с ребенком не приплывет, он вытаскивает его и приносит больной женщине. И это — способ, которым все люди получают своих младенцев».

Я также могу кратко упомянуть легенду о фонтане молодости, мифических и натуралистических идеях воды, поскольку это первый элемент и источник всей жизни, напиток богов (сома, и т.д.). Сравните также образы фонтанов из ранее приведенных стихов.

Свадебная пара в притче (Раздел 11) идет через сад, и невеста говорит, что «они намереваются в их спальне наслаждаться удовольствиями любви». Они сорвали много ароматных роз. Вспомним сбор земляники в сновидении г-на Т. Сад становится свадебной спальней. Дождь, упомянутый несколько ранее, является оплодотворяющим дождем; вода жизни, которая опускается на Мать-землю. Это идентично тонущим деревьям в сновидении г-жи Делты, с творящей силой, развиваемой Странником, с мифическим напитком богов, амброзией, сомой. Теперь нам понятно, что Странник поднимается или спускается к источнику этой воды жизни. Чтобы получить воду жизни, героям мифов часто необходимо спуститься в подземный мир (Сошествие Иштар в подземный мир), в живот монстра и т.п. Вспомните, также, что Странник возвращает себя в матку матери. Там действительно источник происхождения его жизни. Данный процесс еще более наглядно демонстрируется притчей.

Странник (Раздел 11, после эпизода в саду) приходит к мельнице. Текущие воды мельницы также играют значительную роль в продолжении. Читатель, конечно, уже понимает, о какой мельнице и какой воде идет речь. Я лишь упомяну о нескольких фактах из фольклора и жизни сновидений.

Норк (Myth. d. Volkss., стр. 301 f.) пишет, «что Fenja имеет женский пол в мифе (Hogwendil), о чем мы делаем вывод из ее занятия, поскольку в старину, когда использовались только ручные мельницы, исключительно женщины делали эту работу. На символическом языке, однако, мельница обозначает женский орган (тот, из которого в мир приходит мельник), и поскольку мужчина — мельник, сатирик Петрониус использует слова *molere mulierem* = (размелите женщину) для совокупления, и Феокрит (Идиллия, IV, 48) использует слова, означающие «я размалываю» в том же самом смысле. Сэмсон, у которого отнимает его силу проститутка, должен размолоть узников в мельнице (Книга Судей 16:21), что Талмуд (Sota fol. 10) комментирует следующим образом: размолом всегда обозначается грех внебрачной связи (Beischlaf). Поэтому все мельницы в Риме оставались на время фестиваля целомудренной Весты. Как и Аполлон,

Зевс, также, был мельником (Lykophron, 435), но вряд ли мельником по профессии, а лишь поскольку он осуществляет контроль над творческим живительным принципом распространения существ. Теперь продемонстрировано, что всякий мужчина — мельник и всякая женщина — мельница, из чего следует, что всякий брак — размалывание (jede Vermahlung eine Vermehlung), и т.д. Слово молоть (vermehlung) связано с римским словом «confarreatio» (форма брака); во время помолвки римляне раньше смешивали две кучки муки. В того же самого автора (стр. 303 и стр. 530): Фенго — потому персонификация размола, мельница (Гротти) является его женой Гертрудой, матерью Амлета или Гамлета. Под Гротти имеется в виду и женщина, и мельница. Greeth — лишь перефразированный образ женщины. Он продолжает, «Дюк Отто, младшего сына Ludwig of Bavaria, потратил впустую свое вещество с красивой дочерью мельника по имени Маргарет и жил в замке Вольфштейн... Эту мельницу все еще называют мельницей Гретель и Prince Otto the Finner (Grimm, D. S., No. 496). Finner обозначает, как и Fengo, мельника [Fenja — старый норманский? = мельничиха], брак является размалыванием Vermahlung ist eine Vermehlung], ребенок — измельченным зерном, мукой.

Тот же самый автор (Sitt. u. Gebr., p. 162): «Понятию «посевное зерно» соответствует значение «сперматозоид». Мужчина — мельник, женщина — мельница».

В Dulaure-Krauss-Rieskel (Zeugung i. Glaub usw. d. Volk., стр. 100 и последующие) я нахожу следующее очарование в письмах Берхарда, Епископа Червей: «Разве Вы не поступите так, как некоторые женщины имеют обыкновение делать? Они обнажаются, мажут голые тела медом, стелют ткань на землю и рассыпают на нее зерно, перекатываются в нем снова и снова, затем собирают тщательно все зерно, которое осталось на их телах и размалывает его жерновом, который они поворачивают в противоположном направлении. Когда зерно превращается в муку, они пекут хлеб его и дают его своим мужьям, чтобы, съев его они заболели и умерли. Когда Вы сделаете это, Вы искупите свое деяние, употребляя в течение сорока дней только хлеб и воду».

Убийство — противоположность рождения, потому мельница здесь вращается в обратном направлении.

Этимологически здесь нужно отметить, что глагол «mahlen» (размалывать), повторяющаяся форма «mahen» (косить), первоначально имел значение перемещение вперед и назад. Существует множество историй, где мельница появляется как место любовных приключений. Мельница «старухи» также знакома; старухи входят и выходят молодыми.

Они — на самом деле, земля волшебной мельницы. Идея отдыха в матке лежит в основе этого образа, так же, как в вульгарном выражении, «Lassen sie sich umvogeln».

В легенде о трансильванских цыганах: «старуха вновь пришла прибыл к королю и сказала: «Дай мне кусок хлеба, солнце уже семь раз успело встать с тех пор, когда я ела в последний раз!», — Король ответил: «Хорошо, но сперва мне нужно размолоть землю для тебя». И он позвал своих слуг, и те распилил старуху на части. [Тогда распиленное тело старухи обрательсь в добрую Urme (фею), и она взлетела в воздух». (H. V. Wlislöcki, *Marchen u. Sagen d. transylv. Zigeuner.*)

Сновидение: «Я вошел в мельницу, и шел по самому узкому помещению, пока, наконец, для меня не осталось пространства. Я ужасно беспокоился и проснулся в ужасе». Фантазия рождения или фантазия матки.

Другое сновидение (Stekel, *Spr. d. TR*, p. 398 f.): «Я проник через трещину между двумя досками в «комнату колеса». Со стен капала вода. Прямо передо мной был ручей, и посреди него стояло хрупкое, черное фортепьяно. Я использовал его, чтобы пересечь ручей, когда убегал. Позади меня была толпа мужчин. Перед ними всеми мой дядя. Он поощряет их преследование меня, рев и вопль. У мужчин были горные палки, которые они иногда бросали в меня. Дорога простиралась вверх и вниз по зеленому холму. Тропинка была усыпана угольным пеплом и потому черная. Я должен был изо всех сил пытаться достичь земли. Я должен был заставить себя двигаться вперед. Часто мне казалось, будто я врос в землю, и преследователи вот-вот нагонят меня. Внезапно я смог полететь. Я влетел в мельницу через окно. В ней было пространство со стенами из досок; на противоположной стене мельницы виднелась крупная рукоятка. Я сел на рукоятку, держась за нее руками, и внезапно поднялся. Когда рукоятка мельницы поднималась, я придавливал ее своим весом, и таким образом, приводил мельницу в движение. Во время этого занятия я был голым и похожим на купидона. Я попросил мельника позволить мне оставаться здесь, обещая поддерживать работу мельницы таким образом. Он послал меня прочь, и я должен был полететь из другого окна. Снаружи я встретил „Летающий автобус“. Я занял место спереди около водителя. Вскоре с меня потребовали оплату, но у меня было только три геллера. Проводник сказал мне: „Если Вы не можете заплатить, тогда Вы должны выдержать наши потные ноги“. Теперь, будто командой, все пассажиры в автобусе сняли обувь, и каждый держал потную ногу перед моим носом».

Эта сновидение, также (помимо других вещей), содержит фантазию матки: комната колеса, мельница, пространство с влажными стенами.

Сновидец сопровождается толпой; так же, как наш Странник встречается толпой старших. Это сновидение, которая далее еще займет наше внимание, я назову «Летающий Автобус».

Давайте возвратимся к притче. Мельница Раздела 11 — matka. Странник борется за самый близкий союз со своей матерью; цель его борьбы — добиться большего успеха, чем это сделал его отец, достигнуть высшей точки в его порождении себя, сына, обновленного и усовершенствованного.

Он вполне заполнит свою мать, будет отцом полностью. Конечно, фантазия не развивается без психических препятствий. Тревожный проход по узкой доске отражает это.

Мы встречаем здесь знакомые нам преграды на пути, которые по своей форме напоминают опасный путь по стене. Проход по воде — также смертельный символ. Мы не наблюдаем беспокойства о гибели, вызванным моральным конфликтом, но мы должны также помнить, что проход в матку — проход по ту сторону. Вода — Вода Смерти (стигийские воды) и Жизни. В более узком смысле это — также семенная жидкость и околплодные воды. Это, в действительности, сверхдетерминированные символы. Вода имеет смертельный цвет = черный. В сновидении о Летающем Автобусе появляется черная дорога. У сновидца есть конфликты, подобные конфликтам Странника.

Старый мельник, который не дает информации, является отцом. Конечно, он не будет позволять ему овладеть своей матерью, и он не дает ему информации касательно работы мельницы или относящейся к воспроизводству. Колеса — с одной стороны, органы, которые вымучивают ребенка (производя ребенка как муку), и с другой стороны они — десять заповедей, приземленная задача которых — отцовские обязанности, осуществляемые посредством строгого обучения и наказания. Пройдя по доске, Странник занимает место выше этих десяти заповедей и выше привилегий отца. Странник всегда успешно высвобождается из трудностей. С беспокойством вскоре будет покончено, и последует фаза исполнения. Это — только слабое эхо отеческих заповедей, когда старшие (немедленно после эпизода Раздела 11) протягивают ему письмо от совета. В основе, в мотиве сохранения их власти, они идут вразрез с собственными пожеланиями Странника (также типичное изобретение техники сновидения).

Я уже достаточно обсудил эпизод с письмом (также, как и Разделы 12 и 13), и, таким образом, не думаю, что следует рассматривать больше желание кровосмешения, выраженное в нем.

Брачная пара была помещена (Раздел 14) в хрустальную тюрьму. Мы искали повторную сборку расчлененного; это имеет место на наших глазах, белые и красные части, кости и кровь, являются в действительности женихом и невестой. Тюрьма — кожа или сосуд, в котором, как в мифах, происходит возвращение к жизни. Не в смысле возвращения к жизни уничтоженного отца, но отдыха (улучшения), которого достигает сын, хотя творческая сила как таковая остается той же. Сын «женится и мелет» (*vermahlt und vermehlt*) со своей матерью, поскольку хрустальное вместилище представляет собой тоже, что и мельница — матку. Присутствуют даже околоплодная жидкость и питающая плод жидкость, и Странник преобразует себя в великолепного короля. Он может действительно стать лучше, чем его отец. Сновидение осуществляет исполнение желания.

Давайте исследуем процесс несколько более подробно. Странник ввиду диссоциации ведет двойное существование, с одной стороны, как молодой человек во внутренней части стеклянной сферы, и с другой — снаружи в его предшествующем облике. Внутри и снаружи он объединен с его матерью как муж и как развивающийся ребенок. Он там охватывает свою «сестру» (образ его матери возобновлен с ним как бы), как это делает Осирис со своей сестрой Исидой. И в дополнение к этому инфантильные сексуальные компоненты эксгибиционизма находят удовлетворение, поскольку, завеса тайны соития сделана из прозрачного материала. Сексуальное влияние Странника на сосуд (матку) символически обозначено задачей обогрева, порученной ему. Огонь — один из самых частых любовных символов в мечтах. Язык также имеет привычку говорить об огне любви, огне страсти, горячих желаний, и т.д. Обычай, в особенности брачные обычаи, демонстрируют подобную символику. То, что Странника обязуют, и явно приказывают ему сделать то, что сам хочет сделать, является снова уже упомянутым хитроумным устройством механизма сновидений, призванным объединить несовместимое. Кажется почти юмористическим, что тюрьма заперта печатью достопочтенного совета; я напому Вам выражение, «пломбирование» (*petschieren*); пломбирование — применение члена отца. Вместо отца мы находим, конечно, исполняющего обязанности Странника. Герметизирующие средства, однако, — запирающие семя жизни, помещенного в мать. Также сказано, что паре, после заключения в тюрьме, нельзя давать больше питания; и что еда, которую им предоставляют, происходит исключительно из воды мельницы. Это относится к внутриматочному питанию, в которое ничто нельзя привнести, конечно, но есть только вода мельницы, настолько знакомая нам.

Драгоценный сосуд, который охраняет Странник, окружен непреступными стенами; это недоступно другим; он один может приблизиться со своим огнем. Это — зима. Это не просто рационализация (отговорка банальным аргументом) обогрева, но символ смерти, вступающий в матку. Любовная пара в тюрьме распадается и погибает, даже гниет (Раздел 15). Я должен упомянуть для понимания этой версии, что в сцене с письмом в притче процесс оплодотворения был связан с идеей «распада» или «гниения» спермы. Матка сравнивается с землей, в которой «распадается» ядро зерна.

Распад, который предшествует возникновению нового существа, связан с большим наводнением. Мифически, наводнение фактически приводит к новому (улучшенному) творению. Соответствующий миф может едва обойтись без идеи основного наводнения. Я, мимоходом, отметил бы, что настоящая фаза притчи соответствует мифологически мотиву поглощения, последующий выпуск из тюрьмы — выплевыванию обратно (из челюстей монстра), возвращению из подземного мира. Мотив расчленения в космогониях обычно связывается с мотивом наводнения. В описании наводнения в притче мы, кроме того, обнаруживаем некоторые черты библейского рассказа, например, сорок дней и радуга. Это является отмеченным вскользь признаком соглашения, связывания неба и земли, мужчины и женщины. Наводнение происходит из-за текущих слез; оно начинается также из тела женщины и также относится к знакомой нам воде. Штекель применяет к сновидениям так называемые символические параллели, согласно которым все выделения могут символически представлять друг друга. На предположение, что признаки подобия не обозначены в строгом смысле, можно привести следующие сравнения: Слизь = кровь = гной = моча = стул = сперма = молоко = пот = слезы = дух =; воздух = [дыхание = увеличение] = речь = деньги = яд. Сравнение души и слезы появляется здесь особенно интересно; живительный или животворящий принцип появляется как душа в форме облаков. Они сформированы из воды, Воды Жизни. Роса, что происходит из нее, пропитывает землю.

Поскольку мы теперь достигли выделений, я хотел бы напомнить читателю о грязных и зловонных телах, которые в притче лежат в жидкости (Раздел 15), и на них падает теплый дождь. Притча, расцененная психоаналитически, является результатом регресса, приводящего нас к инфантильным взглядам и чувством; мы наблюдаем это достаточно явно по сравнению с мифами. И здесь нужно заметить, какой большой интерес проявляют дети к процессу дефекации. Я не считаю ни это достойным рассмотрения, ни герметическим символизмом, но как мы

увидим позже, фактически используемые в аналогичных случаях выражения «*firmus*», «*urina ruerogum*», и т. д., безошибочны. В любом случае стоит помнить, что из экскрементов и мочи, вещей, которые разлагаются зловонным и омерзительным образом возникает новая жизнь. С этим соглашается инфантильная теория рождения, о том, младенцы появляются из остатков жизнедеятельности; мы должны рассмотреть и другие взаимосвязи, с которыми столкнемся позже. Можно процитировать ряд мифологических параллелей. Я буду довольствоваться рассказом забавной истории, «*Der Dumme Hans*». Глупый Джек загружает удобрение (фекалии, сточные воды) в телегу и идет с ними в поместье; там он говорит, что приехал из мавританских земель (из страны черных) и несет в своей бочке Воду Жизни. Когда кто-то открывает бочку без разрешения, Глупый Джек говорит, что превратил воду жизни в сточные воды. Он повторил небольшую уловку со своей мертвой бабушкой, которую он зашил в черных тканях и выдавал за чудесно красивую принцессу, что лежит во сне сто лет. И вновь, как он и ожидал, покрытие было снято непрошеной рукой Джона, и тогда Джек стал горевать, что, из-за вмешательства, принцесса, которую он хотел преподнести Королю, волшебным образом стала отвратительным трупом. Его «горе» было компенсировано большим количеством денег. [Jos. Haltrich, *Deut. Volksmed. d. Siebenbürg*, II, p. 224]. Поскольку Странник нашей притчи оказывается не снаружи, но в сосуде, то он, как будто в ванне. Я замечу, что письма, аналогичные изображенному в притче, обозначают ванну в подобном месте, как притча это и делает притча (Раздел 15). В сновидениях образы купания часто происходит из фантазии рождения или матки.

В конце Раздела 14, поскольку обитатели тюрьмы умирают, его собственные останки находятся перед глазами Странника как слабое эхо его отношения к жениху.

Мы уже в течение долгого времени рассматривали идею мыслью, что в кристаллической тюрьме происходит возвращение к жизни расчлененного. У кого остались малейшие сомнения в этом, может обратиться к началу Раздела 15, где этот процесс изображен наиболее красиво. [Автор притчи даже упоминает Медею и Ясона. Мне не следует добавлять ничего больше относительно талантов колхидской волшебницы в искусстве разъединения и омоложения].

В Разделе 18 «солнце светило очень ярко, и дни становились теплее, чем прежде и тяжкий дни были позади». Вскоре (Раздел 19), король был выпущен из тюрьмы. Это произошло перед зимой (Раздел 14), но после

того сезона, когда солнце «светит очень ярко» (Раздел 11), следовательно, подразумевает осень. Давайте вспомним срединную точку между уходящим летом и приближающейся зимой в конце октября, и давайте примем во внимание, что жаркие дни наступают в августе, а конце июля ожидают их наступления. Рассуждая таким образом, мы приходим к выводу, что время, проведенное в сосуде, составляет девять месяцев человеческой беременности.

Новорожденный (раздел 20), естественно хочет пить. Чем он должен питаться если не водой из мельницы? И вода позволяет ему вырасти и процветать.

Два королевских персонажа стоят перед нами в блеске и великолепии. Странник создал для себя новых родителей (отец-король, конечно, он сам), что соответствие семейному роману невротиков, роману фантазии, что как призрак присутствует даже в умственной жизни здоровых людей. Это — фантазия желания, которая достигает высшей точки в ее самой откровенной форме в убеждении, что он действительно происходит из королевского или знатного рода и был просто найден своими фактическими родителями, которые ему не соответствуют. Они скрывают его истинное происхождение. Однако, наступит день, когда он вернется к своему благородному истоку, что принадлежит ему по справедливости. Здесь, говоря кратко, идет речь о тех несдержанных фантазиях желания, которые, независимо от своей конкретной формы, разносторонне развивают наивно обрисованное в общих чертах содержание. Они являются результатом неудовлетворенности средой и снабжают самыми приятными контрастами по отношению к стесненным обстоятельствам или бедности. В притче особенно, привлекательно изображается Король (в его характере отца).

Сначала «высокое происхождение» (Раздел 19) строгого отца поражает Странника, тогда оказывается, однако, что король (идеальный отец) дружелюбный, добрый и кроткий, и нас уверяют, что «ничто не украшает великих людей так, как эти достоинства». И затем он приводит Странника в свое королевство и позволяет ему наслаждаться всеми земными сокровищами. Здесь имеет место, если можно так выразиться, универсальное удовлетворение всех пожеланий.

Мифологически мы должны ожидать, что герой, вознесенный из подземного мира, должен был принести с собой напиток знания. Это фактически имеет место, поскольку он действительно получил вещь, конституция которой метафорически решена в целой истории, то есть, философском камне. Странник — истинный грабитель сома.

Давайте вернемся к предпоследнему разделу. Здесь, под конец сновидения, Король становится сонным. Настоящий спящий уже чувствует, что приближается момент просыпания, и хотел бы спать дольше (вернуться к фантазии). Но он притворяется, что король сонный, таким образом, сбрасывая бремя со своих собственных плеч. И за этим вскоре последовал символ пробуждения: Странник, сновидец притчи, достиг другой земли, действительно сияющей земли. Он просыпается от своих сновидений с набожным эхом его исполненного желания на губах...» Да поможет нам в этом Бог Отец, Сын и Святой Дух. Аминь». Было бы слишком прозаично завершить этот мелодичный финал посредством формулы «пороговая символика».

Чтобы подвести итог в нескольких словах о содержании притчи с психоаналитической точки зрения, и сделать это, не ограничиваясь слишком обобщенным описанием ее как результата универсального исполнения всех желаний, я скажу так: Странник в своей фантазии устраняет и усовершенствует отца, выигрывает мать, порождает себя с нею, наслаждается ее любовью даже в матке и удовлетворяет свое инфантильное любопытство, наблюдая процесс воспроизводства со стороны. Он становится Королем и достигает власти и великолепия, даже сверхчеловеческих способностей.

Возможно, кого-то удивит такое большое количество нелепостей. Нужно отметить, однако, что те неосознанные колоссальные возможности воображения, которые, из самых глубин души приводят в движение вслепую создающую фантазию сновидения, могут только желать и только желают. Они не беспокоятся о том, разумны ли пожелания или абсурдны. Критическая власть не принадлежит им. Это — задача логического мышления, поскольку мы сознательно осуществляем его, поскольку мы наблюдаем пожелания, поднимающиеся из темноты, и сравниваем, взвешиваем их согласно бытующим стандартам. Подсознательно побуждающая эмоциональная жизнь, однако, желает вслепую и не беспокоится ни о чем ином.

Глава 2

АЛХИМИЯ

Традиция мастерства в металлургии, искусстве, которое берет начало с самых ранних времен, развивалась также во время Спекулятивного периода человеческой культуры, питаемого философией. Примечательно, что в Египте, металлургию как источник королевского богатства и методы добычи золота охраняли как королевскую тайну. В Эллинистический период, когда интерес к изучению металлургического искусства возшел до почти научного и знание о нем распространилось за границу, проникли философские теории греков: теории элементов и атомов философов натуралистов, идеи Платона и Аристотеля, а также религиозные представления неоплатоников. Тот же период вобрал волшебство востока, элементы христианства, достижения химии того времени, которая была основана на металлургии и, таким образом, развитие шло в смешанном, синкретическом ключе мировоззрения в первые столетия нашей эры. Поскольку химическая наука (в алхимии, *alkimia*, *al* — арабский префикс, присоединенный к греческому слову) пришла к нам от арабов (сирийцы, евреи, и т.д.) долго считалось, что она имеет арабское происхождение.

Все же позднее было установлено, что арабы, в то время как они значительно обогатили это искусство, все же были лишь носителями Греко-эллинистического знания, и мы убеждены, что алхимики были правы, когда указывали на легендарного египетского Гермеса как на своего предка. Этот легендарный персонаж — действительно египетский бог Тот, который идентифицировался с Гермесом во времена Птолемеев. Его чтили как Бога, исполненного самой высокой мудрости, и ему часто приписывалось авторство философских и особенно теологических работ. Сформировывались религиозные братства Гермеса, практиковавшие особый культ, и у них была собственная специальная литература Гермеса³.

---

³ Информация по этому вопросу будет найдена в Reitzenstein's «Poimandres».

В более поздние времена божественная, величественная фигура Гермеса была низведена до уровня мага. Когда я в дальнейшем буду упоминать герметические письма, я имею в виду (следуя вышеупомянутым традициям) алхимические письма, однако, с некоторыми оговорками, о которых я сообщу позже.

Идея производства золота была столь доминирующей в алхимии, что о ней фактически говорили, как об искусстве производства золота. Это означало способность сделать золото из базового материала, особенно из других металлов. Вера в это и в трансмутабельность вещества ни в коем случае не была абсурдна, ее скорее следует рассматривать как фазу в развитии человеческой мысли. Не будучи знакомыми с современной доктриной неизменных элементов, они не могли сделать никакого другого вывода из изменений вещества, которые они ежедневно наблюдали. Если они изготавливали золото из руд или сплавов, то думали, что «сотворяли» его. По аналогии с цветовыми изменениями (которые производились в тканях, стекле, и т. д.) они могли предположить, что окрашивали базовые металлы в золото.

Под влиянием философии возникла доктрина, согласно которой металлам, как и людям, были присущи душа и тело, душа, расцениваемая как более прекрасная форма вещественности. Они утверждали, что душа или первоначальный материал (*prima materia*) были присущи всем металлам, и чтобы преобразовать один металл в другой, они должны были произвести оттенок его души. В Египте свинец, под именем Осириса, рассматривался как примитивную основу металлов; позже, когда была обнаружена пластичная ртуть они расценили ее как душу металлов. Они думали, что должны были зафиксировать эту летучую душу некоторой средой, чтобы получить драгоценный металл, серебро, золото.

Ту проблематичную среду, которая должна была служить оттенку или преобразовать базовый металл или его ртуть в серебро или золото назвали Философским камнем. Ему приписывали способность сделать больной (базовый) металл здоровым (драгоценным). Здесь берет начала идея универсальной медицины. Алхимия действительно желала произвести панацею в виде Философского камня, которая должна освободить человечество от всех страданий и сделать людей молодыми.

Здесь будет не лишним упомянуть, что так называемые материалы, вещества, принципы, рассматриваются в трактатах алхимиков в тем более широком смысле, мы можем даже сказать с более возвышенными значениями, чем более конкретный автор склоняется к философскому

размышлению. Авторы, парившие высоко, в действительности бережнее всего хранились алхимиками и ценились как самые великие мастера. Благодаря им представление о ртути, как об элементе, фактически отделилось от обыкновенной ртути. На этом уровне мышления, ртуть (Hg) больше не рассматривалась как основной элемент, но как сверхчувствительная основа, которой лишь дано взаимное название ртути. Подчеркивается, что *mercurius philosophorum* нельзя заменить обыкновенной ртутью. Подобные преобразования производятся основным элементом, извлекаемым из ртути. *Prima materia* является первоначалом всех объектов. Также материал, из которого производился философский камень в более поздние времена, называется *prima materia*, и соответственно, сырье для него — *materia cruda*. Но я полагаю, что это наибольшим образом относится к западному периоду процветания алхимии схоластики.

Очень существенная и древняя идея алхимии — идея роста и воспроизводства. Металлы растут как растения и воспроизводятся как животные. Адепты уверяют нас (те из них, кто находил золото панацеей) в греко-египетский период и также позже, что золото порождает золото, как зерно порождает зерна и человек человека. Практика, связанная с этой идеей, состоит в помещении небольшого количества золота в смеси, которые должны быть преобразованы. Золото растворяется как семя в них и должно породить плоды и само золото. Золотой компонент также считался ферментом, который проникает в смеси подобно дрожжам и путем ферментации превращает их в золото. Кроме того, окрашивающее вещество уподоблялось мужчине, а окрашиваемое — женщине. Держа в поле зрения символ зерна и семени, мы видим, что вещество, в которое помещается семя, становится землей и матерью, откуда оно прорастет и являет себя.

С данными представлениями также связан древний алхимический символ яйца философа. Этот символ сравним с «египетским камнем» и драконом, кусающим собственный хвост; следовательно, является символом рождения и относится к символам цикличности или вечности. «Египетский камень» является, однако, философским камнем или, говоря иначе, большим делом (*magnum opus*). Яйцо — Мировое Яйцо, которое мы встречаем вновь и вновь в большом количестве мировых космогоний. Великое дело обычно и главным образом обращается к размышлению о творении мироздания. Овальная форма, в которой должна исполняться основная работа, был также известен как «философское яйцо», в котором производился первоначальный образец. Этот

сосуд был запечатан магической печатью Гермеса; потому был запечатан герметично.

Более распространенная теоретическая концепция арабского происхождения является доктриной двух принципов. Они сохранились в последующем развитии мысли и были расширены. Ибн Сина [Avicenna, 9 Vosa. 1037] учил, что каждый металл состоял из ртути и серы. Естественно они говорили не об обычной ртути и обычной сере.

От арабов алхимия проникла на Запад и широко распространилась. Среди видных авторов можно назвать следующих: Роджер Бэкон, Альберт Великий, Винсент Бове, Арнольд из Виллановы, Фома Аквинский, Раймонд Луллий, и т. д.

Количество материала, который мог быть представлен, огромно. Нет необходимости его рассматривать. То, что я уже сообщил, является началами алхимии и позволит читателю понять последующий анализ алхимического содержания притчи. И то, что я должен упомянуть в дополнение к алхимическим теориям того времени, распространенным на западе, читатель уяснить из последующего анализа.

В заключении этого предваряющего обзора я все же должен упомянуть одно новшество, привнесенное Парацельсом (1493–1541) в теорию. Ибн Сина учил, что в строении металла лежат две основы. Меркурий, обеспечивающий металлические свойства, и сера, имеющая горючую природу и причина преобразования металлов в огне. Доктрина этих двух основ приводит к теории, что для производства золота нужно было извлечь из металлов самую чистую серу и ртуть и произвести золото их соединением. Парацельс же добавляет к этим двум основам третью — соль, как элемент устойчивости или явственности, как он называет его. Согласно моему пониманию, Парацельс не ввел существенное новшество, но только систематизировал то, о чем говорили его предшественники, даже если они не делали это в полной мере осознанно. Символы основ — ртути ♀, серы ♁ и соли ⊖, — были распространены среди последователей алхимиков и очень широко использовались в их техническом языке. Их часто также называли духом, душой и телом. Они использовались втроем, но также, как и прежде парами, согласно предписаниям.

Привычное соотнесение алхимиков планет с металлами восходит, вероятно, к вавилонянам. Я приведу эти корреспонденции здесь в той форме, которую они имеют в алхимии. Я прошу читателя запомнить их, поскольку алхимия вообще говорит о металлах их планетарными именами. Согласно древнему представлению (даже если оно не самое древнее) есть семь планет (среди которых было солнце), и семь металлов.

Planet.	Symbol.	Metal.
Saturn.	♄	Lead.
Jupiter.	♃	Tin.
Mars.	♂	Iron.
Sun.	☉	Gold.
Venus.	♀	Copper.
Mercury.	☿	Quicksilver.
Moon.	☾	Silver.

Относительно технического языка, который я также буду использовать в последующем обсуждении, я должен сделать обобщенное замечание, которое следует тщательно запомнить. Алхимическим авторам свойственно использовать попеременно пятьдесят или больше названий одной вещи, и с другой стороны вкладывать в одно и то же название множество значений. Этот обычай изначально сложился ввиду некоторой неуверенности в понятиях, о чем упоминалось выше. Но эта неуверенность не объясняет, почему, несмотря на увеличение знания, практика продолжалась и преднамеренно развивалась. Мы будем говорить позже о причинах, которые тому послужили. Давайте для сначала просто уясним, что это имело место быть, а позднее будет представлено объяснение, каким же образом мы можем понять герметические письма, несмотря на странную свободу терминологии, которая путает термины преднамеренно и постоянно. Помимо определенной подкованности в фигуративном языке алхимиков, необходимо, если можно так выразиться, мыслить независимо от используемых слов и расценивать их только в контексте. Например, когда говорится, что тело должно быть омыто водой, а в другой раз с мылом, а в третий раз ртутью, то следует понимать, что имеется ввиду не вода, мыло и ртуть, что является основным моментом, но отношения друг другу. Ключевое слово здесь — омовение, и пристальнее рассматривая такую связь можно вывести, что все три раза речь идет об очищающей среде, только описывается она три раза под разными названиями.

Алхимическая интерпретация нашей притчи — развитие того, что ее автор попытался передать в ней. Нам становится очевидно, что он преследует герметическую цель, из его собственных слов, а также из той книги, в которой найдена притча. В этом отношении алхимическая интерпретация более легко применима к этой притче, чем психоаналитическая,

где мы стремились к бессознательному. Теперь мы продолжим двигаться с автором к цели, которую он сознательно поставил. То, с чем мы работали прежде, было против его понимания, и мы извлекали такие продукты работы ума, которые едва допустила бы его сознательная индивидуальность, находишься он живой перед нами и если бы мы сообщили ему об интерпретации, предоставленной психоанализом.

В одном отношении мы потому более подготовлены, но в другом очень проигрываем. Для ключа, в котором мы ранее работали, бессознательное, остается приблизительно тем же самым в течение больших периодов; бессознательное Странника функционирует тем же самым образом, что и у человека нынешнего времени, и у Зосима Панополитанского. [Зосима Панополитанский — один из самых древних алхимических авторов, благодаря которому у нас есть представления о 4-ом столетии]. Это душа человечества. Объективное изменение знания и форм его выражения, напротив, происходит стремительно. С этой точки зрения сознательное более труднодоступно, чем бессознательное. И теперь мы должны столкнуться с системой, так же очень далеко удаленной от нашего образа мыслей.

К счастью, у меня нет необходимости полностью разъяснить притчу в алхимическом смысле так, чтобы любой мог работать согласно этому разъяснению в химической лаборатории. Для нашей цели будет достаточно, если я продемонстрирую только в общей схеме, как мы должны рассматривать ведущие формы и процессы притчи, чтобы согласовать их со способом мышления, специфическим для алхимии. Если я хочу преуспеть в этом, то должны были уже перейти к этой трудной стадии. Тогда я мог бы приступить к специальному объекту этого исследования. Но терпение! Мы пока еще не начинаем.

Прежде всего, необходимо указать общие черты того, как в течение большей части периода процветания алхимии обычно описывалось выполнение Большого Делания. Несмотря на разнообразие представлений, мы находим определенные основные принципы, которые неизменны. Я укажу на несколько пунктов этого неизменного порядка алхимической доктрины.

Во-первых, существует центральная идея взаимодействия или объединения двух субстанций, которые называют мужчиной и женщиной, красным и белым, солнцем и луной, серой и ртутью. Мы уже встречали у Ибн Сины, что металлы состоят из комбинации серы и ртути. Еще ранее взаимодействие двух частей фигурально называли оплодотворением. Оба соединяются в один символ, и, вероятно, эта идея возникла как результат размышления, определенного сексуальным комплексом. Также

существует идея, согласно которой мужскую силу надлежит извлечь из золота, женскую из серебра, чтобы от их союза получить вещество, совершенствующее ртуть металлов. Это вероятная причина широкого использования символов золота и серебра (☉ и ☽) для обозначения вышеупомянутой пары, которая должна быть объединена. Красный и белый = мужчина и женщина (мужская и женская сила), мы наблюдали в притче, когда изучали ее психоаналитическим методом.

В «Turba philosophorum» женщину называют Магнезией, белым, мужчину называют красным, Серой.

Morienus говорит: «Наш камень походит на сотворение человека. У нас есть: 1 — союз, 2 — распад [то есть, гниение семени], 3 — беременность, 4 — рождение ребенка, 5 — последующее питание».

Оба компонента происходят из одного источника. Поэтому авторы сообщают нам, что камень — единственный. Если мы называем вещество «ртутью», мы потому говорим об удвоенной ртути, которая все же является только одним.

Arnold (Ros., II, 17): «Таким образом, очевидно, что философы говорили правду, хотя она кажется невысказанной простакам и дуракам, что в действительности был только один камень, одно лекарство, одно правило, одна работа, один сосуд, подобные одновременно и белой и красной сере, и сделанные в одно и то же время».

Id. (Ros., I, 6): «Существует только один камень, одно лекарство, к которому ничто инородное не добавлено и ничто не убавлено за исключением избыточного».

Здесь встречается идея очищения или омовения; мы встретим ее и дальше. Arnold (Ros., II, 8): «После разделения элементов, омойте их». Идея омовения связана с механической очисткой, измельчением, расчленением в притче, перемалыванием (муки), с купальней и растворением (разложение брачной пары). «Купальня» — с другой стороны, окружающий сосуд, водная ванна. Arnold (Ros., I, 9): «Истинное начало, потому, является растворением и разложением камня». Огонь прокаливает и может также вызвать разложение, как и плавление или размалывание. Все эти процессы помещают рассматриваемые вещества в его самую чистую или химически самую доступную форму.

Arnold (Ros., I, 9): «Философская работа должна растворить и расплавить камень в свою ртуть, так, чтобы он уменьшился и возвратился в его prima materia, то есть, изначальное состояние, самая чистую форму».

Эти две субстанции, красная и белая, получают посредством открытия единственного вещества или семени. Но каков «объект»,

подвергающийся всем этим преобразованиям, вещество, с которым поступают таким образом? Это то, что больше всего скрывают алхимики. Они дают первоначальному веществу (сырью) сто имен, каждое из которых загадка. Они дают намеки для понимания, но не готовы говорить определенно. Только достойный найдет ключи к целой работе. Остальная часть процедуры может быть понята только тем, кому известна *prima materia*. О ней и ее загадочных названиях написано много. Они описывают ее и как сырье, и как исходный материал, и как главное условие, упоминая среди других названий *Lapis philosophicus* (философский камень), живая вода (вода жизни), *venenum* (яд), *spiritus* (дух), *medicina* (лекарство), *coelum* (небо), *nubes* (облака), *ros* (роса), *umbra* (тьень), *Stella signata* (отмеченная звезда), и Люцифер, и Серебро (луна), *aqua ardens* (пламенная вода), *sponsa* (суженый), *coniux* (жена), *mater*, мать (Ева), *virgo* (дева), *lac virginis* (молоко девственницы), *menstruum*, *materia hermaphrodita catholica Solis* и *Lunae* (католическое гермафродитное вещество солнца и луны), *sputum Lunae* (лунная слюна), *urina puerorum* (детская моча), *faeces dissolutae* (жидкий стул), *fimus* (навоз), *materia omnium formarum* (материал всех форм), Венера.

Для психоаналитика очевидно, что первоначальный материал иногда идентифицируется с секрецией и выделениями, слюной, молоком, экскрементами, менструальной кровью, мочой. Они точно соответствуют инфантильным теориям рождения, и обнаруживают факт, что эти теории призваны рассмотреть, где фантазия формирует символы в своей примитивной деятельности. Нужно также заметить, что бесчисленные алхимические бумагомаратели, которые не понимали работы «мастеров», работали с такими веществами как моча, сперма, слюна, экскременты, кровь, менструальная кровь, и т. д., где играла роль тусклая идея относящейся к воспроизводству сущности в этих веществах. У меня будет что рассказать относительно этого предмета в связи с Гомункулом. Я тем временем хотел бы обратиться к тесной связи экскрементов и золота в мифе и фольклоре. [См. заметку В в конце этой главы]. Ясно, что для искусства производства золота эти мифологические отношения имеют значение.

К операции разложения веществ перед повторным соединением или восстановлением, помимо омовения и перемалывания, принадлежит также гниение или разложение. Без этого невозможна никакая плодотворная работа. Я ранее упомянул, что считалось, что сперма должна сгнить, чтобы пропитать. Зерно семени подвергается гниению в земле. Но мы должны помнить также о действии удобрения при его использовании, если мы хотим понять правильно природу ассоциирования гниения

и рождения детей. Гниение — одна из форм порчи (= разрушения) и *corruption unius est generatio alterius* (разрушение одного — порождение другого).

Arnold (Ros., I, 9): «Поскольку вещества здесь не становятся бестелесными или летучими настолько, чтобы больше не было вещества [так как оно разрушено], вы ничего не достигнете в своей работе».

Красный мужчина и белая женщина, называемые также красным львом и белой лилией, а также множеством других имен, объединены и приготовлены вместе в сосуде, философском Яйце. Объединенный материал становится, таким образом, постепенно черным (и назван вороном), позже белым (лебедем); теперь несколько увеличивается температура, и вещество поднимается в сосуде (лебедь взлетает); при дальнейшем нагревании появляется яркая игра цветов (павлиний хвост или радуга); наконец вещество становится красным, и это — заключение главной работы. Красное вещество — философский камень, называемый также нашим королем, красным львом, великим эликсиром, и т. д. После работа сводится к увеличению силы камня, «умножению» его эффективности. Тогда при добавлении его к базовому металлу он способен окрасить огромное его количество в золото. [На стадии добавления красный оттенок символизируется пеликаном. Причина этого будет объяснена позже]. Если главная работа была прервана на белой стадии, вместо того, чтобы ждать красного, то они получали белый камень, маленький эликсир, с которым основные компоненты сплава могут быть превращены лишь в серебро.

Мы говорили сейчас о главной и последующей работе. Я упоминаю, что перемалывание и очистка материалов, которые предшествует главной работе, называют подготовительной работой. Однако, существуют и другие способы подразделения.

Вооруженные этим разъяснением мы можем рискнуть отыскать алхимические символы в нашей притче. Я должен просить читателя вспомнить главные эпизоды.

В Страннике мы должны усмотреть человека, который начал изучать тайну Великого делания. Он встречает в лесу противоречивые мнения. Он совершает ошибки. Изучение, хотя и нелегко, но проходит быстро. Он не может возвратиться (Раздел 1). Таким образом, он преследует свою цель далее (Раздел 2) и думает, что теперь он нашел достойных авторитетов (Раздел 3) и они могут допустить его в коллегия мудрецов. Но люди не в согласии друг с другом. Они также используют фигуративный язык, который затеняет истинную доктрину, и который, противопоставленный

практике, не представляет ценности. (Я упоминаю в этой связи, что великие мастера герметического искусства имели обыкновение повторять читателю, что он не должен всегда цепляться за их слова, но соизмерять вещи согласно природе и ее возможностям.) Старшие обещают ему открытие важных доктрин, но не готовы рассказать о начале работы (Разделы 5, 6, подготовка к борьбе со львом). Довольно забавная черта герметической литературы.

Мы подошли к борьбе со львом, который живет в логове. Странник убивает льва и извлекает из него красную кровь и белые кости, следовательно, красное и белое. Красный и белый появляются позже как розы, затем как мужчина и женщина.

Я процитирую теперь несколько отрывков из различных алхимических книг.

Hohler (Herm. Phil., p. 91) говорит, очевидно вслед за Michael Meiers, «Septimana Philosophica»: «Зеленый лев [обычный символ для базового материала] раскрывает сырые семена, желтые волосы украшают его голову [этой детали не недостает притчи], то есть, когда происходит перенос на металлы, они становятся желтыми, золотыми. [Зеленый цвет надежды, роста. Ранее только голова льва была золотой, его будущее. Позже он становится красным львом, философским камнем, королем в одежде фиолетового цвета. Во всяком случае, он должен сначала быть убит]».

Лев, который должен умереть, является драконом, которого убивает борец. Таким образом, мы видим мифологические параллели. Психоанализ показывает нам далее, что лев = дракон = отец (= родители, и т. д.). Теперь очень интересно, что алхимическая символика оперирует теми же самыми формами. Мы встретим это вновь.

Berthelot приводит цитату (Orig. de 1»Alch., p. 60) из старой рукописи: «Дракон — страж храма. Пожертвуйте им, снимите кожу с него, отделите плоть от костей, и найдете то, что ищете».

Дракон, как следует из описаний старых авторов, также и змея, кусающая свой собственный хвост и которая может также быть представлена двумя змеями.

Фламель комментирует изображение двух драконов (в 3-ей главе его Auslegung d. hierogl. Fig): «Рассмотрите хорошо этих двух драконов, поскольку они — начало философии [алхимии], которую мудрецы не смели показывать их собственным детям... Первого называют серой или теплым и сухим. Другой назван ртутью или холодным и влажным. Это солнце и луна. Это змеи и драконы, которых древние египтяне изображали в форме круга, каждый кусающий за хвост другого, чтобы учить о своем

происхождении из единого источника [наш лев!]. Это драконы, которых древние поэты представляют как неустанных хранителей золотых яблок в саду Гесперид. Они — те, которым Ясон в его путешествии за руном дал яд, приготовленный для него прекрасной Медеей. [См. мое объяснение мотива расчленения], где рассматриваются труды философов, и кажется, что не было ни единого, включая истинного Гермеса Трисмегиста, Орфея, Пифагора, Артефиаса (Artephias), Мориенуса (Morienus) и других последователей вплоть до моего собственного времени, кто не написал бы об этом вопросе. Это две змеи, посланные Юноной (представляющей металлическую природу), которых должен был задушить сильный Геркулес (будучи мудрецом в своей колыбели) [наш Странник]. Они должны быть повержены и убиты, чтобы работа началась с гниения, разрушиться и возродиться. Это две змеи, которые закреплены вокруг посоха герольда и жезла Меркурия... Поэтому, когда они (Авиценна называет их Сарацинской шлюхой и Армянской собакой) соединены в сосуде могилы, они сильно кусают друг друга. [См. сражение сыновей зубов дракона с Ясоном, старшие в притче, но также и объятия брачной пары и мифологической параллели с борьбой = борьба с драконом = получение в награду дочери короля... = кровосмешение = любовные объятия или разделение основных родителей, и т.д.]. «... Разложение [разрушение] и гниение должно предшествовать возобновлению в лучшей форме. Это два мужских и женских семени, которые производятся... в почках и кишечнике... из четырех элементов».

Дракона, убиваемого в начале работы, старые алхимики также называют Осирисом. Теперь мы знакомы с его расчленением и его отношением к производству руды. Фламель называет сосуд этой алхимической операции «могилой». Олимпиодор говорит о могиле Осириса в алхимической работе. Видимо только лицо Осириса, словно окутанного в пелена как младенец. В притче только голова льва золотая. Голова как часть, сохранившаяся после убийства [расчленения] связана, вероятно, с органом воспроизведения. Фаллос производит рождающее детей вещество, сперму. Фаллос — будущее. Фаллос был освящен Исидой.

Янус Лациний приводит в своей *Pretiosa Margarita* следующую аллерию. Во дворце сидит король, украшенный диадемой, и в его руке скипетр целого мира. Перед ним появляется его сын с пятью слугами и падая к нему в ноги просит дать ему королевство и слуг. [На золото, короля, нападают другие шесть металлов, потому что они сами хотят быть золотыми. Король убит. По существу, происходит то же, что и выше]. Затем сын в гневе, и под воздействием подстрекательства компаньонов,

убивает своего отца на троне. Он собирает кровь отца в свою одежду. Могила [логово льва] выкопана и сын намеревается бросить туда отца, но они оба обрушиваются в нее. [См. опасная прогулка Странника по стене, Разделе 8, где люди падают вниз]. Сын прилагает все усилия, чтобы выйти снова, но приходит некто и мешает ему. [Символика преграды, запертой двери, и т. д., в притче. Могила незаметно видоизменяется в сосуд, где они составляют свадебная пару, они — отец и сын вместо матери и сына, объединены и надежно заперты]. Когда целое тело растворено, кости выбрасываются из могилы. Они разделяются на девять [расчлененных частей], растворенное вещество готовится девять дней на медленном огне, пока не появится черный цвет. Приготовление продолжается еще девять дней, пока вода не станет яркой и прозрачной. Черный с его водой жизни [в притче, вода мельницы черная] приготавливается девять дней, пока не появится белая земля философов. Ангел бросает кости на очищенную и обеленную землю, которая теперь смешана с семенами. Они отделяются от воды под действием сильного огня. Наконец земля костей становится красной как кровь или рубин. Тогда король поднимается из своей могилы, полный божественной грации, небесный, с величественным выражением лица, чтобы сделать всех его слуг королями. Он помещает золотые короны на головы его сына и слуг.

Как носитель обоих семян, мужского и женского, лев является гермафродитом. Фактически вещество (то есть, первоначальное вещество) задумано как двойное, двуполое. Его часто называют именем, которое обозначает два пола, его также называют «гермафродитом». Он представляется как ребис (*res bina* = двойная вещь), как человек с мужской и женской головой, стоящий на драконе. Из покоренного дракона (льва) дальше происходит Двойное. Эту субстанцию также называют *Mercurius*; его посох обвивают две антагонистических змеи, упомянутые Фламелем. В притче также появляется гермафродит, существо (Раздел 8), пол которого не может разобрать Странник. Это — первоначальное вещество, Меркурий, «наш гермафродит».

В Разделе 9 притчи, и также позже, красный и белый цвета появляются в образах роз. Белый и красный оттенок часто сравнивается в алхимии с белыми и красными розами.

В Разделе 9 Странник оказывается в зданиях, где люди работают одни или парами. Они работают неряшливо. Мастера искусства вообще называют алхимических шарлатанов «плохими работниками» и «грязными поварами». Они — те, кто не работает согласно «возможностям природы», что является тем временем краеугольным камнем правильной работы.

Сад (Раздел 10, 11) один из «розариев», о которых, например, алхимику Michael Meier, нравится говорить.

Есть трудности в объединении красных молодых людей с белыми девами. Стена отделяет их. Странник удаляет преграду отпиранием двери. Это может указать на химическое отпирание, которым тела химически соединяются вместе.

Странник оказывается в мельнице (Раздел 11). Мельница естественно указывает на уже упомянутое перемалывание вещества. Здесь мы также встречаем ссылку на брожение и в особенности это указывается посредством муки.

Rulandus (Lex., pp. 211 ff., s. v. Fermentum): «Фермент — эликсир, дрожжи или закваска, как его называют; делает тело пористым и раздувается, и дух находит место в нем так, чтобы оно стало пригодным для выпекания. Поскольку теперь мука не дрожжи, но мука и вода [вода мельницы] и целое тесто полностью активизировано и заквашено, таким образом, ляпис [камень] является самостоятельным ферментом, и все же золото и ртуть также называют ферментом».

Теперь начинается главная часть работы — брак, заточение, объятие, зачатие, рождение, преобразование, которому посвящена остальная часть притчи.

Тюрьма — философское яйцо. Его также называют «Атанор, решето, навозная куча, водяная баня (двойная кастрюля), печь, круглый шар, зеленый лев, тюрьма, могила, публичный дом, флакон, *sicurbit*». Оно подобно животу и матке, содержащим самим по себе истинную, естественную теплоту (чтобы дать жизнь нашему молодому королю). Тепло, которое используется, сначала должно быть нежным, «как после зимы»; оно должно быть более сильным, подобно солнцу весной, летом [см сезоны в нашей притче]. (Flamel, pp. 50 if.) Daustenius (ROS, VII): «... И эта вещь может быть символом живота женщины, который, когда она забеременела, немедленно закроет матку».

Id (ROS, VII): «Поэтому, после того, как вы поместили их (белую женщина и красного мужчину) в сосуд, закройте его как можно быстрее». [Печать Гермеса].

Id (ROS, VIII): «После того, как вы расположили вещества правильно и прекрасный, и хорошо контролируете вашу работу, объедините родственные вещества с массами, действующими родственно». [Кровосмешение].

Id (ROS, VII): «Потому теперь это — наше растворение, мы женим Гэбрикуса с Бежей, которая, когда он лежит с Бежей, немедленно умирает

и изменяет свой характер. Хотя Бежа — женщина, тем не менее, она улучшает Гэбрикуса, потому что он происходит из нее». [Смерть сына жениха. Нужно помнить в этой связи, что все металлы или все вещества вообще, также и ☉ происходят от «матери», основного вещества ♀].

В «Vision» Daustenius король должен возвратиться в матку матери, чтобы родиться заново. Король «входит в свою спальню и неожиданно чувствует большое желание совокупления, и засыпает сразу и лежит с чрезвычайно красивой девой, которая была дочерью его матери» [ослабленная форма кровосмешения с матерью]. Позже «Vision» говорит, «Женщина, однако, заключает своего мужчину, как мать, тщательно в самой внутренней части ее тела».

Тела, заключенные в сосуде, распадаются на части и частично изменяются. Испарения [душа] возвращаются, однако, в тела. Здесь речь идет о зачатии.

Daustenius [ROS ix]: «... Отсюда приходят бесплотные духи, которые друг с другом воспаряют в воздух, и там зарождается жизнь, которая вдвухается в них их сыростью, поскольку человеческая жизнь берет начало из воздуха, посредством которого увеличивается... Жизнь всех естественных вещей зависит от вдвухания воздуха».

Дарование жизни вдвуханием воздуха играет большую роль в мифах. Также мы часто встречаем примеры оплодотворения воздушным путем и ветром. Такова примитивная теория зачатия, которая также встречается в фантазиях детей.

Дети думают о вдвухании воздуха в задний проход как о естественной сексуальной теории. Я знаю несколько случаев, когда это практиковалось с эротическим акцентом под видом «игры в доктора». Ребенок однажды рассказал про то, что делают папа и мама, когда они одни; они соединяют свои голые задние стороны и вдвухают воздух друг в друга.

Другая инфантильная теория объясняет зачатие глотанием объекта. В мифах и сказках этот мотив встречается очень часто. С концепцией глотания соотносится дефекация как роды. В этой связи мы должны отметить, что тела в философском яйце вращаются в зловонной черной массе, которую многие авторы явно называют экскрементами. Воду также называют мочой, первоначальный материал также называют мочой. В философском яйце белая женщина глотает красного мужчину — каннибалистический мотив. (Штукен).

Liber Apocal. Hermetis (Cited by Hohler, p. 105 f.): «... Поэтому философы отдавали замуж эту нежную молодую деву за Гэбрикуса, чтобы они породили фрукты, и когда Гэбрикус спит, он умирает. Бежа [то есть, белая

дева] глотала его и поглотила из-за своей большой любви».

Теперь относительно внутриматочного питания зародыша посредством воды жизни:

Daustenius [ROS vi]: «... Фрукт в матке кормится только кровью матери».

Id (ROS x):

«Без семян никакие фрукты не могут расти для вас:

Сначала семя умирает; тогда вы видите фрукты.

В животе еда готовится нежно

Оттуда конечности вбирают в себя лучшее.

Затем семя льют в матку

Тогда матка становится нежно закрытой.

Менструальной крови хватает для питания фруктов

Пока они в свое время не появятся на свет»

Позже он говорит (Id, XI): «Положите ей сына, чтобы она кормила его грудью». [Вода жизни — потому молоко].

Новый король рожден, и теперь он и его супруга появляются в бесценных предметах одежды (см Раздел 18 притчи). Цветовое изменение вещества выражено посредством изменения предметов одежды, как хвост павлина, радуга. Процесс идет от черного через серый к белому, желтому, красному, фиолетовому цвету.

Конец обозначается фиолетовым. Странник в конце описывает достоинства философского камня. Мы уже сравнили большой эликсир с сомой. В старой алхимической книге, которая принадлежит перу персидского мага, Osthanes (Berthelot, Orig., p. 52), божественная вода излечивает все болезни. Вода жизни, эликсир жизни.

Многие читатели в недоумении покачают головами, ознакомившись с психоаналитической интерпретацией притчи. Грубое развитие сексуальности и Эдипового комплекса может казаться им невероятным. Алхимическое рассмотрение удивительным образом в конце концов демонстрирует, что эти странные вещи не были вложены в притчу психоанализом, но справедливо найдены в ней, даже при том, что психоанализ ни в коем случае не исчерпал содержание притчи. Вначале это казалось лишь смелым предположением, что примеры убийства отца, кровосмешения с матерью, концепция красной крови и белых костей как мужчины и женщины, вещества, состоящие из экскрементов, столь же относящиеся к воспроизводству, тюрьма как матка, использовались как любимые

фигуративные выражения алхимическими авторами. Теперь же это очевидно.

Алхимикам нравится останавливаться на процессе рождения и на инфантильных сексуальных теориях. Глубокий интерес, который они проявляют к этим вопросам, и без которого они не использовали бы их так в своем тайном письме, значение, которое им придавалось, чтобы расценивать их как достойные иллюстрации процессов большой работы, и наконец, признание того, что в той или иной форме они имеют значение в эмоциональной жизни каждого человека, — все это делает очевидным тот факт, что линия образных сравнений, с которыми мы познакомимся, заслуживает независимого исследования. В практике произошло расщепление, и рождение стало независимой проблемой для алхимиков. Все же последователи искусства действительно извлекали уроки из природы, чтобы их искусство могло следовать за операциями природы и даже изменить ее к лучшему; тогда неудивительно, что многие из них перешли к вопросу искусственного создания человека. Все же вера в *generatio equivoca* долго не была мертва. Разве не могло показаться возможным ввиду воображаемого факта, что они наблюдали развитие насекомых из земли, червей из экскрементов, и т. д., будто они должны специальным искусственным вмешательством могут заставить более высокие формы жизни выйти из безжизненного вещества? Среди всех веществ не было в действительности ни одного абсолютно безжизненного, даже «оживленные» металлы росли и увеличивались. Короче говоря, если мы рассмотрим вопрос несколько более близко, то, в конце концов, не найдем ничего странного в том, что они предприняли серьезные попытки создать гомункула.

Вообще Парацельс расценивается как самый значительный автор этой идеи, что на мой взгляд несколько не критично. Есть другие представления относительно роли, играемой Парацельсом. Инструкции, что он дает для производства гомункула, найдены в работе (*De natura rerum*), чье авторство до конца не установлено. И если предположить, что Парацельс был автором, нужно задуматься, не представляет ли он любопытному другу, которому посвящена работа просто смесь причуд из разнообразных источников, которые он собрал во время путешествий среди бродячего народа. Мы должны принять факты, поскольку мы находим их; вопрос принадлежит ли авторство Парацельсу или нет, является праздным. Достаточно того, что есть книга некоторого автора, который описывает работу и описывает ее таким способом, что наивный ученик, возможно, воспринимает ее довольно последовательной. Идея как

таковая оказалась мыслимой нам. Ее форма в упомянутой книге кажется ясно определенной алхимическими идеями. Читатель незамедлительно почувствует это сам, поскольку я приведу здесь некоторые отрывки из книги. (Cf. the Strassb. Folio Ausg. des Paracelsus, Vol. I, pp. 881–884.) Рассмотрение производства гомункула кажется важным для меня, потому что это показывает основное содержание алхимических идей в расширенной форме и полном развитии, содержание, которое дает, кроме того, то самое, искомое психоанализом.

Парацельс начинает с факта, что гниение преобразовывает все вещи в их первоначальную форму и является началом генерации и умножения. Спаргическое искусство [одно из названий алхимии] в состоянии создавать людей и монстров. Один из таких монстров — Василиск. «Василиск» растет и рождается из и от самой большой примеси женщины, а именно, из менструальной крови и из крови спермы, которая помещается в сосуд и перегонный куб, и разлагается в животе лошади. В таком гниении рождается Василиск. Найдется ли столь смелый и удачливый, чтобы сделать его или извлечь, или снова убить, кто не защитит себя прежде одеждой и зеркалами? Я не советую никому, но я хочу предупредить. [Тогда ходило много басен о Василисках. Люди верили, что это ужасное животное было произведено из яйца курицы, высиженного жабой. Здесь мы вновь встречаем идея неестественного рождения]. ... Теперь не будем забывать о создании гомункула. В этом есть нечто, что до настоящего времени сохранено в тайне и скрыто, и среди некоторых старых философов бытовали сомнения в вопросе, возможно ли посредством искусства и природы сотворить человека вне тела женщины. Я даю ответ, что это никоим образом не противоречит спаргическому искусству и природе, но вполне возможно; но то, как таковое можно сотворить следующей процедурой: А именно, сперма человека разлагается в закрытом перегонном кубе в животе лошади в течение 40 дней или пока она станет живой и не начнет перемещаться и шевелится, что должен легко быть замечено. [Под животом лошади имеются ввиду экскременты лошади. Конский навоз или экскременты были легкодоступным материалом, который служил цели нагревания сосуда, что помещался в него в ровной умеренной и сырой высокой температуре. Конский навоз это наконец нежная «сырая высокая температура», вообще произведенная каким-либо образом. В предыдущем случае, конечно, не должно быть не замечено более узкое значение живота животных или экскрементов. Здесь действительно этот живот с его сырой теплотой должен действовать как эквивалент для матки]. По прошествии этого времени станет

заметно нечто, подобное человеку, но прозрачное и бестелесное. Поэтому того его нужно ежедневно питать беловатым (weisslich) с Arcano sanguinis humani [водой жизни, которая кормит плод] и кормить приблизительно 40 недель, держа в ровной теплоте живота лошади. Настоящий живой человеческий ребенок появится далее со всеми членами, присущими ребенку, рождаемому женщиной, но значительно меньшего размера. Мы называем его гомункулом, и его следует растить точно так же, как любого ребенка с большим усердием и заботой, пока он не достигнет возраста понимания. Это — самая высокая и самая большая тайна, что Бог сообщил смертному и греховному человеку. Поскольку это — чудо и *maginale Dei* и тайна, прежде всего, тайна и должно быть сохранено тайным до Судного Дня, поскольку тогда ничто не останется скрытым, но все будет явлено.

«И, хотя это до настоящего времени было скрыто от обычного человека, но не было скрыто от фавнов, нимф и гигантов и демонстрировалось в течение долгого времени; откуда они также, произошли. Поскольку от таких гомункулов, когда они приходят в возраст мужественности, происходят гиганты, карлики и другие подобные удивительные люди [Как в Книге Бытия VI, 4], которые использовались в качестве великого инструмента и одерживали могущественную победу над врагами и знали все секретные и скрытые вещи, которые люди не могут знать. Поскольку искусством они получили свою жизнь, то через искусство, они получили тело, плоть, кость и кровь. Поэтому искусство воплощалось и рождалось в них, и они не должны были постигать его у кого-то, но учиться нужно было у них. Рожденных искусством и растущих как розы или цветы в саду, их называли детьми фавнов и нимф, потому что это они обладали их силой, их уподобляли не людям, но духам». [Характерно, что Парацельс незамедлительно переходит к производству металлов].

В описании создания гомункула указывается на важность гниющего материала. Там ясно очевидное кормление *magisterium* из крови (водой жизни), что соответствует внутриматочному содержанию. Мы отмечаем, что от гомункулов происходят гиганты, карлики и прочие удивительные существа.

У идеи палингенеза, кажется, нет никакого значения для производства гомункула. Она предполагает, что мертвое живое существо можно оживить, по крайней мере, как облачную фигуру, если тщательно собрать все его части, растворить их и нагревать состав в сосуде надлежащим огнем. Тогда там через некоторое время появится как облако дыма слабое изображение прежнего существа, растения, птицы или человека. Облака исчезают, если нагревание прерывается. В дальнейшем возможно,

хоть и более трудно, используя этот набросок заставить прежнее существо возникнуть снова из пепла, полностью живым. В данных рецептах важную роль играет конский навоз или некоторые другие гниющие вещества. Много авторов рассказывают басни о замечательных экспериментах, что они делали. Один говорит, что сжег птицу дотла и заставил ее жить снова, другой увидел исходящее из разлагающегося трупа ребенка его теневое изображение и т. д. Мы видим здесь в действительности мифический мотив расчленения и возвращения к жизни, выраженный в наивной практике. Довольно примечательно, что эта практика следует за теми же самыми линиями, что и мифическое представление. Все составные части тела, которое порезано на маленькие кусочки, должны быть тщательно собраны и помещены в сосуд и (вообще) приготовлены.

Человеческий ребенок как результат приготовления или иного подобного процесса в сосуде, весьма часто встречается в примитивных мифах. Я мог упомянуть зулусский миф (Frobenius, *Zeitalt. d. Sonneng.*, I, p. 237) о прежде бесплодной женщине. В нем говорится, что она должна поместить каплю крови в горшок, закрыть его и установить на восемь месяцев, а открыть на девятом месяце. Женщина сделала так и нашла ребенка в горшке. Каплю крови, следует отметить, она взяла у себя. Многочисленные мифы о драконе-ките (Frobenius), где внутри кита очень жарко, относятся к тому же мотиву. Из живота кита приходит испеченный молодой герой (солнце) [кроме того, он получает питание в животе дракона кита]. Примечательно, что идея приготовления людей становится очень прозрачна в хорошо проанализированном случае *dementia praecox* (Spielrein in *Jb. ps. F.*, III, pp. 358 ff.). «В регрессивных фантазиях инвалида фрагменты всех видов вещей приготовлены или пожарены, и пепел может стать человеком».

Очень интересный вариант инфантильных теорий происхождения жизни из экскрементов встречается в книге, «*De Homunculis et Monstris*» (Vol. II, pp. 278 ff. of the Strassburg edition of the works of Paracelsus). В ней утверждается, что содомией так же, как педерастией (особенно совокуплением в анус, или рот) возможно породить монстра.

Как шарлатаны обращались с алхимией в целом, таким же образом они использовали производство гомункула. Их бизнес был основан на большой прибыли, которая предлагалась за владение гомункулом и которая эквивалентна квасцам мандрагоры. Квасцы мандрагоры дали определенный стимул развитию идеи гомункула и практике. Можно продемонстрировать, что здесь также лежит интерес к тайне зарождения жизни.

Вероятно, множество фальсификаторов вела к производству гомункула ошибочная интерпретация символики рождения, содержащейся в алхимических письменах. Было просто необходимо, взять буквально один или другой из методов. Так совершались самые смехотворные и грубые ошибки. Когда упоминалось яйцо философа, они брали яйца в качестве фактического объекта. Когда упоминались семенное вещество и семена, они думали, что *prima materia* — человеческая сперма, и так возникла школа семиналистов. И потому, что было написано о веществе, которое можно найти всюду, где проживает человек, и это вещество несколько презираемо, люди выбрасывают его, не понимая ценности, они думали о гниении как таковом, они полагали найти реальное вещество в человеческих экскрементах, и так была основана школа стеркоралистов. Из веры в исцеление и чудодейственную силу экскрементов возникла кроме того известная медицина грязи, которая не заслужила уважения.

Тема гомункула чрезвычайно интересна. К сожалению, я не могу рассмотреть ее полностью в данной книге.

Глава 3

ГЕРМЕТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

Всякого, кто погружается в глубокое исследование алхимической литературы, должно быть, поражает религиозная серьезность, которая преобладает в письмах наиболее значимых авторов. Всякому «мастеру», пользовавшемуся высоким признанием и уважением в среде коллег по герметическому искусству, присуща некая возвышенная манера письма, которой свойственно воздерживаться от подробного описания химической лабораторной работы, хотя они не отступают от алхимического технического языка. Очевидно, они склоняются к некоторым темам, которые намного более важны, чем изготовление химических препаратов, даже если это тинктура, с помощью которой свинец можно обратить в золото. Обращаясь к более возвышенным темам, эти авторы, искренний язык которых часто сильно трогает наши чувства, заставляют читателя отметить, что они не имеют ничего общего с неаккуратными поварами, которые кипятят свои горшки на химических кухнях, и что золото, о котором они пишут, не является золотом большинства; это не то золото, которое можно обменять на деньги. Их язык, кажется, звучит так, будто они хотят сказать: «Наше золото не принадлежит этому миру». Действительно они используют выражения, которые могут абсолютно четко подразумевать данный смысл, что легко продемонстрировать. Авторы этого типа не утомляли, а лишь наставляли учеников, что вера, священное писание и добродетельность являются самыми важными составляющими алхимического процесса. [«Кашеваров» же главным образом волновали вопросы количества и типа печей, перегонных кубов, котлов, тиглей, металлов, жара, и т. д. короче говоря, того, в каких орудиях они нуждались для большого делания].

Тому, чьи глаза открыты, нет нужды ни в каких специальных приспособлениях, чтобы увидеть в текстах, что так называемые алхимические предписания не сосредотачивались на химическом процессе. Общее знакомство с обстоятельствами появления алхимической теории, что смешивалась космогоническими и религиозными идеями, делает

очевидным, что, например, в известной Изумрудной Скрижали Гермеса [Ее настоящий автор неизвестен], основополагающем столпе алхимии, содержится нечто больше, чем простой химический рецепт. Язык письма Изумрудной Скрижали, к сожалению, является самым туманным из всей герметической литературы; в нем нет никаких ясных предписаний касательно веры или добродетельности; и все же я думаю, что беспристрастный читатель, не сосредоточенный на поиске химического рецепта, по крайней мере, ощутит дух философии или богословия:

[1]. Verum, sine mendacio, certum et verissimum:

[2]. Quod est inferius est sicut quod est superius,

[3] Et quod est superius est sicut id quod est inferius, ad perpetranda (praeparanda, penetranda) miracula rei unius.

[4]. Et sicut omnes res fuerunt ab Uno, mediatione (meditatione) Unius, sic omnes res natae fuerunt ab hac una re, adaptione (adoptione).

[5]. Pater ejus est Sol, mater ejus est Luna.

[6]. Portavit illud ventus in ventre suo. Nutrix eius terra est.

[7]. Pater omnis thelesmi totius mundi est hie.

[8]. Vis eius integra est, si versa fuerit in terram.

[9]. Separabis terram ab igne, subtile a spisso, suaviter mango cum inqenio.

[10]. Ascendit a terra in coelum, iterumque descendit in terram, et recipit vim superiorum et inferiorum.

[11] Sic habebis gloriam totius mundi.

[12]. Ideo fugiet a te omnis obscuritas.

[13]. Haec est totius fortitudinis fortitudo fortis, quia vincet omnem rem sumtilem, omnemque solidam omnemque solidam penetrabit.

[14]. Sic mundus creatus est.

[15]. Hinc erunt adaptiones mirabilies, quarum modus est hic.

[16]. Itaque vocatus sum Hermes Trismegistus, habens tres partes philosophiae totius mundi.

[17]. Completum est quod dixi deoperatione solis.

ПЕРЕВОД:

[1]. Истинно — без всякой лжи, достоверно и высшей степени истинно:

[2]. То, что находится внизу, аналогично тому, что находится вверху.

[3] И то, что вверху, аналогично тому, что находится внизу, чтобы осуществить чудеса единой вещи (то есть философского камня).

[4]. И подобно тому, как все вещи произошли от Единого (через посредство Единого) или: через размышление Единого (то есть Логоса,

Мирового «Я»), так все вещи родились от этой единой сущности через приспособление (или: через принятие её извне, через «прививку» её).

[5]. Солнце её отец, Луна её мать.

[6]. Ветер носил её в своём чреве. Земля её кормилица.

[7]. Вещь эта — отец всяческого совершенства во всей вселенной.

[8]. Сила её остаётся цельной (то есть неизрасходованной), когда она превращается в землю.

[9]. Отдели землю от огня, тонкое от грубого осторожно и с большим искусством.

[10]. Эта вещь восходит от земли к небу и снова нисходит на землю, воспринимая силу как высших, так и низших областей мира.

[11] Таким образом ты приобретешь славу всего мира.

[12]. Поэтому от тебя отойдёт всякая темнота.

[13]. Эта вещь есть сила всяческой силы, ибо она победит всякую самую утончённую вещь и проникнет собою всякую твёрдую вещь.

[14]. Так был сотворён мир.

[15]. Отсюда возникнут удивительные приспособления, способ которых такой (то есть таков, как изложено выше).

[16]. Поэтому я был назван Гермесом Трижды-величайшим, так как я обладаю познанием трёх частей вселенской философии.

[17]. Полно то, что я сказал о работе произведения солнца.

Другой также возможный перевод будет таков: «Полно то, что я сказал о действии солнца»⁴.

Солнце и золото идентичны в символическом способе выражения. Тот, кто ищет химическое вещество, должно быть читает: изготовление золота, производство золота; и именно так прочитали это тысячи и миллионы. Простого слова «золото» было достаточно, чтобы сделать бесчисленные души слепыми ко всему помимо рецепта, что можно было найти в Изумрудной Скрижали. Но конечно были и такие мастера алхимии, которые не позволяли себе ослепиться словом «золото» и потому проникли глубже сквозь язык Изумрудной скрижали. Они и были ранее упомянутыми возвышенными мыслителями. Жадная толпа «кашеваров», однако, ухватилась за идею производства золота в Изумрудной скрижали и других писаний и не обращала внимания больше ни на что. В течение долгого времени алхимия не означала большего для современных историков.

---

⁴ *Прим. пер.* — По Странден Д. Герметизм. Его происхождение и основные учения (Сокровенная философия египтян). — СПб.: Издание А. И. Воронец, 1914.

Факт, что современная химическая наука произросла из герметических работ, туманного древа познания, как единственная его ветвь, явно видимая и постижимая, свидетельствует, что, заглядывая в прошлое, мы получили ложное впечатление. Химические специалисты предпринимали исследования в области герметического искусства и полностью запутались в языке его символического письма, подобно тому, как до них были слепыми ищущие золота. Герметическое искусство или алхимия в более широком смысле, не ограничено производством золота или даже примитивной химией. Нас, знакомых с философскими предположениями алхимии, не должно удивлять, что в дополнение к химической и механической стороне алхимии, философской и религиозной сторонам также уделялось внимание. Я думаю, однако, что для понимания религиозных воззрений из языка мастеров алхимического искусства, такое историческое знание нисколько не является необходимым. Однако эта наивная ребяческая логика была закрытой книгой для химиков, совершавших исторические исследования. Им препятствовали их специальные знания. Я отнюдь не хочу умалить значение вклада Шверрёль или Коппа в историю химии; я хотел бы всего лишь привлечь внимание к тому, что чтимые отцы основатели истории химии видели только нижнюю «inferius», и не замечали верхнюю «inferius» сторону алхимии, например, в Изумрудной Скрижали; и на этом они строили свои общие заключения, и в последствии потребовался особый дар, чтобы вновь очистить фонтан, который был засорен.

Теперь я понимаю, что поэтам повезло больше, чем ученым. Так, например, у Виланда, Theophron говорит Musarion (Книга II):

Лишь прекрасное
Достойно нашей любви.
Самое большое искусство в отделении его от покрыва...
Для нее [души] ничто смертное недостаточно,
Да, удовольствие богов не утоляет жажду,
Лишь фонтан. И так, друзья,
Всякое смертное соблазняет как муха на крюке
К сладкому разрушению,
Из-за недостатка возвышенного, мастерство различения
Становится для истинно мудрого
Пегасом, поднимающим ввысь.

Но поэты обычно говорят весьма фигурально. Потому я ограничусь приведенным примером.

Заслуга открытия вновь подлинного значения алхимии помимо и выше ее химической и физической стороны, должна быть, вероятно, присвоена американцу Этану Аллену Хичкоку, который изложил свои взгляды на алхимиков в труде «Заметки об алхимии и алхимиках», изданном в Бостоне в 1857 г. и французцу, Н. Ландуру, автору научного периодического издания «L'Institut», который писал в 1868 г. в подобном ключе [газета «L'Institut», 1-я часть, Издание XXXVI, стр. 273 и последующие], хотя я не знаю, писал ли он, будучи знакомым с американской работой или нет. О наблюдениях Ландура сообщает Копп (Alch., II, p. 192), но он оценивает их значимость недостаточно справедливо. Однако мы не можем ставить это ему в упрек. Будучи химическим специалистом, он предпринял исследование, требующее психологической, философской или богословской подготовки.

Открытия, сделанные проницательным Хичкоком, так важны для нашего анализа, что нельзя обойтись без их рассмотрения. Я предпочел бы сослаться на книгу Хичкока, но она почти недоступна.

Мы слышали, что самый большой камень преткновения для непосвященного в герметическое искусство лежит в определении истинной субстанции, *prima materia*. Авторы упоминали сотню ее имен; и потому искатели золота были введены в заблуждение сотней способов. Хичкок единственным словом дает нам ключ к пониманию мастеров герметического искусства, когда он говорит: субстанция — человек. Также мы можем воспользоваться игрой слов и сказать, что субстанция или вещество — субъект⁵.

Непосвященные, с изумлением читающие в трудах алхимиков «наш *subjectum*» то есть, вещество которое будет подвергаться воздействию, идентично сосуду, дистиллятору, яйцу философов, и т.д. Теперь это становится понятным. Хичкок очень уместно замечает (Н. А., p. 117): «Алхимическое делание представляло собой работу ума, а не работу рук. Их перегонный куб, печь, философское яйцо, и т.д., и т.д., в которых осуществлялись процессы брожения, дистилляция, извлечение эссенций и духов, подготовки солей, что как говорят, имели место, в действительности были Человеком, Вами, любезный читатель, и если Вы возьметесь за исследование самого себя, и будете искренны, и будете честны, не признавая никакого другого поводыря или силу, но лишь Правду, то легкостью обнаружите что-то вроде герметической философии; и если вначале Вы

---

⁵ Прим. пер. англ subject = субстанция, subject = субъект

ощутите «страх и дрожь», то в конце, быть может нечто больше, чем дары целого мира».

Алхимик Али Пули (Н. А., р. 34), пишет: «Самая высокая мудрость человека состоит в том, чтобы знать себя, потому что в него Бог вложил свое вечное Слово... Поэтому пусть вопрошающие и желающие познать непостижимые загадки природы сначала узнают то, что скрыто в них самих, и божественная сила внутри них позволит им сперва излечить и преобразовывать свои собственные души... если то, что вы ищите, вы будете искать не внутри себя, то ослабеете и никогда не найдете. Как можно искать что-то в других местах, не зная, что находится в вашем собственном доме? Весь земной шар заключает в себе ненамного больше тайн и совершенства, чем один человек, сотворенный Богом по своему собственному подобию. И стремящийся к первенству среди изучающих природу, нигде не найдет большей или лучшей области исследования, чем себя самого. Поэтому я последую примеру египтян и... на основе подлинного опыта скажу: «О, Человек, познай себя; в тебе скрыто сокровище сокровищ!»

Семиналисты потому пришли к выводу, что *prima materia* является спермой, стеркоруалисты, что это — экскременты.

Джордж Рипли описывает предмет философского камня следующим образом:

«Из единой глины были вылеплены все творения,
Потому и наша работа должна полагаться на это,
Все наши тайны происходят из одного источника;
В книгах философов всякий желающий сможет увидеть,
Наш камень называют малым миром, одним и тремя».

Камень, таким образом, малый мир, микромир, человек; один, един-

ство, три, ♀ ртуть, ♂ сера, ⊖ соль, или дух, душа, тело. Мы также наблюдаем дихотомию ртути и серы, что могут предоставлять душу и тело. Один автор сообщает: «Мы должны выбрать минералы, состоящие из живой ртути и живой серы; обращайтесь с ними деликатно, осторожно и неторопливо». [См. Изумрудная Скридаль 9, «suaviter»].

Хичкок (Н. А., р. 42): «Единственный» предмет алхимиков — прежде всего, человек, согласно его природе [как природе] по существу. Но если авторы обращаются к человеку феноменально, они говорят о нем под различными именами, указывая на различные состояния, как, например,

до или после «очищения», или они обращаются к его телу, душе или духу под различными именами. Иногда они говорят о целом человеке как о ртути... и затем, таким же словом обозначают, возможно, нечто специальное, как наша ртуть, у которой есть еще множество других имен... и хотя люди разнятся по нравам и темпераментам, кто-то кроток и добр, а кто-то зол и жесток, все же алхимики соглашаются с Ап. Павлом, что «в жилах людей всех народов течет единая кровь», то есть одна природа. И именно то, что составляет единую природу человека и есть особый объект алхимии, активируемый и приводимый в жизнь и деятельность; то, посредством чего, если бы оно смогло повсеместно преобладать, человечество составило бы братство».

Алхимики говорят, что большая трудность в начале работы заключается в обнаружении или создании их необходимой незаменимой ртути, которую они также называют зеленым львом, *mercurius animatus*, змеей, драконом, кислой водой, уксусом, и т. д.

Какова эта таинственная ртуть, способная к развитию, находящаяся в человечестве, единая для всех, но преобразованная? Хичкок отвечает, сознание. Сознание не «одинаково чисто» у всех людей, и не одинаково развито; трудность обнаружения, о которой говорят алхимики, является трудностью пробуждения его в сердце человека для последующего облагораживания и возвышения. Задача отправной точки в образовании человека в действительности состоит в пробуждении в его сердце устойчивого, постоянного чувства абсолютной искренности. Одна из самых сложных вещей в мире состоит в том, «чтобы принять человека в том, что называют его естественным состоянием, естеством человека по Св. Павлу, после того, как в течение многих лет он потакал своим страстям, прельщенный миром, почестями, удовольствиями, богатством, и сделать его восприимчивым к голосу разума и готовым оставить всякую страсть из уважения к нему». Конечно, это трудная задача для педагога; если она достигнута, дальнейшее совершенствование становится легким и вполне уместно может быть названо лишь детской игрой, как алхимики любят называть более поздние фазы своей работы. (Н. А., стр. 45 и последующие).

Наиболее подозрительны и уязвимы те, чей разум недостаточно чувствителен. Такие заблудившиеся люди походят на дикобразов: очень трудно приблизиться к ним. У алхимиков есть подходящие для них имена, такие как мышьяк, гадюки, и т. д., и все же они ищут во всех этих веществах, и в сурьме, и в свинце, и многих других материалах истинную ртуть, носящую столько же имен, сколько есть веществ, в которых она обнаруживается; нефть, уксус, мед, полынь, и т. д. Под всеми своими именами

ртуть, однако, остается единственным неизменным веществом. Ее также назвали невоспламеняющейся серой поскольку, тот, чей разум однажды должным образом пробудился, носит в своем сердце бесконечно горящее пламя, которое съедает все, что противоречит его природе. Этот огонь, который может гореть как «яд», является могущественным лекарством, единственно подходящим для (нравственно) больной души.

Разум в сыром состоянии алхимиков называют «обыкновенной ртутью» в отличие от «нашей ртути». Не насильно и естественно заменить первое вторым — труднодостижимая цель, которую преследует алхимия. Эта первая цель — подготовка к дальнейшей работе. То, куда она ведет, мы можем обозначить одним словом — «Бог», и даже здесь мы можем быть поражены «циркулярным» характером всей герметической работы, так как небесная ртуть, которая необходима для предварительной работы и очистки, сама по себе является Божьим даром; начало зависит от конца и предполагает его. Символ *prima materia* не случайно представлен змеей, держащей свой хвост во рту. Я не могу, забегаая вперед, рассмотреть проблему, возникающую в этой связи; уясните лишь только, что в идеале завершение может свершиться и без начала.

Что же надлежит сделать с посланцем небес, ртутью или разумом, когда он являет себя? Несколько алхимиков дают инструкцию посеять золото в ртуть как в землю, «философское золото», которое также называют *Venus* — любовью. Часто в Новом Завете можно встретить лучшие комментарии герметических писаний. В Первом Послании к Коринфянам 3:9 и далее, мы читаем: «Ибо мы соработники у Бога, а вы — Божия нива, Божие строение. Я, по данной мне от Бога благодати, как мудрый строитель, положил основание, а другой строит на нем; но каждый смотри, как строит. Ибо никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос. Строит ли кто на этом основании из золота, серебра, драгоценных камней, дерева, сена, соломы... ибо день покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть»; и в Послании к Галатам 6:7 и далее: «Что посеет человек, то и пожнет... сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную. Делая добро, да не унываем, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем». Дух, в который сеется и есть ртуть и золото, что выйдет, испытанное огнем.

Алхимики говорят о людях очень часто как о металлах. Прежде, чем я приведу цитату из работы Иоанна Исаака Голланд о свинце, я напомним, что свинец носит имя Сатурна. Сочинение Голланда можно вполне можно было назвать трактатом о человечестве как о свинце. Чтобы понять это

лучше, следует добавить, что человек в состоянии смирения или покорности должен особенно ассоциироваться со свинцом, мягким, темным металлом.

Издатель английского перевода Голланда, который датирован 1670 г., обращается к читателю следующим образом: «Уважаемый читатель, философы написали многое о своем свинце, который, как учил Базилиус, изготавливается из сурьмы; и у меня сложилось впечатление, что предмет данной работы современного философа мистера Иоанна Исаака Голланда, посвященной свинцу, не должен пониматься как обычный свинец... но свинец философов».

И у самого Голланда мы читаем: «Во имя всего святого, Аминь. Дитя мое, знай, что камень, названный Философским камнем, происходит из Сатурна. И знай, дитя мое, истина в том, что в целой овощной работе [овощ из-за символики сеяния и выращивания] нет никакой более высокой или большей тайны, чем в Сатурне. [См. ранее процитированный отрывок из труда Али Пули]. Поскольку мы сами не найдем в [обыкновенном] золоте того совершенства, что должно быть найдено в Сатурне, в нем скрыто лучшее золото. С этим согласны философы; и необходимо только, чтобы ты отбросил все лишнее, затем ты повернешься от внутреннего к внешнему, что является красным; тогда оно и станет лучшим золотом. [Н. А., р. 74, отмечает, что сам Голланд имеет в виду то же самое, что Исаия 1:16 «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло;» и т.д.]. Золото легче всего произвести из Сатурна, поскольку Сатурн легко растворяется и сгущается, и извлечь его ртуть легко». [Имеется ввиду, что осознанность легко развивается после разрушения лишнего и устранения препятствий в гибком свинцовом человеке]. «И эта ртуть, извлеченная из Сатурна, чиста и возвышена, поскольку ртуть обычно благородна. Я говорю тебе, дитя мое, что та ртуть столь же хороша, что и ртуть извлекаемая из золота во всех операциях». [Здесь находится, согласно Н. А., намек на факт, что все люди имеют по существу одну и ту же природу, поскольку образ Божий живет в каждом]. «Всеми этими странными притчами, в которых философы говорили о камне, луне, печи, сосуде, является Сатурн для тебя [то есть, они говорят о человечестве]; нельзя привнести нечто иное, помимо возникающего из тебя самого. Нет ни единого столь обделенного человека в этом мире, что не смог бы осуществить эту работу. Поскольку Луна может быть легко и быстро изготовлено из Сатурна [здесь под Луной имеется в виду серебро, очищенные эмоции]; и в течение более длительного времени из него может быть изготовлено Солнце. Под Солнцем здесь я понимаю разум,

который проясняется по мере очищения эмоций... В Сатурне прекрасная ртуть; в нем все цвета мира, [то есть, природа человека включает целую вселенную в некотором смысле, откуда взяли начало все религии, все основные положения, все истории, все сказания, поэзия, все искусства и науки]» (Р. 77.)

Артефий [Hapso]: «Без сурьмяного уксуса [сознания] никакой металл [человек] не может быть обелен [очищен изнутри] ... Лишь только это вода, ясная как прекрасное серебро, пригодный и естественный посредник, с помощью которого мы должны получить тинктуры Солнца и Луны [кратко, но неточно перефразируя — души и тела] таким образом, чтобы их можно было сгустить и преобразовать в белую и живущую землю». Этой воде требуются целые тела, чтобы после их растворения ее можно было сгустить, фиксировать и сгустить в белую землю. [Первый шаг — очистка, освобождение, то есть, иначе говоря, прокаливание, и т.д.; это делается сознанием, под влиянием которого твердый человек становится мягким и текучим].

«Но их [алхимиков] растворение — также и их коагуляция; оба процесса составляют одну операцию, поскольку одно растворяется и другое сгущается. И при этом нет никакой иной воды, которая способна растворить тела, кроме той, что находится в них. Золото и серебро [Солнце и Луна как прежде] должны быть возвеличены в нашей воде... такую воду называют центром души и без нее наше искусство не представляется возможным. Это — овощ, минерал и животный огонь, который заключает фиксированные духи Солнца и Луны, но разрушает и завоевывает их тела; поскольку она уничтожает, переворачивает и преобразовывает тела и металлические формы, лишая их всякой телесности, но делая фиксированным духом».

«Argentum vivum [живое серебро] является... субстанцией Солнца и Луны, или золота и серебра, преобразованных от низости к благородству.

Это — текущая живая вода, увлажняющая собой землю, чтобы в должный сезон явить множество плодов... Эта живая вода или вода жизни, обеляющая тело и преобразовывающая его в белый цвет...

Насколько же велика и драгоценна эта вода. Без нее работа никогда не могла бы свершаться или совершенствоваться; ее также называют *vas naturae*, животом, маткой, сосудом тинктуры, землей, кормилицей. Это — королевский фонтан, в котором король и королева [☉ и ☽] омывают себя; и мать, которую надо поместить и запечатать внутри живота ее младенца, она же — само Солнце, что произошло от нее, и которое она же являет; и поэтому они любят друг друга как мать и сын, и соединены вместе, так как

произошли из одного источника, вещества и природы. И поскольку эта вода — вода овощной жизни, это заставляет расти мертвое тело, увеличиваться, течь и подниматься от смерти к жизни, будучи сначала растворенным и затем очищенным. И в этом процессе тело преобразуется в дух, и дух впоследствии в тело».

Наш камень состоит из тела, души и духа.

«Кажется тогда, что этот состав не является не результатом работы рук, а изменением природы, потому что природа растворяется и соединяется с собой же, очищает, возвышает себя, становясь белой и отделенной от экскрементов [экскременты — то же, о чем говорил Hollandus как об «избытках»] ... Наши медь или латунь, таким образом, изготавливаются увеличивающимися степенями жара, но самостоятельно, свободно и без насилия. Но когда они поднимаются высоко, то рождаются в воздухе или в духе и преобразовываются в дух, становясь жизнью в жизни. И посредством такой операции тело, природа тела становится возвышенной, дух объединяется с телом в единое целое, и таким возвышением и соединением, целое, тело и дух, обеляются». (Н. А., р. 87.)

Для разъяснения могут полезны некоторые отрывки из Библии. Послание к Колоссянам 2:11: «В Нем вы и обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым...». Псалтирь 50:9: «Омой меня, и буду белее снега». Первое послание к Коринфянам 6:11: «Но омылись, но освятились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего». Послание к Римлянам 8:13: «Ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете». Св. Евангелие от Иоанна 4:14: «А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную». [В 4:10 упоминается живая вода]. Св. Евангелие от Иоанна 12:24 и следующее: «... если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода; Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную».

Послание к Римлянам 6:5 и далее: «Ибо если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения... зная то, что ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху... [я должен напомнить здесь о символе уксуса — †]»

Первое послание к Коринфянам 15:42 и далее: «Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении... сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе...сеется тело душевное,

восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся ... Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие».

Первое послание к Коринфянам 15:40 и далее: «Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд».

Послание к Ефессянам 2:14 и далее: «Ибо Он есть мир наш, соделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду, празднив вражду Плотию Своею, а закон заповедей учением, дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устрояя мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством креста, убив вражду на нем».

Если мы соотнесем две противоположности, которые должно быть объединены согласно процедуре герметических философов с ☉ и ☾ [солнце и луна, золото и серебро, и т.д.] и представим их объединенными с крестом ✚, то получим символ ртути ♁. Эта идеограмма скрывает понятие, Воскресение. Все эти идеи, на сколько нам известно, не происходили из Христианства.

Второе послание к Коринфянам 5:1: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный».

Св. Евангелие от Иоанна 7:38: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой». Я упомяну прямо здесь, что герметические философы не стремились к спекулятивному богословию, но, как очевидно из их писаний, они сделали содержание религиозной доктрины частью своей жизни. Это было их работой, работой мистичизма. Все, что читатель склонен думать о приведенных выше отрывках, как о, вероятно, относящихся к некоей иной жизни, они, будучи Мистиками, стремились воплотить на земле, не надеясь и не ожидая иной жизни. Я предполагаю, что они потому говорят о двух камнях, небесном и земном. Небесный камень — вечное счастье и, согласно христианским идеям, Христос, помог человечеству обрести его. Земной камень — мистический Христос, к которому всякий может обратиться, чтобы предать распятию и воскресить в себе, посредством чего он достигает царства небесного на земле с теми особыми качествами, что аллегорически приписываются философскому камню. Поэтому земной камень называют отражением небесного и таким образом, сказано, что из свинца, и т.д., можно легко и «быстро» изготовить камень, то есть, не только после смерти.

Во всяком случае, на уровне примитивной символики, кажется, в основании рекомендации использовать *sputum lunae* (лунную слюну) или *sperm astrale* (звездную сперму), звездная слизь, лежит религиозная идея использовать их как вещества, проистекающие от мира света, что выше, как первый материал для работы нашего просвещения. [Во многих алхимических рецептах рекомендуются такие вещи. Недоразумение привело к так называемому веществу падающей звезды, за которым стали спешно охотиться. То, что было найдено и считалось звездной слизью, оказалось студенистым растением]. Так мы встречаем в Св. Евангелие от Иоанна 9:5 и далее: «Доколе Я в мире, Я свет миру. Сказав это, Он [Иисус] плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому..., и сказал ему: пойдя, умойся в купальне Силоам, что значит: посланный. Он пошел и умылся, и пришел зрячим». Перенос силы посредством секрции — довольно распространенная примитивная идея.

Как Михаэль Майер (*Lib Symbola Aureae Mensae. XI*), сообщает нам, Мелхиор Цибиненсис, венгерский священник, выразил тайны запретного искусства в святой форме Мессы. Как и рождение, жизнь, вознесение, страдание в огне и затем, смерть соответствовали Философскому камню в черных и мрачных цветах, так и восстановление, и жизнь соответствовали красному и другим красивым цветам, потому, он сравнил свою подготовку с работой по спасению человека (и «земной» камень с «небесным» камнем), а именно, с рождением, жизнью, страданием, смертью и воскрешением Христа. (Hohler, *Herm. Phil.*, стр. 156.) Создание из Философского камня, если можно так выразиться, это Имитация Христа.

Хичкок (Н. А., р. 143), полагает, что Ириной Лионский явно имел в виду в своих писаниях эти два вида умственной деятельности — анализ и синтез, что приводят к тому же результату. «Чтобы найти единство посредством Солнца, я возьму его и буду использовать интеллект для Идеи Единства, анализируя отдельные части; тогда, как изучение посредством Меркурия, используемое для природы в целом, должно совершаться искусственно, и объединяя части, достигнуть идеи единства». Оба подхода приводят к одному и тому же, беря начало в противоположных крайностях; для анализа любой вещи ее необходимо разделить на части, в то время как части, искусственно соединенные, должны воспроизвести единство. Об одном из этих двух путей, обозначенных Иринеем, говорят как о Геркулесовом труде, который, как я полагаю, состоит во втором, реконструкции единства перекомбинацией частей, что относительно природы, несомненно, является справедливым. Более обнадеживающий метод — это медитация и т. д.

Некоторые авторы советуют нам поместить «одно из тел в перерогонный куб», то есть заключить душу в мысль или изучать, применять огонь (интеллекта) к ней, до тех пор, пока она не «перейдет» в дух. Затем, «отложив ее до момента необходимости, поместить в него «другое тело», которое должно подвергнуться подобному испытанию, пока оно так же не «перейдет»; после их, по существу являющихся одним и тем же, можно объединить.

Два метода, о которых говорит Ириней, в алхимии также называют (в отношении химических процедур) влажным и сухим путями. Влажный путь — тот, что приводит к единству посредством умственной работы. Философия индийской дидактической поэзии Бхагавад-Гиты также знает эти два пути и называет их «Самхия» и «Йога».

«Знание и йога деяний различны», так говорят невежды, но не ученые мужи;

Кто утвердился в одном, тот обретает плоды обоих.

Состояние, достигаемое людьми знания, также достигается йогами, посвятившими действия Богу...

Посредством размышления и через преданность та же самая точка достигнута,

Кто видит, что путь познания и йоги деяния — одно, тот воистину видит.

[Бхагават Гита, Глава 5, стих 4 и далее].

«Самхия» и «Йога» позже были разработаны в целые философские системы. Первоначально, однако, они — просто «различные методы достижения того же самого результата, а именно, достижения Атмана [всего духа], который, с одной стороны, распространяется как целая бесконечная вселенная и с другой, должен быть полностью и всецело найден во внутренней жизни. В первом случае Атман может быть найден в размышлении о многогранных явлениях вселенной и их существенном единстве, и это размышление называют Самхия [от sam + khyā — отражение, размышление]; с другой стороны, Атман достижим отстранением от внешнего мира и концентрацией на собственном внутреннем мире, и эту концентрацию называют Йогой. (Deussen, Allg. Gesch. d. Phil., I, 3, p. 15.)

Для практики алхимии требуется нравственное поведение, которое едва необходимо как предварительное условие простой химической работы. Изучающий искусства должен освободить свою натуру, согласно указаниям мастеров от всех дурных привычек, особенно, отказаться

от гордости; он должен старательно посвящать себя молитве, проявлять любовь, и т. д.; никто не должен направлять его чувства к такому исследованию, если он ранее не очистил сердце, не отказался от любви к мирским вещам, и не оказался полностью под влиянием Бога. (Hohler, Herm. Phil., стр. 62 и далее).

«Кашевары», стремившиеся добыть золото в химической лаборатории, часто впустую тратили на это все свое состояние. Адепты, однако, уверяют нас, что даже бедный человек может получить камень; многие даже говорят, что бедные обладают более совершенной materia, чем богатые. Послание к Римлянам 2:11: «Ибо нет лицепрятия у Бога». Св. Евангелие от Матфея 19:24: «и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие». Алхимик Кунрат где-то говорит, что стоимость создания золота составляет тридцать долларов; мы понимаем это, когда вспоминаем, что Иисус был продан за тридцать серебрянников.

Руланд (Lex., стр. 26), определяет алхимию очень точно: [Касательно Изумрудной Скрижали, 9] «Алхимия — отделение нечистого от чистого вещества». Это вполне справедливо для препарата духовной алхимии.

Почему герметичные философы изъясняются не буквально, но фигурально, можно объяснить несколькими причинами. Мы должны, прежде всего, помнить, что из-за своей свободной доктрины, которая, в действительности не находилась в противоречии с истинным Христианством, но лишь с ограниченной церковью, они должны были бояться преследования последней, и по этой причине скрывали свое учение. Хичкок замечает также следующий момент. Алхимики часто объявляют, что знание их тайны опасно (для большинства людей). Кажется, они считали, что время было не готово для религии, которая базировалась более на идеалистических требованиях, на нравственной свободе, нежели, чем на страхе перед огнем ада, ожидании награды и на внешне видимых знаках и символах. Кроме того, мы увидим позже, что понятный язык находится в самой природе вещей, и его невозможно преподать в процессе обучения.

Тем не менее, мистическая цель авторов тех времен, когда предупредительные меры не были необходимы, кажется более ясной под алхимическим покровом, хотя нельзя сформулировать какое-либо общее правило. Так же влияли и другие причины, например, интеллектуальные и традиционные, и так сохранилась символика.

Мистически прозрачны письма многих герметических адептов, проникнутых духовной доктриной Якоба Бёме. Этот теософ в полной использует алхимическую символику так, что мы находим ее всюду,

где открываем его письма. Я даже не буду начинать цитировать его, но лишь привлеку внимание читателя к его резюме и красивому вдумчивому описанию мистического процесса нравственного совершенствования, которое обозначено как «Processus» в конце 5-ой главы его книги, «De Signatura Rerum». (Ausg., Gichtel Col., 2218 f.)

Анонимный автор, который поглотил большую часть «Philosophicus Teutonicus», написал книгу, «Amor Proximi», восторженно оцененную любителями высокого искусства. Не требуется особой пронизательности, чтобы признать эту религиозную инструкцию, одетую в алхимические одежды, мистической работой. То же самое справедливо для прежде известной «Wasserstein der Weisen» (1-е издание появилось 1619 г.) и других подобных книг. Вот некоторые красноречивые фрагменты из «Amor Proximi»:

«Эта ∇ [∇ жизни] является теперь творением, не инородным или внешним, но самым близким из всех, хотя скрытым... Смотрите, Христос не снаружи нас, но глубоко в внутри нас, хотя скрыт». (стр. 32)

«Кто бы ни решил познать всякое явление, он должен сделать это фундаментально; тот человек должен макрокосмически и магически раскрыть образ Божий, Царство Божие в себе; он должен заключить истинное знание в себе». (стр. 29.)

«Христос — великое Всеобщее; [Великое Мастерство алхимии также называют «универсальным»; оно окрашивает металлы в золото и излечивает все болезни (универсальный препарат); есть несколько более ограниченные препараты, окрашивающие только особые металлы и излечивающие только конкретные болезни]., он говорит: «Кто бы ни последовал за мной и не стал моим учеником (то есть, частью или членом моего тела), он возьмет свой укус и пойдет за мной. Таким образом всякий видит, что любой желающий быть членом великого всеобщего, должен принять участие согласно мере его страдания и развития как маленькая частица». (Стр. 168 и последующие)

«Парацельс, Монарх Аркана, говорит, что звезды так же как свет изящества, нигде не светят более охотно, чем в посте, чистом, и свободном сердце. Поскольку справедливо, что крупный песок и пепел не могут быть освещены солнцем, таким образом, СОЛНЦЕ справедливости не может осветить старого Адама. Тогда, песок и пепел [старый Адам] растворяется в $\triangle$ [$\dagger$] снова и снова, пока не станет чистым стеклом [новорожденным человеком]; таким образом, $\odot$ сможет легко пропустить свои лучи и через него, осветить его и извлечь чудо его мудрости. Таким образом, человек должен быть преобразован в $\dagger$ и $\triangle$ [двойной огонь] так, чтобы

языки пламени обеих огней могли проникнуть сквозь него; иначе никто не станет мудрецом». (стр. 96 и следующие)

Красивые алхимические описания, открыто демонстрирующие мистическое содержание, обнаруживаются также у английского теософа Пордажа и его последователей, в особенности у Жана Лида (оба творили в 17 столетии). Их язык более понятен и более ясен, чем язык Якоба Бёме. Много отрывков, соответствующих этой теме, можно было бы здесь процитировать; но поскольку я позже буду говорить о Лиде более подробно, я процитирую только один отрывок из сочинения Пордажа (Sophia, стр. 23):

«Поскольку и для того, чтобы достигнуть фундаментальной и полной очистки от всех сорняков и приземленности... Я полностью предал свои желания пламенной печи [мудрости] для очищения огнем, пока все мои тщетные и подобные мякине желания и сорняки земной жажды не были сожжены огнем, и все мое железо, олово и шлак были полностью расплавлены в этой печи, так, чтобы я возродился в духе как чистое золото и мог видеть новые небеса и новую землю, созданную и сформированную внутри меня».

Из всего этого материала, в совокупности со следующей главой, станет очевидно, и вне всякого сомнения, что наша Притча должна также интерпретироваться как мистическое вступление.

Глава 4

РОЗЕНКРЕЙЦЕРСТВО И МАСОНСТВО

Предыдущая глава доказала существование высокой алхимии, и кроме того, рассматривала ее как истинную алхимию, имеющее такое же отношение к практической химии, что и масонство к каменной кладке. Видный химик, вошедший в историю химии и масонства, однажды написал мне: «Желающий изготовить химический препарат согласно герметичному рецепту, представляется мне человеком, намеревающимся построить дом сообразно масонскому ритуалу».

Данное уподобление не случайно. И внешние и внутренние отношения между алхимией и масонством заслуживают внимания. Они частично связаны между собой доктриной розенкрейцеров. Даже Парабола, которая остается центром нашего исследования, относится к розенкрейцеровской литературе (и, по-видимому, более поздней). Потому нам стоит исследовать, кем же в действительности были Розенкрейцеры. Разумеется, мы не можем погрузиться в глубокое обсуждение этого необычайно сложного вопроса. Мы рассмотрим только важное для цели нашего исследования. Не оставаясь беспристрастным, я все же рассмотрю обе диаметрально противоположные точки зрения на вопрос истории розенкрейцеровства. К счастью, это разногласие не так значительно в отношении нашего исследования, потому мы избавлены от трудной задачи сделать какое-либо определенное заключение и предоставить его историческое обоснование, чего еще в полной мере не достиг ни один специалист.

В истории розенкрейцеровства выделяется три периода: старый, связанный с двумя главными сочинениями, «Fama» и «Confessio», он отмечается периодом в начале 17-го столетия; средний, который представляет собой вырождение первоначального идеалистического братства, и, наконец, общества золотого креста и розового креста, которые на какое-то время в течение 18-ого столетия обрели большое влияние. Последние Розенкрейцеры ворвались в масонство во второй половине восемнадцатого столетия образом, почти катастрофическим для континентального масонства. Я полагаю, что такая розенкрейцеровская экспансия

напрямую не касается вопроса истинной взаимосвязи масонства и розенкрейцерства. Мы должны уметь отличать наслоения от первоначальной идеи. Розенкрейцерство прекратило свое существование в начале 19-го столетия. Степени Розенкрейцеров, которые все еще существуют во многих масонских системах (Рыцарь Красного Креста, и т.д.) – лишь исторические реликвии. Те, кто нынче именуют себя Розенкрейцерами, являются самозванцами или обманщиками, или обществами, которые используют название «розенкрейцеры» в качестве этикетки.

Многие серьезные ученые сомневаются, что старые Розенкрейцеры когда-либо существовали как организованное братство. Я сошлюсь на статью «Розенкрейцеры» в «Handbuch der Freimaurerei», где доминирует это скептическое представление. Другие авторы, напротив, верят в существование старого ордена и полагают, что масоны, которые появились в их нынешней форме в 1717 г., являются изменившими свое название розенкрейцерами. Дж. Г. Бюлле, современник Николая, уже предположил, что Розенкрейцер Михаэль Майер внедрил Розенкрейцерство в Англию, и что масонство своим зарождением обязано вкладу англичанина Роберта Фладда (1574–1637). Фердинанд Катч горячо отстаивал идею существования старого братства Розенкрейцеров, приводя аргументы, некоторые из которых спорны. Он уверенно называет многих людей «истинными розенкрейцерами» и среди них упоминает Джулианоса де Камписа, Михаэля Майера, Роберта Фладда, Фризиуса и Коменского (Katch, p. 33). Розенкрейцерство трансформировалось в масонство из практической необходимости. Поскольку наиболее заметные самозванцы представлялись розенкрейцерами, это название было изменено. Таким образом справедливость была восстановлена, и истинные розенкрейцеры отделились, сменив покров.

Нам происхождение масонства представляется иначе. Мы находим его начало в оперативном масонстве, существование лож которого прослеживается вплоть до четырнадцатого столетия. К старым объединениям каменщиков строителей присоединялись люди, которые фактически не были рабочими, не имели отношения к этому мастерству, но через которых в ложи проникло духовное влияние. В начале восемнадцатого столетия старое оперативное масонство было преобразовано в духовное символическое масонство, продолжающее пользоваться прежними формами. Тогда в Лондоне количество строительных лож сократилось до четырех. Они были объединены 24 июня (День Св. Иоанна) 1717 г., а Энтони Сейер был выбран великим мастером. Таково происхождение Масонства, существующего по настоящее время.

Это версия происхождения масонства многих не удовлетворит, однако имеет под собой хотя бы какие-то документальные подтверждения. Попытка ее развить потребовала бы изобретательной фантазии, что не всегда ведет к положительным результатам. Не стоит отбрасывать и розенкрейцерскую теорию, особенно если мы будем рассматривать ее в несколько более широком смысле. Вслед за Катчем, Холер (Herm. Phil., p. 6) вспомнил, как вообще в 16-м и 17-м столетиях во всей Западной Европе люди занимались каббалой, теософией, магией (физикой), астрологией и алхимией. Были задействованы все социальные слои, ученые и непрофессионалы, священнослужители и миряне. «Все богословие включало каббалу. Медицина была основана на теософии и алхимии, и последняя, как предполагалось, произошла из теософии и астрологии». Hohler, в одном отношении, идет далее, чем Катч и предполагает: «У масонства были корни в химических обществах 16-го и 17-го столетий, в которых зародились все теории, составившие науку тех дней». Эта теория несравнимо более открыта для обсуждения, чем попытка ограничить происхождение масонства, как основанного на розенкрейцерстве.

Нам следует более полно понять значение алхимических обществ.

В связи с вопросом, важным для нас, относительно алхимии Розенкрейцеров (существовали они только в книгах или как фактическое братство), имеет смысл обратиться к литературе.

Иоахим Фризиус, которого некоторые полагают идентичным Фладду, пишет в «Summum Bonum, quod est verum Magiae, Cabalae, Alchymiae, verae Fratrum Roseae Crucis verorum subjectum» (труд, впервые изданный во Франкфурте в 1629 г.):

«Aben» означает камень. Этот каббалистический камень символизирует Отца, Сына и Святого Духа... поскольку на иврите «Ab» означает «Отец», и «Ben» — «Сын». Но где есть Отец и Сын, должен присутствовать и Святой Дух... Давайте теперь рассмотрим этот Камень как основу макрокосма... Патриарх Якоб сказал: «Насколько ужасно это место. Это ни что иное, но Дом Божий», и встал, и взял камень, что хранил под своей подушкой и вылил масло на его вершину и сказал: «Сей камень, что я устанавливаю как столб, должен быть Домом Божьим». Если это Божий Дом, то Бог находится в нем или, иначе говоря, в земном веществе. Поскольку патриарх спал на этом камне, он сохранил нечто божественное и удивительное силой того наполненного духом камня, который в его вещественности подобен отношению тела к душе. Но духовным камнем был Христос;

но Христос — вечная мудрость, в которой, как говорит священное писание, сокрыто множество дворцов, что несомненно различаются по степени изящества и блаженства. Поскольку счастье следует за мудростью или знанием, то, чем больше мы знаем, тем ближе подступаем к Божественности». (Summ. Bon., стр 17 и следующие)

«Вслед за тем становится очевидно, кем этот макрокосмический Камень Абен... в действительности является, и что его пламенный дух — основополагающий камень всего и дан всему (*sit lapis seu petra catholica atque universalis*) ... он был заложен на Сионе как истинная основа, на которой пророки и апостолы строили свои здания, но для невежественных и злых строителей он был также камнем преткновения и яблоком раздора. Потому камень — Христос, ставший нашим Краеугольным камнем». (Summ. Bon., p. 19.), «Если мы рассмотрим теперь значение камня Абен для микрокосмоса..., то скоро убедимся, что так как камень — Храм Божий, его значение столь же велико для всякого человека, поскольку Святой Дух всегда пребывает внутри него». (Summ. Bon., p. 20.)

«По той же причине камень, Абен проявляет себя в двоякой форме (*quod ambae petrae*), макрокосмической и микрокосмической... Поскольку духовный камень — наполняющий все Христос, мы — части духовного камня и такие же живые камни, отделенные от того всеобщего камня (*a petra ilia catholica excisi*)». (Summ. Bon., p. 20.)

Здесь мы снова встречаем алхимическое различие между всеобщим и частным, и подобное различие также выражено противопоставлением небесного камня и земного. Вторая глава Первого послания Петра повествует о живом камне. 1-е послание Коринфянам 10:4 говорит аналогичным образом: «И все пили одно и то же духовное питье: ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос». Выражаясь алхимически, речь идет об *aurum potabile* (питьевое золото).

«Но», теперь вы спросите, «где же тогда все золото, которым алхимики [Fama] так знамениты?» И мы ответим вам так: «Наше золото действительно ни в коем случае не представляет собой обычное золото, оно — живое золото, золото Бога... Мудрость, о которой говорится в Псалтыре 11:7: «Слова Господни — слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное». Если теперь вы желаете... поместить перед собой истинный и подлинный животный камень, то тогда ищите краеугольный камень, который является средством всех изменений и преобразования в вас самих». (Summ. Bon., pp. 34 ff.)

«В конце концов брат завершает свои труды, руководя строителями (denique sub architecti figura operatur frater ad hums opens perfectionem) ... Чтобы воздвигнуть наше здание наилучшим образом, и так достигнуть красного как роза цветка нашего креста, скрытого в центре нашего строительства..., мы не должны работать неаккуратно, но должны копать вглубь к центру земли, стучать и искать». (Summ. Bon., p. 48; Trans. Katsch, pp. 413 ff.) Сразу после этого он говорит о трех измерениях: о высоте, глубине и широте. Массонская символика в «Summum Bonum» достаточно явно сопровождается алхимической. Заметьте — «стучать и искать». Затем следует скучное обсуждение геометрического куба. Фризиус и Фладд также приводят письмо, которое, как предполагается, было послано Розенкрейцерами немецкому соискателю. В нем говорится: «Вы и есть и камень, что желаете обрести, и та работа... очистите себя слезами, возвысьте себя манерами и достоинствами, украсьте и окрасьте себя со священным изяществом, возвысьте свою душу к глубокому размышлению о небесном и подчините себя ангельским духам так, чтобы Вы могли оживить разлагающееся тело, свой мерзкий прах, и обелить их, и невинно и безболезненно восстановиться через J [esus] C [hrist] O [ur] L [ord]⁶». В другом отрывке говорится: «Будучи таким образом преобразованными, вы превращаетесь из смертных в живых философских камней».

В «Clavis Philosophiae et Alchymiae Fluddanae» (изданной на латыни в 1633 г.), встречаются отрывки, наподобие следующего: «В действительности всякий искренний и справедливый человек — духовный алхимик... Мы имеем в виду человека, который не только различает, но и способен огнем божественного духа отделять [спаргическое искусство] истинное от ложного, благое от злого, свет от тьмы, нечистоту зла от чистоты духа, излучаемого Богом. Только таким образом неочищенный свинец превращается в золото». (P. 75.), «Если теперь кто-то отважится утверждать, что обитель Слова Христова или Святой Дух мудрости находится на микрокосмических небесах [то есть в душе человека], мы не должны порицать слепых детей мира как безбожников и падших. [Но, разумеется, божественный дух, как это позже будет утверждаться, является прямоугольным камнем в нас, на котором нам надлежит возводить свой дом]. Эта божественная искра, однако, непрерывна и вечна; это — наше золото, обретаемое Христом... Как и учил Христос, Слово становится плотью, и если истинные алхимики продолжают искать и стучать, они достигают

---

⁶ Прим. пер. = Иисус Христос – наш Господь.

познания живого огня». (Р. 81.) Потому важный символ Массонства «стучать и искать» подразумевает цель познания огня.

Касательно возвышенных размышлений в «Summum Bonum» Катч восклицает, вдохновленный этими идеями: «Какой язык, какая неустранимая храбрость, какое достойное смирение. Даже скептик будет вынужден принять то, что он неожиданно найдет здесь... он встретит истинную и идеальную форму масонства».

Сопоставление масонства и алхимии остается верным, даже если мы осуществляем его более взыскательно, чем Катч, которого обвиняют во многих неточностях. Мне вспоминаются, например, более поздние исследования скрупулезного и проницательного Людвиг Келлера.

Чтобы осветить прошлое масонства, Келлер демонстрирует нам (B. W. and Z., pp. i, 2) богатый материал, касаемо символики, почерпнутый в обильной литературе, печатных материалах, и особенно в рукописях, которые известны под названиями «Химия» или «Алхимия».

В символах алхимиков, розенкрейцеров, масонских лож и т. д., «мы встречаем язык, получивший признание среди всех западных народов в аналогичной форме. Он не является языком письма или слова, но языком символа или языком символа развитой формы, который встречается даже в пещерный горных храмах, когда-то названных каменоломнями и лоджиями. Всякое изображение или символ сообщает что-то человеку, который понимает этот язык. Человеку, который не понимает его, они ничего не говорят и ожидается, что ничего не скажут.

Относительно языка образов и символов, который был доступен только посвященным, естественно мы не думаем о древних мистериях. Религиозные общества самых древних христиан в те столетия, когда Христианство в Римской империи относили к запрещенным культам, нашли возможность легального существования в форме имеющих разрешение обществ, то есть, в виде гильдий, погребальных организаций и сообществ различных видов. Примитивные христиане не были единственными запрещенными сектами, которые искали и нашли такой выход. Под маской школ, профессиональных объединений, литературных обществ и академий под юрисдикцией Римской империи, и позже, мировой церкви, существовали организации, что перед законом являлись светскими обществами, но для посвященных — объединениями религиозного характера. Внутри таких сообществ очень быстро и качественно была разработана система символов, принятых с целью необходимости сокрытия и поддержания союза в связи с внешними обстоятельствами. Символы, выбранные в качестве покровов, объяснялись и интерпретировались согласно учению культа в кругу посвященных.

Ценные памятники этой символики сохранились в многочисленных горных храмах, которые были найдены в Египте, Сирии, Малой Азии, Сицилии и на полуострове Апеннин, в Греции, Франции, и на Рейне. Эти пещеры, что отчасти также служили первым христианам в качестве храмов, своими изображениями, надписями и архитектурной форме демонстрируют настолько близкое подобие, что его следует признать специфичным для крупного религиозного культа, простирающегося по многим землям, имевшего устойчивые традиции использования таких символов и формирования структур.

Следует также отметить, что многие из этих символов заимствованы из символов и орудий строительных организаций, что были задействованы в сооружении их зданий (Keller, 1. с., р. 4). Священные числа и соответствующие им символы играли важную роль в ранней христианской символике. Речь идет о группе образовательных символов, которые мы также находим в Пифагорейских и платонических школах. Известно, что символический язык пещерных горных храмов, некоторые из которых использовались первыми христианами, тесно связан с пифагорейскими и платоническими доктринами. С 325 года всякое отхождение от верований государственной церкви считалось государственным преступлением. Потому, те христиане, что сохранили связь с древними философскими школами, преследовались. Священные числа начали естественным образом исчезать из религиозного символического языка церкви с того времени. Сочинения Августина положили начало войне с символическим языком, использование которого он объявил особенностью гностиков. Несмотря на подавление, учение о священных числах продолжало существовать и использоваться в течение всех столетий тихими, но мощными религиозными течениями, образовавшимися вокруг государственной церкви. Названия сект, введенные полемическим богословием с целью характеристики методов, расцениваемых как имитации гностиков, весьма различны; достаточно вспомнить, что для всех тех духовных течений, таких как древний германский мистицизм, более ранний гуманизм, так называемая естественная философия, и т.д., характерно сильное влияние платонических взглядов. Доктрина священных чисел возвращается вновь и вновь в той или иной замаскированной, но легко распознаваемой форме. (Keller, Heil. Zahl., р. 2.)

Поскольку алхимическое неиероглифическое письмо включает древнюю числовую символику, я останавлиюсь, чтобы рассмотреть ее. Использование математических и геометрических символов происходит из использования самых простых форм, точек и линий, но во всех случаях,

где объект представляется не плоским, но объемным, точки и линии заменяются пластическими формами, то есть, формами цилиндров, сфер, брусков, колец, кубов, и т.д. Таким образом, до использования деревьев, листьев, цветов, орудий и других вещей, демонстрирующих общие черты формы, остается лишь шаг. Колонны особенно характерны для церемониального зала. Во всех случаях, где точки и линии встречаются в изображениях и рисунках, колонны являют пластическое представление мыслей и символов. Они формируют главный элемент организации культов в академиях и музеях, и оправдывают свои названия — колоннада, портика, стола и лоджия, которые встречаются повсеместно;

Поскольку круг символизировал все, вечное или небесное единство всего и божественное, число один, единственная линия, посох или скипетр, представляло образ земной силы, правящие, руководствующие, поддерживающие и защищающие силы индивидуальности, что достигла свободы на земле. Солнце или символ золота ☉ соответствуют в алхимии божественному кругу, и тот же самый круг встречается в других символах искусства ♀, ♀, и т. д.

Дуальность, Диас, в отличие от небесного бытия, представляет разделенное земное бытие, находящееся во власти антагонизма явлений, переходящее, несовершенное существование; противоположности, жидкое и твердое, сера и ртуть, сухое и мокрое и т. д.

В символе троицы, который часто встречается в форме треугольника (три точки, объединенные тремя прямыми линиями), показывается, как разделенная и чувственная природа более высокой силой числа 3 ведет к гармонии сил и новому единству. Очевидна символика разума, господствующего над материей. Представление троицы возможно посредством обычного креста. Мы видим, как две линии своим объединением или пересечением создают третью точку. В более широком смысле крест подразумевает объединение пяти — то есть 4 алхимических элемента, точка пересечения которых означает эфир. Крест, в котором расколотые единства становятся дуальностью так, что образуется троица, является буквой «Y», которую называют разветвленным крестом. Из единства проистекает дуальность, то есть, природа делится на дух и материю, на активное и пассивное, ограниченность и свободу. Разделенное возвращается через троицу к единству. В алхимии есть символ РЕБИС, гермафродит с двумя головами. Позже, с целью сокрытия или акцентирования более древней интерпретации, этот символ стала представлять буква «Y», как символ трех линий (△), наряду с буквой «A», что часто встречается в пещерах. Келлер ссылается (1. с., р. 14) и подчеркивает удвоенный плотничный

угольник, что часто встречается в древних Latomies (гр.= карьеры) и выглядит как два пересекающихся открытых круга. Я не думаю, что у меня есть особая необходимость привлекать внимание к масонскому аналогу; в алхимии мы встречаем более глубокое объединение $\triangle$ и ∇ то есть $\star$, что среди прочих значений символизирует вещество камня. [$\triangle$ и ∇ — символы элементов огня и воды. Огонь и вода означают также две известные противоположности, которые вполне символизируются теплым и холодным, красным и белым, душой и телом, солнцем и луной, мужчиной и женщиной]. Относительно шести точек, в алхимии $\star$ также называется хаосом в отличие от символа космоса, так же, как и символ $\circ$ из-за нехватки центра (Бог, вера, единство), неполон по отношению к $\odot$. В пещерах также обнаружен треугольник в многократных комбинациях $\star$.

Четыре линии в форме прямоугольника, определяют ограниченное пространство земного мира со значением границы, дома, храма. В масонстве $\square$ известен как дом. Прямоугольник связан с кубом. Потому я упомяну здесь кубический камень, могущественный масонский символ, чей эквивалент в алхимии еще будет обсуждаться.

Число 5 обычно символизируется 5-листными растениями (роза, лилия, лоза). «Цветы и сад, в котором они растут, с давних пор служили символами Обители блаженных или «лучшей страны», в которой живут души, через смерть обретшие жизнь. В противоположность земному рукотворному храму, который представляет прямоугольник $\square$, святое число 5 обозначает небесную обитель душ, достигших совершенства, и потому представляет одновременно и Дом Вечности или Город Бога, и Небесный Иерусалим. Святая пентаграмма в форме розы, не только в древнем, но и в раннем христианском мире, украшала могилы мертвых, символизируя сады блаженных. И значение, что академии и общества, предписывали пентаграмме, помещенной в розу, объясняет тот факт, что их религиозные торжества были тесно связаны с этой эмблемой. Уже в древнем мире на фестивале Св. Иоанна, праздника роз или Розалия участники украшали себя розами и устраивали религиозные пиршества».

(Keller, 1. c., p. 21.)

Как уже было сказано, крест, то есть, греческий ворон с его четырьмя равными лапами, символизирует число пять. Интересно, что уже в древней числовой символике роза и крест объединяются. Я упоминаю об этом здесь ввиду более поздней связи этих двух объектов.

Полукруг или луна — символ отраженного света. Помимо кругов или сфер, символы эонов (божественные существа, силы), которые возведены

на престол в эфире как вечные существа, человеческая душа, психика или анима, которая не тождественна разуму или очищенной душе, появляется в виде сломанного круга. Поскольку солнце и его символ, бесконечный круг, символизируют вечный свет, половина круга является символом той искры света, что дремлет в душе человека, или, как часто говорят алхимики — скрытым огнем, что должно пробудить. Если учесть, что в данном случае символика креста выражает проникновение, алхимический символ ☿ становится понятен. Теперь довольно интересно, что подобное соединение встречается в пещерных храмах в таком виде ☉ (1. с., р. 27). Келлер называет его символом всего и душой человека.

Число 7 (семь планет, и т.д.) также встречается в древних пещерах. Помимо того, что солнца и луна обычно встречаются в человеческих образах, солнце несет на своей голове корону, гирлянду или сияющую звезду, в то время как для изображения луны характерно присутствие символа ☾. Алхимии также свойственно представлять ☉ и ☾ в человеческих образах как коронованных особ, и иногда как королевскую свадебную пару.

Древние знания священных чисел вдыхают дух, который можно описать следующими словами: душа человека, что покорностью или смирением, как говорили раньше, пробуждается и, очищаясь, сливается с Вечным, тем самым обретая более высокую форму жизни, неподвластную смерти. Доктрина бесконечной ценности души... и вхождения Бога в чистую душу человека формирует основную мысль религиозного сообщества. Эта религия, исполненная мудрости и достоинства, была лишена корысти — в ней не практиковались жертвоприношения, не использовались идеи преподнесения духовенства как средства спасения, а вера в демонов, как средство контроля над массами, в отличие от государственной религии. 1. с., р. 33.)

Помимо раннего христианского культа, что признавал и поощрял связь между учением Христа и древней мудростью учения Платона, в прежние времена существовал другой идеал, подчеркивающий и развивающий противопоставление больше, чем связь. Со времени, когда новая христианская государственная церковь вернулась к жизни, были возобновлены практика жертвоприношений и вера в демонов и духовенство, между церковью и так называемыми философскими школами началась жестокая борьба за жизнь. «Братство понимало, что пришло время скрывать свое лицо еще сильнее, чем прежде. „Дом Вечного“, „Базилика“, „Академия“ и „Музей“ стали мастерскими резчиков по камню, каменоломнями, или невинными объединениями, союзами и разнообразными

организациями. Но более поздние крупные религиозные движения и течения, поддержавшие старые верования, появлялись ли они под названиями мистицизма, алхимии, натурфилософии, гуманизма или специальными названиями под маской мастерских или обществ, сохранили доктрину „священных чисел“ и символики числа в достаточно неизменном виде. Они нашли ключи мудрости и знания в должным образом понятой доктрине вечной гармонии сфер». (Keller, 1. с., р. 38.)

Келлер прослеживает происхождение современного масонства из академий Эпохи Ренессанса, во времена которой, как мы только что узнали, дух древних академий продолжал свое существование. Теперь интересно, что более поздние ветви этих религиозных обществ (после Ренессанса) приняли среди других форму алхимических обществ, и в дальнейшем такие братства или общества [включая те, что не носили названия «алхимические»], все еще использовали символы, которые мы считаем алхимическими. Иероглифическое письмо алхимии, кажется, странным образом соответствует религиозным и философским идеям, которые будут рассматриваться. Розенкрейцерство представляло собой одну из форм, в которые была организована алхимия. Важно отметить, что для тех обществ начала семнадцатого столетия, которое посторонние называли «алхимиками» или «розенкрейцерами», характерны эмблемы древних братств, например, круг, кубический камень, человек, повернутый вправо, сфера, продолговатый прямоугольник (символ масонской ложи), и т.д. (Keller, Zur Gesch. d. Bauh., р. 17.) Эти «алхимики» почитали Св. Иоанна также, как и общества пятнадцатого столетия. Я могу не напоминать, что современное масонство в своей самой важной форме носит имя «Масоны Св. Иоанна».

С начала 17-го столетия братство предприняло попытки найти подходящее названия для обществ, схожих по духу, чтобы сделать его более узнаваемым и создать связь между рассеянными объединениями. Лидеры понимали и иногда говорили, о том, что подходящее название будет полезно для общих интересов. Данную точку зрения мы встречаем в сочинениях Коменского. Нерешенным оставался вопрос о том, какая страна должна занять место во главе большого начинания (Keller, in the M. N. der C. G., 1895, р. 156.). «В годы, когда в Германии братья добились поддержки влиятельных принцев, и движение получило большой стимул, немалые усилия были приложены для создания более многочисленных союзов и названия объединения. Основание Общества Пальмовой Ветви [1617 г]. было результатом более ранних усилий и сочинений Андреаса сомнительного происхождения, и цели розенкрейцеров связаны с

другой потребностью. Битва на Белой Горе и печальные последствия в дальнейшем погубили обе на корню». (Z. Gesch, d. Bauh., p. 20.) Однако, обратите внимание, что название «Братства красного креста» связано с символами, которые уже использовались в обществах. В этом отношении неверным будет утверждение, что его правильно называть «Bruderschaft des Rosenkreutz», а не «des Rosenkreutzes», как «Handbuch d. Freimaurerei», p. 259 это утверждает. Христиан Розенкрейц в действительности является собирательным легендарный персонажем как носитель определенной символики (Христос, роза, крест), (и, возможно, был придуман просто в шутку). Название не происходит от индивидуальности основателя, но индивидуальность основателя происходит из названия. Символы и выражения, лежащие в основе, имеют более древнее происхождение.

Упомянутая попытка найти единое название долго не завершилась успехом. Выдумщиков и «еретиков» порицали и как «Розенкрейцеров», и как «алхимиков», считая их врагами и преследуя. Не важно, существовало ли организованное братство Розенкрейцеров; было достаточно быть известным как розенкрейцер. (Keller, Z. Gesch. d. B., p. 21.) Большая организация не могла занять свое место, пока могущественная европейская сила не предоставила свою защиту, то есть, в 1717 г., когда в Англии возникла новая английская система «Великая ложа вольных и принятых каменщиков». (Keller, D. Soc. d. Hum., p. 18.) Мы видим, что Келлер приходит другим и более правильным путем, чем Katsch к тем же самым выводам и демонстрирует взаимосвязь между алхимиков или розенкрейцерами и более поздними вольными каменщиками, хоть и не точно таким же образом, что Katsch обрисовал ее в общих черта. В особенности Келлер обходится без спорного заявления о существовании организованных Розенкрейцеров (помимо более позднего Общества золотого и розового креста). Он демонстрирует намного более важное, а именно — существование обществ, которые, возможно, носили имя Розенкрейцеров (или любое аналогичное имя).

Не следует опускать несколько интересных особенностей, касающихся того, что Лейбниц приблизительно в 1667 г., был секретарем общества алхимиков (так называемых Розенкрейцеров) в Нюрнберге. Лейбниц описывает алхимию как «введение в мистическое богословие» и отождествляет понятия «Arcana Naturae» и «Chymica». (M. H. der C. G., 1903, p. 149; 1909, p. 169 if.) В законах великого братства «Indissolubilis» (17-е и 18-е столетия) обнаруживаются символы трех стадий делания, алхимические символы соли (очищение, осветление), ртути (освещение), и серы (объединение, тинктурирование), использующиеся образом,

соответствующим стадиям осуществления «Большого Делания». М. Н. d. C. G., 1909, p. 173 ff. замечает, что вероятно, нам следует расценивать их лишь как случайность, если в известных герметичных химических письмах не находятся подобные знаки с дополнениями для экспертов, исключающие все сомнение относительно их смысла. В 1660 г. в Париже появилось очень знаменитое среди последователей искусства издание сочинения «Двенадцать Ключей Философии», которое якобы было написано неким Братом Василием Валентином. В начале этого издания мы встречаем примечательную иллюстрацию, чье отношение к Массонской символике бесспорно (Рисунок 1). В дополнение к самому символу соли, находящемуся внизу (представленному как кубический камень) есть существенная ссылка на землю и земное. [Я должен отметить, что помимо $\ominus$ в алхимии использовался $\square$ для обозначения соли, что содержит указание на земную природу соли. Согласно Платону, самые маленькие частицы земли — кубические. Соль и земля альтернативны в терминологии, так же, как ртуть ♀ и воздух $\triangle$, или вода ∇ ; как сера $\blacklozenge$ и огонь $\blacktriangle$; однако, только там, где контекст это приемлет]. Очищение объекта (человека) посредством Искусства, достигается процессом очистки земных элементов, согласно намекам алхимиков, которые называют начало работы «Vitriol» и формируют акростих из первых букв этого слова: «Visita Interiora Terrae, Rectificando Invenies Occultum Lapidem» [= Посещение нутра земли; очищением найдете скрытый камень]. Посередине мы видим ♀ , имеющий значение «союза» в братствах (как таковой, символ товарищества), слева и справа от него находятся луна и солнце или пылающая звезда. Выше помещен треугольник, заключающий Финикса, возносящегося из огня; и на треугольнике стоит коронованный Сатурн или Гермес (в масонстве Хирам). Слева и справа этой королевской фигуры, на груди и животе которой находятся символы планет, мы замечаем воду в форме капли (слезы) и огонь, который отражает разрушение и восстановление». Когда мы замечаем, что не только принципы старых «непрофессионалов искусства» перенимаются «королевским искусством» [масонство], но также и символика во всех деталях, мы признаем, что более поздние масонские общества — лишь современная форма обществ, отбросившая и обесценившая имена алхимиков, чтобы появиться в новом платье (1. с., p. 175). Следующие соображения (и не те только в этом разделе), удовлетворительно продемонстрируют, что констатация полного подобия символики не является лишь плодом фантазии. В следующих примерах наиболее ясно выделены курсивом слова, отражающие это.

Алхимия расценивалась ее последователями как королевское искусство. Древние источники отражают, что искусство создания золота в Египте раскрывалось лишь наследным принцам. Священники раскрывали магические науки лишь сыновьям королей. Герметики унаследовали свое искусство от королей и Гермеса, а патриархи алхимии представлялись королями.

Согласно молитве Кунрата («Амфитеатр вечной мудрости»), работа и настойчивость приводят к вечной мудрости восхождением по мистической лестнице из семи теософических ступеней. Совершенная мудрость заключается в знании Бога и его Сына, в понимании Священных Писаний, в знании себя и знании большого мира и его Сына, Магнезии философов или Философского камня. Мистические шаги заключаются в трех видах деятельности, что осуществляется в отношении пяти объектов: слышать (*audire*), упорно продолжать (*perseverare*) и знать (*nosse* и *scire*). Всего же мы можем выделить семь шагов. Только очищенный способен войти в храм мудрости, только достойным открываются тайны. Невежественные же останутся в стороне.

На пятой иллюстрации «Амфитеатра вечной мудрости» Кунрата изображены семь поддерживаемых колоннами цитаделей (*Prov. IX, 1*). У входа находится табличка, повествующая о *Opera bona* (= правильное делание). Позади сидит человек с посохом Меркурия. На каждой стороне расположена четырехгранная пирамида, на вершине левой — солнце, правой — луна. На верхней находится слово *Fides* (= вера), на нижней *Taciturnitas* (= тишина). Позади человека мы видим слово *Mysterion*, над внутренним входом, *Non omnibus* (= не для всех).

В алхимии часто упоминается два или три вида света. Под ними понимаются ☉ и ☽, ♁, ♀, ☾, свет добродетели и свет природы, и т.д. Сопоставление ☉, ☽ и ⚡ весьма любопытно; никто не может достигнуть желаемого завершения прежде, чем круглое колесо элементов, масло или кровь солнца, и роса луны не объединятся в одно тело, посредством искусства и природы в подобие гексаграммы; это может свершиться лишь согласно Высшей Воле, что одна лишь наполняет Святым духом и дарует бесценное сокровище по своей милости. Вышеупомянутое бесконечное колесо тождественно змее, кусающей свой собственный хвост; сила, что всегда использует и воспроизводит себя. Этому кругу, кажется, присутствует пылающая звезда; это — круглый глаз или буква «G», что по форме напоминает иероглифическое изображение змеи. Здесь не лишним будет сослаться на Книгу Бытия. Кроме того, гексаграмма представляет в кабалистическом смысле мускулинное и феминное, △ и ▽.

Согласно раввинской вере изображение мужчины и женщины, слившихся в объятии в форме гексаграммы было помещено в ковчег вместе со скрижалями, содержащими заповеди. В кабалистических письменах, например, принадлежащих Г. К. Агриппе, мы встречаем изображение человека, вписанного в звезду, образующее пентаграмму. Гениталии расположены точно в середине и часто подчеркиваются добавлением ♀ как являющиеся мужскими и женскими одновременно, или гермафродитными, самодостаточными с точки зрения воспроизводства. Одна из змей, формирующих египетские иероглифы, часто превращается в Арабский ج, то есть, gimel. Я не знаю, имеет ли этот факт здесь значение. Относительно вышеупомянутых отрывков, которые говорят о «Высшей Воли», я приведу диалог, который касается «G»; например:

- Это не означает ничто иное?
- Нечто, что больше, чем ты.
- Кто больше, чем я? и т. д.

Это — Gott, что по-английски называется God /=Бог/. Рассмотрите эту таинственную звезду, символ Духа... Изображение святого огня, и т.д.

Ребис представлен как герметический гермафродит. Уже упомянутое изображение с двумя головами (рисунок 2) найдено (как утверждает Hohler) в книге, что появилась во Франкфурте в 1618 г. под названием «Joannes Danielis Mylii Tractatus III, seu Basilica Philosophica», хотя его можно встретить и в других книгах по алхимии. Гермафродит стоит на драконе, который лежит на земном шаре. В правой руке он держит циркуль, а в левой квадрат. На земном шаре мы видим квадрат и треугольник. Изображение окружают знаки семи планет, Меркурий расположен наверху. На рисунке «Discursus Nobilis» John Munster мы видим солнце и луну, вверху посередине расположена звезда , также обозначенная Y (= вещество), окруженная лучами. (Hohler, Herm. Phil., p. 105.)

В каббале, что нашла отражение в идеях алхимиков и розенкрейцеров, символика двух или трех колонн не встречается.

Тубал-Каин был известен как великий алхимик. Он был умудренным опытом знатоком всех видов работы с медью и железом (Книга Бытия 5:22.). Он обладал познаниями не только касаемыми обычной химии и огня, что требовались от него, но также и более высокой алхимии, и скрытого элементного огня. После великого потопа не осталось более ни одного человека, владевшего искусством, кроме Ноя, которого иногда называют Hermogenes или Гермесом; он обладал знанием небесных и земных явлений.

Посвятивший себя искусству должен быть свободным человеком (Hohler, 1. с., р. 66). Нортон пишет об этом так: «Короли в былое время предписали, что либеральные науки могут изучать лишь свободные и благородные духом, а тот, кто предан им, должен жить свободно. Соответственно древние называли их семью либеральными искусствами, поскольку желающий полностью обучиться им, должен наслаждаться свободой».

Очень часто встречаются алхимические изображения смерти: могила, гроб, скелет, и т.д. Таким образом в «Atalanta Fugiens» Михаэля Майера на Эмблеме XLIV изображен король, лежащий в открытом гробу со своей короной. Справа стоит человек в тюрбане, а слева двое, открывающие гроб и позволяющие увидеть его радостное выражение лица. В «Practica» Василия Валентина иллюстрация к четвертому ключу демонстрирует гроб, на котором стоит скелет; иллюстрация восьмого ключа (см. Рис. 3) — могила, из которой поднимается человек с поднятыми руками. [Этими репродукциями и изображениями я обязан Людвигу Келлеру публикациям Общества Коменского]. Двое мужчин стреляют в известный знак ☉, представленный здесь как цель (символ, очень часто используемый древними обществами), в то время третий занимается сеянием. (Притча о сеятеле и семенах). Знак — хитроумная адаптация иероглифа серы и идентичен знаку третьей степени Grand Lodge Indissolubilis. ☾ на стене является также символом академии; половина круга, человек, озаренный светом и в случае использования в отношении группы людей — братство. Очевидна идея изображения сообщества как нерушимой стены. Ангел с трубой — ангел Судного Дня, который будит мертвых. Относительно птиц я обращаюсь к стихам Ев. От Матфея 13:4: «и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то». В тексте Василия Валентина в описании четвертого ключа, есть упоминание о гниении и распаде на части, с которым мы знакомы. Идея расчленения встречается весьма часто и более явно, чем в нашей притче. Еще в самых старых алхимических наставлениях первую операцию называют могилой Осириса. В одной из рукописей, процитированных Бертло (Orig., р. 60), говорится: «Дракон — хранитель храма, пожертвуйте им, снимите с него кожу, отделите его плоть от костей, и тогда найдете искомое». Дракона также называют Осирисом, с чьим сыном, Харпократом идентифицируют ловкого Гермеса. (Мы нуждаемся в ссылке на указания, касающиеся третьей стадии? J... отбросьте его кожу;... В... отбросьте его плоть...; М... В..., он живет в Сыне.)

Здесь более мы встречаем масонскую символику, объединенную с мифом о творении или прародителях более явно, чем где-либо. Независимо

от точки своего приложения, сила, его творящая никогда не противоречить своим законам. Так это касается и дерева, растущего из могилы или тела мертвого предка. («... в могилах наших отцов». «Я обвинялся в ужасном преступлении».) Акация, которая была задумана как знак, чтобы снова можно было найти место захоронения, совершенного в спешке.

Египетская притча повествует о двух братьях. Младший, Бата, был ложно обвинен своей невесткой (как Joseph женой Potiphar). Его брат Инвп (Аперу) преследовал его. Бог солнца ниспослал могущественное наводнение, что отделило преследователя от преследуемого. Бата кастрировал себя и бросил свой детородный орган в воду, где его проглотила рыба. Сердце Баты в этой истории превратилось в дерево акации или кедра. [Я естественно не делаю никакого акцента на появление акации здесь. Дело в том, что дерево — символ жизни]. Бата примирился с Инпвом, и на прощание преподнес ему пивную кружку, что должна сигнализировать о том, как обстоят дела у брата, когда тот далеко. Если пиво пенится, значит, он в опасности. У жены Баты было дерево акации, на котором цвело сердце Баты; его срубили и в результате Бата умер. Благодаря кружке Инпв узнает, что Бата в опасности и отправляется на поиски своего младшего брата. Инпв находит срубленную акацию и ягоду, что является сердцем его видоизменившегося брата. Бата приходит в себя и превращается в вола. Для его жены забили вола под предлогом желания съесть его печень. Две капли крови падают из перерезанного горла вола на землю и превращаются в два персиковых дерева. Для жены Баты срубили эти два персиковых дерева. Щепка залетела к ней в рот. Она проглотила ее и так забеременела от него. Она рождает ребенка и в нем перевоплощается Бата. Так он продолжает жизнь, будучи сыном и ребенком вдовы.

Вторая часть «Physica et Mystica» Псевдо Демокрита, которую цитирует Бертло (Orig., p. 151), говорит, что учитель умирает, не посвятив Демокрита в тайные знания. Демокрит вызывает его из загробного мира. Дух кричит: «Так, вот какова награда, за то, что я сделал для тебя!» На вопросы Демокрита он ответил: «Книги находятся в храме». Они не были найдены. Позже во время празднества разломалась колонна и в ней нашли книги учителя, содержащие три мистических аксиомы: «Природа наслаждается Природой; Природа одерживает победу над Природой; Природа управляет Природой».

Цитаты, что и говорит, лишь поверхностно демонстрируют взаимосвязь алхимии и масонства. Фактическая близость, стоящая за символикой, которую наше исследование герметического искусства уже отразило, будет рассматривать позже.

Мы могли также установить психологическую взаимосвязь в виде «этиологического предположения» согласно терминологии психоанализа. Это объяснило бы временный сплав алхимического розенкрейцерства с масонством. Розенкрейцерское безумие никогда не было бы столь сильным — я скажу — в масонстве, если бы не было к тому тенденций. Вероятно, в основе этого явления лежит некая эмоциональная причина, и как призрак розенкрейцерства, оно прокралось в масонство и, в действительности, само по себе несло опасность. Данное этиологическое предположение проявило себя в масонстве, но более сдержанным и полезным образом. Психологические элементы играли важную роль в масонстве, и если бы ими распоряжались ненадлежащим образом, то это принесло бы вред, как, в действительности и произошло, когда Общество золотого и розового креста примкнуло к масонству. Мне кажется слишком поверхностным понимание развития исходя лишь из внешнего объединения Розенкрейцерства и Масонской системы. Хотя данное наблюдение вполне справедливо, оно не касается сути вопроса, импульса, который только психология может раскрыть. Масонство, должно быть, чувствовало некоторую близость с Розенкрейцерством, было нечто общее в психических основах способа выражения (символика, ритуалы) обоих. Только способы выражения Розенкрейцерства — очевидно более далеко идущие или более опасные в том смысле, что они могли подталкивать слабые натуры к извращенной идее и ее практике.

Розенкрейцерство в своем лучшем проявлении тождественно высокой алхимии, и после представленного здесь материала с этим вряд ли можно поспорить. В дальнейших частях этой книги будет показан общий психологический элемент, и мы увидим более глубокую общность алхимии и масонства. Тогда и искомое «этиологическое предположение» станет нам очевидным. Но и сейчас уже многое ясно — в обоих случаях мы сталкиваемся со структурами, имеющими религиозный характер, даже при том, что время от времени используются названия, скрывающие данный факт. Я добавляю теперь замечание в духе психоанализа, а именно, — что объект религиозного культа обычно расценивается как символ либидо, психологическая богиня, что правит желаниями человечества и чей премьер-министр — Эрос. [Либидо — желание или тенденция к желанию, управляющее нашей импульсивной жизнью. На медицинском языке понятие «либидо» обычно используется в отношении сексуального желания, в психоанализе же оно было расширено (а именно, К. Г. Юнгом) и означает побуждающую силу психических явлений вообще. Потому понятию «либидо» в объективном описании скорее соответствует название «психическая энергией».

Что это может означать с учетом расширения значения, когда мы знаем возможности преобразования и сублимации этого явления, мы рассмотрим позже]. Если символ либидо, возведенный в некий культ, демонстрируется ищущему слишком открыто, всегда возникает опасность его неправильного толкования и извращения. Он может оказаться введенным в заблуждение своими инстинктами, и это сделает невозможным адекватное понимание символа, переданного прямым вербальным описанием. Потому выродились религии, выбравшие в качестве символа либидо явный половой акт, и таким же образом должны исчезнуть религии, использующие золото, объект беспорядочного желания в качестве символа.

Человека, в действительности, ищущего признание, привлекает в масонство или алхимию определенная неудовлетворенность. Ищущий не удовлетворен тем, что он фактически изучает в степенях, он ожидает больше, хочет иметь более исчерпывающую информацию, хочет знать, когда «истинное» наконец откроют. Жалобы, например, касаются узости значения степеней братства. Субъективная удовлетворенность от повышения гораздо существеннее объективного значения всякой степени. Чем она меньше, тем меньше он будет «находить» даже в степенях, и тем менее он будет удовлетворен, если вообще преуспеет в том, чтобы достигнуть чего-либо. Действовать компенсирующим способом в данном случае — естественная задача людей, что побуждают его. Помимо упомянутой неудовлетворенности, он также ожидает демонстрации великолепного искусства от старших, находящихся в более высоких степенях; такое ожидание создает прекрасную возможность для эксплуатации жуликами, которых, конечно, было достаточно и в алхимии, и позже в более критическое время, в высоких степенях масонства. Кто может точно определить, насколько большую роль играли жадность, амбиции, тщеславие, любопытство, и, наконец, эмоциональный голод?

Спекулянты, ловившие рыбу в грязных водах позднего Розенкрейцерства, помещают много желательных вещей как приманку на крюк; власть над миром духов, проникновение в тайны природы, честь, богатство, здоровье, долголетие. Одна цель происходила из другой. Вера в изготовление золота, как уже говорилось, все еще бытовала в те времена. Но это не было следствием лишь зачарованности тайнами высоких степеней алхимии, но, как описывает Б. Коппа (Alch. II, p. 13), такова была определенная метафизическая потребность времени.

Замечу что, несмотря на справедливую критику Розенкрейцерства, я предоставляю его и даже его поздние формы с идеальной стороны.

Отрицать это означало бы фальсифицировать истинное подобие. Только следует отметить важное различие между самой идеей и ее последователями, алхимиками, Розенкрейцерством и розенкрейцерами. Есть достойные и не достойные последователи; среди алхимиков их называют знатоками, мастерами и кашеварами, неряшливыми рабочими. Потому в своем исследовании мы сосредоточены на самой герметической науке, а не просто на ошибочных направлениях, называемых ее именем, и мы не должны позволять себе вовлечься в них. И что касается духовных плодов (алхимии, розенкрейцерской мысли, Масонской символики, и т.д.), то именно они должны рассматриваться в первую очередь, а не конкретные люди, их последователи; вопрос о том, был ли у самых ранних Розенкрейцеров организованный союз или нет мне представляется праздным. Достаточно, что Розенкрейцеры существовали в воображении, этот образ существует и переживается людьми, которые и делают его реальным. Тоже касается существования «так называемых» или «истинных» Розенкрейцеров; суть этого учения, что очевидна в литературе, была, как я упоминал, идентична высокой алхимии или королевскому искусству. Но я думаю, что сравнение также будет верным и в отношении Общества золотого и розового креста, поскольку духовная суть этих новых образований осталась неизменной, за исключением того, что, как это обычно случается со всеми сложными идеями, они понимаются большинством неправильно. Было предпринято много попыток разоблачить ошибочное понимание. В розенкрейцерских примечаниях к «Kompass der Weisen» (издание 1782 г.), например, говорится: «Кроме того объектом нашего честного объединения является не производство золота... Скорее мы разрушаем их [учеников] ошибочное представление, в то время как они заражены им, даже делая первый шаг в храм мудрости. Мы искренне предостерегаем их против таких ошибок и разъясняем, что они должны искать Царство Божие и его справедливость». Также всеми видами преобразований мы стремимся наставить путника на правильную дорогу, что ведет к истинному идеалу. Кажется, что алхимическое осуществление «делания» доступно лишь самому малому кругу. Большинство ослеплено.

- Где находятся шотландские мастера?
- Прямо возле солнца.
- Почему?
- Потому что они могут выдержать его.

Глава 5

ПРОБЛЕМА МНОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

После всего изложенного очевидно, что Притча содержит наставление в духе высокой алхимии. Тот, кто внимательно прочитал 4-ю главу, конечно, поймет притчу преимущественно в герметичном смысле. Я более не хочу развивать данную интерпретацию, в некоторой степени это происходит само собой без дальнейших усилий, и кроме того, она должна была рассматриваться только во второй части настоящей работы. Я ограничусь лишь несколькими предложениями.

В отношении внешних обстоятельств появления притчи в составе розенкрейцерской литературы, мы должны помнить, что она была издана в 1788 г., в период поздних обществ золотого и красного креста. Она была представлена в книге, теософический и религиозный характер которой прослеживается во всех содержащихся в ней иллюстрациях, а также в большей части текста. Постоянно повторяется, что золото — не обычное золото, но наше золото, камень — духовный камень (Иисус Христос) и т.д. Создание мира, духовное предназначение человечества, мистический путь переживания божественного — все это предстает на подробных иллюстрациях с преобладающе химическим символизмом. Эта высокая концепция алхимии, которой соответствует идеал так называемого старого или истинного розенкрейцерства, не препятствует вере редактора в возможность чудесных даров, что можно обрести посредством герметического искусства. Многие части книги заставляют нас подозревать некоторую наивность, заходящую далеко за пределы простоты, необходимой для духовного развития.

Что касается происхождения притчи, то существует два варианта. Или редактор — и есть автор, скрывающийся в тени и действующий лишь под видом коллекционера старинных рукописей Розенкрейцеров, что он публикует и раскрывает приверженцам искусства, или же редактор — просто редактор. В любом случае интерпретировать притчу надлежит герметически. Очевидно, что целью редактора является просвещение. Если он — и есть автор, он облачил свои наизидания в образы притчи.

Если же, напротив, автор кто-то иной (современник ☉ R.C. † или старый герметический философ), редактор счел данный материал подходящим для своей цели, отражающим его доктрину. Мы вполне можем удовлетвориться и воздержаться от исследования вопроса авторства тем, что сочинение раскрывает свой характер через герметическую интерпретацию и подробно демонстрирует теософическое содержание. Однако я желаю раскрыть направление мысли данного коллекционера и редактора.

Можно продемонстрировать несколько признаков, указывающих на герметическую теософическую интерпретацию, которую читатель, вероятно, ищет в притче, если я упомяну этические задачи, которые тут и там появляются в нашей психоаналитической интерпретации притчи. Я мог бы напомнить читателю, что Странник — убийца драконов, подобно Св. Георгию; Дева Мария часто изображается стоящей на драконе; Будда — восседающим на цветке лотоса, что так же весьма часто указывает на побежденного дракона; и т. д. Я мог бы упомянуть религиозную символику узкого пути, что ведет к истинной жизни. Многие из образов, возникающих в притче, символизируют испытания, и мы наблюдаем, как Странник преодолевает элементный мир (Триумфы Природы над Природой), когда он подвергается испытанию четырьмя элементами и отовсюду выходит с победой. Борьба со львом в логове может рассматриваться как испытание землей, прогулка в облаках, окутывающих стену (как и полет в сосуде) — как испытание воздухом, эпизод с мельницей (и наводнение в сосуде) — как испытание водой и пребывание в горячем сосуде — как испытание огнем. Старый мельник — Бог, десять колес мельницы — десять заповедей, и аналогично десять Сефирот, что создают целый мир. Нам также напоминают об Офаним («колеса», разряд ангельской иерархии).

Несколько человек предлагают соискателю членство в герметическом братстве, которое, как я полагаю, можно было бы назвать розенкрейцерским. Нечто подобное практиковалось каббалистами, и описывалось Рейхлином (в «De Vero Mirifico») как инициирование в тайну. Фладд (в его «Tractatus theologo-philosophicus de vita, morte et resurrectione», Гл. XVI), обращается к розенкрейцерам: «Открытыми глазами я усмотрел в вашем кратком ответе двум людям, которых вы избрали, в призыве Святого духа для избрания в ваш монастырь или дом, что вы обладали тем же знанием истинной тайны и теми же ключами знания, которые отпирают Рай Радости, что владели старцы и пророки Священного Писания». И в другом месте: «Полагаю, что ваш (Братства красного креста †) дворец или жилище расположен посреди земного рая [место voluptatis terrestris]». В нашей притче это — рай радости [pratum felicitatis], где Странник

встречает сообщество, в которое желает попасть. Он должен подвергнуться испытаниям как всякий неопит. Collegium sapientiae притчи отсылает к розенкрейцерской Collegium Sancti Spiritus, которая упоминается в другом отрывке из книги, что содержит притчу.

Кровь льва, которую извлекает Странник, зарезав его тело, является розовой кровью креста, которую мы извлекаем посредством глубокого копания и стука. Странник срывает розы и помещает их на свою шляпу в знак доблести. Победитель часто изображается удостоенным шляпы на старых картинах. «Розарий» (сад в притче по форме четырехугольный) был, очевидно, названием алхимическим лож. Философская работа сама по себе сравнима с розой; белая роза — белая тинктура, красная роза — красная тинктура (различные стадии делания, следующие после черной). Их срывают в «алхимическом раю», но делать это надлежит в гармонии с природой. Василий Валентин в третьем из его двенадцати ключей пишет касательно великого делания: «Так, желающий сравнить нашу невоспламеняющуюся серу всех мудрецов, должен сначала принять во внимание, что он ищет нашу серу в том, кто является внутри невоспламеняющимся; в том, чей труп поглотило соленое море и вновь выбросило на берег. Затем, возвысьте ее, так, чтобы в своем блеске она превосходила все звезды небес и природа ее наполнилась богатством крови, подобно пеликану, ранящему себя в грудь, чтобы его птенцы могли насытиться, и, возможно, испить его кровь, но его тело остается невредимым. [У пеликана под клювом находится большой зоб, в котором он может хранить пищу, в основном — пойманную рыбу. Когда он извлекает пищу, чтобы накормить птенцов, он кладет свой клюв на грудь. Это породило представление, будто он раскрывает свою грудь, чтобы накормить птенцов своей кровью. Потому с древних времен пеликан используется в качестве символа Христа, который пролил свою кровь во имя человечества. Алхимики изображали философский камень, красную тинктуру как пеликана; в процессе проецирования на базовые металлы он жертвовал собой и в действительности именно его кровь тинктурировала их. Христианская и герметическая символика параллельны в высоком смысле — камень, Христос, то есть, Мессия, находится в наших сердцах]. Это роза нашего победителя ало-красного цвета драконьей крови, описанная многими, как фиолетовая мантии самых высоких предводителей нашего искусства, в которую облачена и Королева Спасения. С ее помощью можно нагреть все неблагоприятные металлы. Берегите эту мантию доблести».

Интересно, что параллели сновидения соотносятся с обоими направлениями герметической интерпретации. Я рассказывал во второй части

этой работы о «сновидении о Летающей карете». Теперь я должен закончить его интерпретацию. Штекель пишет (1. с., стр. 399):» Если мы исследуем сновидения, связанные с рождением и маткой, г-н Х., сновидец, оказывается главным преступником. Он борется с сознательными идеями убийства. Он боится, что может убить своего дядю или свою мать. Он очень набожный. Но его душа черная как усыпанная углем-пылью улица. Его злые мысли (гомосексуальные) преследуют его. Он входит в мельницу, что является мельницей Бога, перемалывающей медленно, но уверенно. Его вес (бремя его греха) приводит мельницу в движение. Он выдворен. Он входит в Летающую карету; она объединяет небеса и землю. Он должен заплатить, то есть, искупить свои грехи. Его грехи сексуальной природы (три геллера = гениталии). Грязные ноги — зловоние его грехов и преступлений перед небесами. Проводник — смерть... Комната с колесами относится к колесу преступников. Вода — кровь». Опасная ситуация в сновидении, мельнице Бога, чернота, вода или кровь, которые образуют нити своих аналогий, обнаруживаются в притче столь очевидно, что нет необходимости ссылаться на конкретные отрывки. Я бы обратил внимание на необычную деталь — зловонные, грязные ноги, с которыми трудно найти аналогии в притче. Они обнаруживаются в эпизоде гниения свадебной пары в сосуде. Явно сказано, что разлагающиеся трупы (то есть, распадающиеся греховные группы людей в теософической работе) источают зловоние. Противоположность — аромат неприкосновенности. Фактически эта оппозиция часто встречается в герметических руководствах. Проводник из сновидения в притче герметически описывается как посланник небес ☿, Гермес, конвоир душ. Его первое появление в жизни человека — совесть. Она заставляет осознавать грехи, которые иначе воспринимались бы безразлично, и не могли бы источать зловоние. В алхимии вещества источают зловоние в процессе растворения в меркурианской очищающей жидкости. Лишь позже появляется приятный аромат.

Если мы находим, с одной стороны, что притча представляет собой герметическое сочинение, позволяющее нам извлечь теософические принципы из химических аналогов, то с другой стороны психоаналитическая интерпретация тогда не является применимой. Следовательно, у нас возникает вопрос, как можно дать несколько интерпретаций длинной серии символов, находящихся в полной противоположности. [Если бы нас интересовали лишь индивидуальные символы, то вопрос не был бы вообще актуален]. Наше исследование показало, что это возможно. Психоаналитическая интерпретация рассматривает элементы хаотичной

и иррациональной жизни импульсов, которые разрешают свой накал в фантазиях притчи; и теперь анализ герметических сочинений демонстрирует нам, что притча, как и все глубокие алхимические тексты, является введением в мистическую духовную жизнь в соответствии с разумением автора. Так же, как психоаналитически производное значение фантазий не осознается им, возможно даже мистический путь, которым он должен проследовать возникает лишь туманно перед его взором. Так, независимо от степени осознания субъективного опыта автором, для решения нашей собственной задачи, мы можем применить к данному тексту различные интерпретации, что являются чрезвычайно связными.

В действительности интерпретаций три; психоаналитическая, которая приводит к глубинам импульсивной жизни, ярко контрастирующая герметическая и духовная, ведущая к высоким идеалам, и которую я назову анагогической; и третья — химическая (натурфилософская), которая, если можно так выразиться, находится на полпути, и в отличие от двух других, кажется этически безразличной. Третье значение этой работы воображения находится на полпути между психоаналитической и анагогической интерпретациями, и как демонстрирует алхимическая литература, может рассматриваться анагогически.

Притча может служить академической иллюстрацией герметизма в целом (философии). Проблема множественной интерпретации довольно универсальна в этом смысле, а именно, каждый сталкивается с ней всюду, где воображение творчески активно. Наше исследование затрагивает обширные области, а искусство и мифология особенно нас притягивают. Я немного отойду от области, выбранной в качестве примера, то есть, алхимии. Но с помощью двух басен я решу проблему множественной интерпретации. В выборе басен я руководствовался с одной стороны, наличием уже готового психоаналитического исследования (Ранка), с другой, тем, что обе уже были подвергнуты анагогической интерпретации Хичкоком, который написал книгу по алхимии. Это позволит осветить вопрос кратко, и там, где это необходимо, я просто обращусь к подробному исследованию в вышеупомянутых книгах. Эти две истории принадлежат коллекции Гримм и называются «Шесть Лебедей» и «Три Перышка».

(К. Н. М. № 49 и 63) Ранк (Lohenginsage) связывает историю о шести лебедях и многочисленные подобные истории с рыцарем саги о лебедях. Демонстрируется, что в основе мифического содержания всех этих рассказов лежат те элементные силы жизни импульса, что мы нашли в притче, и преимущественно они основываются на семейных конфликтах, таких как мотивы безудержной любви и ненависти, что являют себя

в самых грубых формах в «семейных романах» невротиков. К этому семейному роману относятся среди прочих фантазии кровосмешения в различных формах, незаконная любовь к матери, спасения матери от опасности, спасения отца, желания быть отцом, и т.д., значение которых объяснено в переписке Фрейда и Ранка («Миф о рождения героя»). Согласно Хичкоку, напротив, подобная история рассказывает о человеке, который совершает ошибку, берет грех на душу, но позже, внемля голосу совести, ищет лучшее в себе и заканчивает работу (аналогично алхимической) шести дней. (Хичкок, Красная Книга.)

Бесспорно, что помимо психоаналитической и анагогической интерпретаций этого рассказа (а также всех других), существует астрономическая интерпретация особого мифологического характера. Ее существенные признаки — семь детей и семь лет, шитье одежды из звезд, отсутствие руки, как в случае Мардука и аналогичных героев звездных мифов. Одного из этих семи особенно выделяют как солнце среди так называемых планет. Этически безразличное значение рассказа, наряду с психоаналитическим и анагогическим соответствует химическому содержанию герметических сочинений, поскольку объект неопределенного значения всегда содержит указание на духовное творение сквозь материальную природу. Астрономическое и алхимическое значения взаимосвязаны. Теперь известно, что алхимия находилась под влиянием астрологии, что семь металлов соответствуют семи планетам, и поскольку солнце выделяют среди планет, оно также является золотом среди металлов; и как в астрологии горение имеет место на небесах, также оно производится в перегонном кубе алхимиков. И тот факт, что дева-солнце в конце истории освобождает своих шестерых братьев-планет, имеет значение, тождественное тинктурирующей способности золота в конце шести дней облагородить шесть несовершенных металлов и исцелить больных.

Во второй истории я более явно подчеркну противоречия двух контрастирующих интерпретаций (психоаналитической и анагогической), так как должен вернуться к данному вопросу. История подходит для подробного изучения благодаря своей краткости. Сначала я представлю ее:

ТРИ ПЕРЫШКА

Жил да был на свете король, и были у него три сына. Двое и умные, и смысленные; а третий не говорлив и попроще старших, а потому и звали его простаком. Когда король-отец стал стареть, слабеть и уже подумывал о своем конце, он и сам не знал, который из его сыновей должен ему наследовать в управлении королевством. Вот и сказал он

им однажды: «Поезжайте по белу свету, и тот, кто мне привезет самый лучший ковер, пусть и будет королем после моей смерти».

А чтобы не вышло спора между братьями, кому куда идти, он их вывел перед замком, дунул на три перышка и пустил их по воздуху, приговаривая: «Как перышко полетит, так и путь за ним лежит». Одно перо понесло на запад, другое — на восток, а третье полетело — прямо, улетело недалеко и вскоре пало на землю. Вот и пошли братья: один — направо, другой — налево, и еще стали смеяться над простаком, который должен был остановиться около своего пера, упавшего на землю. Сел он около перышка и запечалился. И вдруг видит, возле пера в земле дверь оказалась. Он дверь приподнял, а под нею идет лестница в глубь земли; он и сошел по этой лестнице.

Подошел к другой двери, постучался и слышит, что за дверью кто-то отзывается:

Девушка малышка!
Поди-ка ты проверь,
Кто это стучится
Снаружи в нашу дверь.

Дверь отворилась, и королевич увидел большую толстую жабу, сидевшую в подземелье среди множества маленьких жаб. Толстая жаба спросила его, чего он желает? Он отвечал: «Нужен был бы мне самый красивый и самый дорогой ковер». Тут жаба подозвала одну из молодых маленьких жабочек и сказала ей:

Девушка малышка!
Поди во флигелек,
И принеси скорехонько
Заветный сундучок!

Молоденькая маленькая жабочка принесла сундучок, а толстая жаба открыла его, вынула и отдала простаку-королевичу такой чудный ковер, какого никто не мог бы соткать на земле. Королевич поблагодарил ее и опять поднялся из подземелья на землю. Оба старшие брата однако же почитали своего младшего брата таким глупым, что подумали: «Ничего-то он не найдет и не принесет... Чего же мы-то станем трудиться попусту?»

Подумали, да и взяли у первой попавшейся бабы ее груботканые платки и снесли к королю.

К тому же времени вернулся, и простак в замок и принес свой чудный ковер; как увидал король тот ковер, подивился ему и сказал: «Коли нам держаться нашего уговора, так королевство следует передать младшему».

Но двое старших не давали отцу покоя и говорили: «Может ли быть королем этот простак, у которого ни на что житейское не хватает разума?» — и просили отца, чтобы положил он новый уговор.

Тогда сказал король: «Тот из вас королевство наследует, кто мне принесет лучшее кольцо!» — и вывел их перед замком и выпустил на воздух три перышка, за которыми они должны были направиться вслед.

Двое старших опять пошли на восток и на запад, а перо простака-королевича полетело перед ним прямо и опять упало рядом с дверью в подземелье. И опять сошел он туда и сказал толстой жабе, что ему надо бы разыскать самое лучшее, самое дорогое кольцо. Та тотчас приказала принести сундучок и оттуда вынула кольцо, и то кольцо блистало драгоценными камнями и было так прекрасно, что ни один мастер на земле не мог бы смастерить такого кольца.

Оба старшие брата смеялись между тем над братом-простакон, который взялся разыскать золотое кольцо, и не приложили никакого труда на поиски кольца, а просто-напросто взяли обод со старого колеса, выбили из него гвозди и принесли его к королю. Когда же простак показал отцу свое кольцо, отец опять повторил: «Ему следует быть моим наследником!»

Однако же двое старших не переставали приставать к отцу до тех пор, пока он не согласился на третий уговор и не высказал, что ему наследует тот, кто привезет себе в замок невесту всех красивее.

Еще раз пустил он три перышка по воздуху, и они полетели точно так же, как и прежде. Вот и пришел простак-королевич прямехонько к толстой жабе и сказал ей, что должен привезти домой красавицу себе в жены. «Эге, что задумал! — сказала жаба. — Красавицу! Да ведь она не всегда под рукою найдется... А, впрочем, я тебе поищу». И дала ему выдолбленную желтую репу, запряженную шестериком мышей. Простак запечалился и спросил ее: «Куда мне это добро?» Жаба отвечала: «А вот возьми да посади туда одну из моих маленьких жабочек».

Тогда он наудачу выхватил одну из маленьких жаб и посадил ее в желтую повозочку из репы; и чуть только посадил, как жабочка превратилась в девицу-красавицу, повозочка — в коляску, а шестерик мышей — в шестерик лошадей. Простак-королевич поцеловал девицу, ударил по лошадям и привез невесту к королю-отцу.

За ним пришли и его братья; те красавиц искать и не потрудились, а просто прихватили первых встречных баб и привели их во дворец. Как увидел их король, так и решил; «Младший сын должен мне наследовать!» Но двое старших тотчас завопили: «Можем ли мы допустить, чтобы простака стал королем!» — и потребовали, чтобы тому было оказано предпочтение, чья жена лучше прыгнет через кольцо, повешенное среди залы. Они про себя думали, что их-то бабы легко это выполнят, потому что они сильны, а эта слабосильная девица-красавица, наверно, убьется, как прыгнет. Король и на эту просьбу согласился. Тогда две бабы прыгнули через кольцо, но так тяжело и неловко, что попадали наземь и поперешибали себе свои грубые руки и ноги. Вслед за ними девица-красавица прыгнула легко и ловко, как серна, и никто уже не стал ей перечить.

Так благодаря ей младший королевич получил венец королевский и правил страную долгие-долгие годы мудро и справедливо⁷.

Я предлагаю сначала обратиться к стройной психоаналитической интерпретации этого рассказа. Как и сновидения, сказки обычно представляя собой фантастическое исполнение желаний, как вполне осознанных, но не могущих удовлетвориться в жизни, так и едва осознанных, что мы вряд ли смогли бы принять, осознавая мы их ясно. Действительность часто поворачивается спиной, особенно к слабым, тем, кто чувствует себя слабым, или кто обладает меньшей силой в борьбе за существование по сравнению с собратьями. Эффективный человек достигает в своей жизни желаемого, пожелания слабого остаются нереализованными, и по этой причине слабый, или считающий себя слабым по сравнению с величиной своих желаний, удовлетворяет свою потребность исполнения желания фантазийно. Он желает достигнуть недосягаемого, по крайней мере, в воображении. По этой психологической причине множество сказок написано с позиции слабого, так, чтобы Эго, проецируемое на сказку, героя, было простаком, самым маленьким, или самым слабым, или самым молодым, угнетаемым и т. д. Герой предшествующего рассказа — простака и самый молодой. В его фантазии, то есть, в истории, он подавляет своих братьев, что находятся в более эффективной действительности, и которым он завидует, представляя их злыми, отталкивающими персонажами. (Мы часто можем наблюдать насколько подозрительны, например, калеки. Их чувствительность известна.) Как и лиса,

---

⁷ Пер. под ред. П. Н. Полевого.

для которой виноград кислый, он заявляет, что то, чего достигают его более сильные товарищи, плохо, они исполняют свои обязанности плохо, их цели презренны, особенно в сексуальной сфере, где он чувствует себя наиболее уязвленным. С самого начала рассказ определенно повествует о завоевании женщины. Ковер и кольцо являются женскими символами, ковер — тело женщины, кольцо — влагалище. (Ковер еще более отчетливо обозначается как женский символ тем, что братья берут его у «бабы». «Баба» грубая, грубая «ткань» в отличие от прекрасного ковра героя.) Простаку не нравится много работать. Когда он приписывает небрежность своим братьям, он сообщает нам о своем собственном характере; его «перышко» говорит о том, что он не идет далеко, в то время как перышки его братьев улетают на некоторое расстояние. Чтобы избежать такого представления о себе, распределение перышек отдано жребию, будто на усмотрение высшей силе. Излюбленное оправдание ленивых и неэффективных людей.

Одним из средств самоутешения в связи с неисполнимостью его желаний является вера в чудеса. (См. мою работу над Фантазией и Мифом.) Простак преуспевает удивительным образом; жареные голуби летят к нему в рот.

В своей эротической инициативе он не отходит далеко от себя самого. Он явно переходит к имаго, что быстро захватывает его. [Сформировавшийся в сознании нерушимый образ объекта самого раннего влечения, который продолжает действовать в качестве сильного эмоционального комплекса и воздействующий на жизнь. Самые сильные образы — родительские. Здесь мы видим имаго матери, который позже займет центральную позицию в личной жизни (а именно, выбор объекта)]. Куда он направляется в своем путешествии с целью завоевания? В землю. Земля — мать, как мы уже знаем из знакомого нам языка символов. Дверь в подземелье, сундук, подземные ходы представляют собой фантазию матки. Жаба часто обозначает матку, что вполне соответствует ситуации, представленной в рассказе. (Лягушка, наоборот, обычно символизирует пенис.) Большой сундук жабы (= мать) также является маткой. Из него происходят сестры, в действительности женские символы, которых видит простак. Сундук — в то же время домашний буфет, шкаф с едой, пакет, коробка, чаша и т.д., откуда хорошая мать раздает вкусные подарки, игрушки, и т.д. Так же, как и отец в детской фантазии может делать что-либо, у матери есть коробка, из которой она извлекает различные прекрасные подарки для детей. Внизу среди жаб разворачивается идеальный семейный сюжет. Неистошимый сундук матери (с двойным значением) дает простаку даже желанную женщину.

Для кого эта женщина? Несомненно, для простака, в психологическом отношении. Из рассказа следует, что для короля, потому что женские символы – ковер и кольцо король желал для себя, потому можно заключить, что женщина также принадлежит ему. Заключение рассказа, однако, соответствует психологической ситуации, поскольку в нем с королем покончено, что, очевидно, позволяет простаку жить с той самой женщиной. Как день ясно, что простак идентифицирует себя с отцом, представляя себя на его месте. Образ, захватывающий его вначале, является женщиной отца, матерью. И смерть отца, что тщательно игнорируется и дарует королеву и корону, желанна для простака. И вновь мы наблюдаем Эдипов комплекс, где одна из небольших жаб, сестра является заменой матери.

Мы рассмотрели историю сначала с точки зрения неэффективности героя и вслед за тем обнаружили эротические отношения, и наконец Эдипов комплекс. Психологическая связь следует из факта, что образы, на которых построен Эдипов комплекс, кажутся приводящими к неэффективности в эротической жизни.

Анангогическая интерпретация Хичкока (1. с., стр 175 и сл.), следующая, хотя я привожу ее в несколько сокращенном виде:

Под королем явно имеется в виду человек. У него есть три сына; он — образ Троицы, которую следует рассматривать как тело, душу и дух. Двое из сыновей были мудрыми в мирском смысле, но третий, символизирующий дух и в примитивной форме олицетворяющий совесть просто, чтобы указывать на прямой и узкий путь правды. Дух приводит к священной тишине тех, кто кротко следует за ним, тот же, кто отвергает его, умирает в мистическом смысле, или же он проявляется в других формах преследуя душу призраками убитых добродетелей. Человек сомневается относительно принципов того, как воля высших сил реализуется через его жизнь. «Поезжайте по белу свету, и тот, кто мне привезет самый лучший ковер, пусть и будет королем после моей смерти». Ковер — нечто, по чему ходят или на чем стоят, и здесь он символизирует лучший образ жизни согласно Исаии 30:21: «И если ты уклонишься налево или направо, то за спиной услышишь голос, который скажет: „Это правильный путь, иди по нему“».

Три перышка — конечно, эти три принципа. Два из них сразу летят в противоположных направлениях [на восток и на запад, что согласуется с сочинениями алхимических авторов, где эти два принципа или формы бытия представляют собой душу и тело, или ☉ и ☽] и таким образом с самого начала оказываются далеки от правильного пути.

Третье, символизирующее дух, летит прямо и не далеко, поскольку путь к внутренней жизни прост. И затем, дух будет говорить с нами, если мы последуем за его голосом, сперва очень тихо: «но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его». (Второзаконие 30:14.) Все же душа не избавлена от печали, поскольку человек остановился на более низких ступенях лестницы, ведущей в вечную жизнь. Сердце простака наполнено беспокойством, и смирившись с несчастьем, он «внезапно» обнаруживает потайную дверь, что ведет его в мистическую жизнь. Дверь находится на поверхности земли и ведет вниз, и это предопределено третьим перышком заранее. Поскольку Простак благоразумно повиновался ему, он последовал пути, и дверь открылась перед ним. Три шага, три основных силы. Таким образом, Христос должен был спуститься прежде, чем он мог подняться. Герой истории стучит как Христос в евангелии (то есть, стучит во внутренние двери, в противоположность закону Моисея, внешним дверям). Большая жаба с окружающими ее маленькими жабами олицетворяет великую мать природу и ее творения; окружающими, потому что природа всегда циклична. Простак получает самый красивый ковер.

Двое других братьев, олицетворяющих разум и чувства (солнце и луна в герметических сочинениях) смотрят по сторонам, вместо того, чтобы искать путь внутри; так они берут первые попавшиеся грубые ткани.

Принести самое красивое кольцо означает принести правду, у которой подобно кольцу нет ни начала, ни конца. Разум и чувства идут в разные стороны, простак же кротко ждет у двери, что приводит к великой матери. [Внешнее представление этой концепции в анаagogической интерпретации также важно].

В третьем испытании, поиске «самой прекрасной девицы», короны жизни, как внутренне, так и внешне, репа, представляет растительную жизнь (тело, человек), и шесть мышей, которые тянут ее, являются нашими старыми друзьями; это шесть лебедей или добродетелей, и самая возвышенная из них, сострадание или любовь, предстает в образе возведенной на престол королевы в карете. Непосвященный человек сомневается и спрашивает: «Что мне делать с репой? «И тогда великая мать отвечает: «Возьми одну из моих главных сил». И что мы видим тогда? Жаба становится прекрасной девой и т.д. Тогда человек внезапно понимает, как страшно и чудесно он поступил. Исполненный уважением к себе он готов кричать: «Не мое, но ваше желание исполнено».

Остается еще одно испытание. Мы должны пройти через своего рода мистическое кольцо, что висит в зале (обучения). Лишь избранный может

сделать это и не ранить себя. Красивая изящная девица, обладающая волшебным даром — духом [спиритус или ♀ в алхимии].

Мы добавим, что эти две интерпретации внешне противоречат друг другу, хотя каждая является безупречно цельной и последовательной. Я должен отметить, что ограничился кратким рассмотрением этого вопроса; в дальнейшей работе над анализом эти две интерпретации могут быть намного ближе соотнесены с мотивами притчи.

Во-первых, возникает вопрос, как одна и та же серия образов может согласовать несколько взаимоисключающих интерпретаций (проблема множественной интерпретации); все же мы обнаружили в притче три фактически эквивалентных схемы интерпретации, психоаналитическую, химическую (научную) и анагогическую. Во-вторых, возникает более частный вопрос, как могут два таких противоположных значения как психоаналитическое и анагогическое существовать одновременно.

ЧАСТЬ III

СИНТЕТИЧЕСКАЯ

ЧАСТЬ

Глава 1

ИНТРОВЕРСИЯ И РЕГЕНЕРАЦИЯ

А. ИНТРОВЕРСИЯ И ИНТРО-ДЕТЕРМИНАЦИЯ

Комплексная интерпретация продукта фантазии стала нашей проблемой, и полная противоположность психоаналитического и анагогического толкования особенно озадачила нас. Вопрос станет еще более сложным, если я продемонстрирую, что психоаналитическая интерпретация содержит аналогию, которую мы должны учесть. Аналогия представлена замечательным сосуществованием символики материальных и функциональных категорий в одном и том же продукте воображения. Чтобы читатель понял меня, я должен, прежде всего, объяснить, каковы эти категории.

Во 2-м разделе вводной части мы видели, что воображение стремится к сказочным и гротескным символическим формам выражения. Посредством этой символики, наиболее очевидной в гипнотических галлюцинациях (полусновидческих) и сновидениях, представлены три различных группы объектов:

- I. Содержание мыслей, содержание воображения, то есть, содержание или объекты размышления и воображения, материалы мыслей, осознанны они или нет.
- II. Состояние, деятельность, структура психики, образ и способ ее функционирования и чувствования, метод функционирования психики, осознанный или нет.
- III. Телесные процессы (физические стимулы). Третий тип объектов находится в близком отношении с предшествующими двумя. Он не представляет собой интерес в контексте нашего исследования, потому мы не будем задерживаться на его рассмотрении.

Мы рассмотрим две категории, в которых мы можем увидеть все результаты работы символизирующего воображения, материальные и функциональные.

- I. Материальная категория характеризуется представлением содержания мыслей, то есть, содержания, возникшего в результате работы мышления (оформленные мысли), являются ли они единичными образами или группами образов, концепты, извлеченные в процессах сравнения, определения, или же суждения, хода рассуждения, которые являются результатом аналитических или синтетических операций и т.д. Как мы знаем, фантазии (сновидения, грезы и даже стихи) главным образом вдохновлены пожеланиями, мы будем часто убеждаться, что содержание, символически содержащееся в них, иллюстрирует желания, то есть, предполагаемое получение удовлетворения.
- II. Функциональная категория характеризуется тем, что состояние, структура или работоспособность индивидуального сознания (или психического аппарата) изображаются самостоятельно. Она называется функциональной, потому что не имеет никакого отношения к материалу или содержанию процесса мышления, но применяется просто к способу и методу функционирования сознания (быстрый, медленный, легкий, затрудненный, беззаботный, радостный, угнетенный; бесплодный, успешный; разобщенный, расколотый на комплексы, объединенный, обеспокоенный, и т.д.). [Неважно, насколько это осознанно. Сказанное здесь следует понимать в самом широком смысле. Имеются ввиду все психические процессы, которые содержат что-либо в качестве «объекта»].

Два характерных примера позволят нам уяснить эти две категории и четко разделить их.

А. Материальная Символика. Условия: в сонном состоянии я размышляю над природой транссубъективных суждений (= справедливых в отношении всего человечества). Внезапно нить абстрактного мышления прерывается, и автосимволически вместо него возникает следующая гипнотическая галлюцинация:

Символ: огромный круг, или прозрачная сфера, парящая в воздухе, и люди помещают свои головы в этот круг.

Интерпретация: Этот символ выражает все, о чем я размышлял. Справедливость транссубъективного касается всех людей без исключения; в круге оказываются все головы. У этой справедливости должна быть своя причина в чем-то общем для всех. Все головы принадлежат одной очевидно гомогенной сфере. Не все суждения транссубъективны; телами

и конечностями за пределами сферы люди стоят на земле как отдельные люди.

В. Функциональная Символика. Условия. Сонное состояние. Я размышляю над чем либо, и все же позволяю себе отвлечься от темы моего размышления на другие мысли. Когда я хочу вернуться, возникает автосимволическое явление.

Символ. Я поднимаюсь на горы. Находящиеся вблизи горы закрывают собой от моего взгляда те, что в дали, откуда я пришел и куда хотел бы вернуться.

Значение. Я сбился с пути. Я забрел слишком высоко и идеи, что я развил, закрыли мою отправную точку как горы.

К материальной категории принадлежит, например, значение сновидения о землянике, интерпретированного во второй части вводной главы. Собираение земляники — символ, иллюстрирующий удовлетворение желания (полового сношения). Потому символика — материальная. Большая часть психоаналитической литературы о сновидениях занята интерпретацией материальных категорий.

К функциональным категориям принадлежит, например, символика засыпания и пробуждения, о которой я упоминал во второй части в связи с интерпретацией притчи.

Две категории символики параллельны друг другу и представляют аналог нашей проблемы двойного значения. Однако, случаи, когда есть только функциональная или только материальная символика крайне редки; как правило, они смешаны друг с другом. Безусловно, зачастую одна более выражена, чем другая или более доступна, но встречаются случаи, когда к длинному ряду образов применимы материальная и функциональная интерпретации в непрерывной взаимосвязи.

Следующее может служить очень простым наглядным примером. Однажды вечером я, уставший и собирающийся заснуть, лежал в постели и размышлял о медленном продвижении человеческого духа в туманной трансцендентной области проблемы материнства. (Фауст, Вторая часть.) Я все больше погружался в сон и утрачивал способность удерживать свои мысли, и внезапно очень живо увидел сновиденческие образы. Я стоял на одиноком каменном пирсе, простирающемся далеко в темное море. Воды моря смешивались на горизонте с таинственным, тяжелым воздухом такого же темного цвета. Сила подавления этой материальной картины пробудила меня от моего полусна, и я сразу понял, что образ, почти являющийся галлюцинацией, был всего лишь символическим воплощением содержания моих мыслей, которому я позволил истечь в результате

усталости. Символ легко распознается как таковой. Море, темнеющее вдалеке соответствует погружению в темную проблему. Смешивание атмосферы и воды, наблюдаемое во множестве оттенков, означает, что с «материями» (как изображает Мефистофель) связаны все события и места, что у нас нет границ между «здесь» и «там», «выше» и «ниже», и по этой причине Мефистофель, может сказать Фаусту перед уходом:

«Погрузись на глубину. Я мог также сказать, взлетай».

Так мы наблюдаем множество отношений между визуализируемым образом и содержанием мысли, которое, на самом деле, им представлено. Целый образ составляется почти полностью с присущими ему характерными особенностями из элементов, тесно связанных с содержанием мысли. Кроме связей материальной категории, образ представляет также мое актуальное психическое состояние (переход ко сну). Засыпая, всякий пребывает в психическом состоянии погружения в темное море. (Погружение в воду или темноту, вход в лес, и т.д. — часто встречающиеся пороговые символы.) Четкость идей исчезает и все сливается, подобно слиянию воды и атмосферы в моем образе.

Этот пример приведен лишь для наглядности; было бы слишком легко и просто сделать поразительное открытие из замечательного переплетения двух видов символики. В исследовании символики и сновидений я обращаюсь к библиографии. Исчерпывающее рассмотрение вопроса завело бы нас слишком далеко. Давайте тогда удовлетворимся тем фактом, что психоаналитики одновременно имеют дело с двумя существенно различными линиями интерпретации продуктов фантазии (сновидения, и т.д.), не считая многократных детерминант, что они могут найти внутри материальных и функциональных категорий; обе линии интерпретации происходят из одной и той же образной ткани, и зачастую из одних и тех же элементов этой образной ткани. Подобный контекст потому, должно быть, искусно искался творческим бессознательным, чтобы соответствовать двойному условию.

Сосуществование материального и функционального значения, не единственная головоломка для изучающих психоанализ. Два факта должны быть учтены повсюду.

Во-первых, мы познакомились с принципом множественной детерминированности или конденсации. Разнообразие хаотично движущихся скрытых мыслей сновидения уплотняется в несколько ясных форм сновидения или символов, так, чтобы один символ непрерывно представлял несколько идей и потому поддавался толкованию несколькими способами. То, что к нему применима более, чем одна интерпретация,

не может вызвать удивление, поскольку основное значение (скрытые мысли) определило выбор символов из бесконечной серии возможностей ассоциативным путем. В результате формирования сновидения и бессознательной работы сновидения только такие иллюстрированные элементы могут проникнуть в сознание как удовлетворяющие требованиям множественной детерминированности. Принцип множественной детерминированности действителен не только в отношении материальной и функциональной категорий, но и делает сплав из обеих до некоторой степени понятным в рассматриваемом символе. Элементы обеих категорий принимают активное участие в выборе символа. С одной стороны, множество аффектов стремятся к символическому представлению объектов, в отношении которых они направлены (объекты любви, ненависти, и т.д.). С другой стороны, психика обращается к собственным импульсам, игре аффектов, и т.д., и это восприятие находит выражение. Оба импульса принимают участие в выборе тех символов, которые стремятся проникнуть в сознание через фантазию, и таким образом, сновидение, как стихотворение, и т.д., помимо символики тенденций желания (материальные категории), что оживляют их, имеет печать психического авторства (функциональная категория) сновидца или автора. [Ferenczi утверждает, что в отношении мифа материальная символика должна совпадать с функциональной (Имаго I, p. 283)].

Во-вторых, в психоаналитических исследованиях недавно было продемонстрировано, что символы, которые были первоначально материальны, так же используются и функционально. Если мы полностью проанализируем в течение достаточного количества времени сновидения человека, то обнаружим, что определенные символы, которые сперва, казалось, лишь случайно отражали некоторое содержание идеи, содержание желания, и т.д., повторяются и становятся постоянной или типичной формой. И чем более выявляется такая типичная форма, тем дальше она удаляется от своего первоначального эфемерного значения, и тем более она становится символическим представителем целой группы подобных событий, духовного богатства, если так можно выразиться, и тогда мы сможем расценить ее как отражение духовного потока (любовь, ненависть, тенденция к легкомыслию, к жестокости, к беспокойству, и т.д.). Это переход от материального к функциональному на пути внутренней детерминированности или, как я называю, интро-детерминации. Позже я расскажу подробнее об интро-детерминации. Пока достаточно понимать, что материальная и функциональная символика, несмотря на их первоначальное принципиальное различие, по существу связаны процессом интро-детерминации.

Аналог проблемы множественной интерпретации, развернутой в предыдущей части, является вопросом, на который можно легко ответить. И мы разрешили свою проблему, если бы продемонстрировали, что анагогическая интерпретация, согласование которой с психоаналитическим казалось невозможным, является формой функциональной интерпретации, или по крайней мере связана с ней. В этом случае сразу стало бы понятно, как продукт воображения поддается нескольким способам толкования (проблема множественной интерпретации); потому что это разнообразие смысла уже почувствовало в выборе символа даже в тех случаях, где мы на первый взгляд не заподозрили наличия анагогического значения; во-вторых, анагогическая и психоаналитическая интерпретации так или иначе согласуются друг с другом, посредством чего положение естественнаучной интерпретации может стать несколько более ясным.

Вероятность, что анагогическое принимает участие в создании функционального, будет подкреплена фактом, что наши ранее рассматриваемые анагогические толкования (сказки, парабола) заметно напоминают функциональные интерпретации. В рассказе об этих шести лебедях Хичкок объясняет появление мачехи в замке как появление греха в сердце; семь детей — это семь добродетелей (следовательно, духовные тенденции). Маленькая девочка — совесть, ткани — процессы мысли. В истории о трех перышках, снова, один из сыновей — совесть; потайная дверь — вход во внутреннюю жизнь, в духовное погружение, три перышка — духовные тенденции и т.д. В сновидении о «летающей карете» совесть появляется как проводник. «Мельница Бога», что в психологическом отношении также представляет совесть, более примечательна, потому что бремя греха, чувства вины также появляется в притче. Лев или дракон, который должен быть побежден на мистическом пути, снова представляют духовную силу. Приближение к функциональной категории не должно отрицаться. Процессы, которые показывают взаимодействие духовных сил, символически там представлены. Но мы сразу поражаемся различием. Истинное функциональное явление, как я до сих пор описывал его, отражает фактическое психическое состояние или процесс; анагогическое изображение, кажется, напротив, указывает на состояние или процесс, который должен свершиться в будущем. Мы немного отклонимся от темы, но не забудем о ней, и обратимся к той точке, где лучше всего можно объединить анагогическую и функциональную интерпретации. Это точка, кажется мне, является интроверсией, потому что она связана с ранее упомянутой интро-детерминацией, и во-вторых, потому что она знакома психоанализу и очень важна в анагогическом методе.

Термин «интроверсия» был введен К.Г. Юнгом. Он означает погружение в собственную душу; исчезновение интереса к внешнему миру; поиск радости во внутреннем мире. Психология невротиков сформулировала понятие интроверсии, будучи областью, преимущественно рассматривающей болезненные формы и функции интроверсии. Погружение в собственную душу также проявляется болезненной потерей себя в ней. Мы можем говорить о невротической интроверсии. Юнг рассматривает раннее слабоумие как невротическую интроверсию. Фрейд, принявший концепцию интроверсии [с некоторыми ограничениями], расценивает интровертированное либидо как обычное и обязательное начальное условие для развития всякого психоневроза. Юнг (PS Jb. F., Иллинойс, р. 159) говорит о «некоторых психических расстройствах [он имеет в виду раннее слабоумие], которые вызваны тем, что пациенты все более удаляются от действительности, уходя в свои фантазии, и, поскольку действительность теряет свою силу, внутренний мир полностью занимает ее место и обретает силу». Мы можем также определить интроверсию как отказ от радостей внешнего мира (вероятно, недостижимых и тревожащих), и поиск источников либидо в собственном эго. Таким образом, мы видим взаимосвязь между самонаказанием, интроверсией и мастурбацией.

Уход от внешнего мира и обращение к внутреннему осуществляется теми методами, что характерны для религии и мистицизма. Мистиками предложено немало методов, развивающих интроверсию. Монастыри и церкви — учреждения интроверсии. Символика религиозной доктрины и обряда полна образов интроверсии, которая, коротко говоря, является одним из самых важных условий духовного пути.

Религиозная и мифическая символика изобилует бесчисленными образами интроверсии; смерть и нисхождение под землю, в подземные склепы, хранилища, темные храмы, подземный мир, ад, море, и т.д.; будучи проглоченным монстром или рыбой (как Jonah), пребывание в дикой местности и т.д. Символы интроверсии в значительной степени соотносятся с описанными мной символами засыпания и пробуждения (пороговая символика), их подобие очевидно. Нисхождение Фауста к матерям — символ интроверсии. Цель интроверсии в данном случае — вернуться к действительности, то есть, к психологической действительности, что достижимо лишь фантазией (мир прошлого, Хелен).

У Якоба Бёме (De Vita Mentali) ученик говорит учителю: «Как я могу обрести сверхчувственное восприятие так, чтобы я мог видеть Бога и слышать, что он говорит?» Учитель ответил: «Когда ты сможешь подняться в один момент туда, где не существует ни единого существа, ты услышь

то, что говорит Бог». Ученик спросил: «Это далеко или близко?» Учитель ответил: «Это находится в тебе».

Алхимия часто настаивает на необходимости отстранения, молитвы и медитации при подготовке к работе; еще больше это подчеркивается иероглифическими изображениями. Картина смерти уже знакома нам из герметических сочинений, но техническому языку присущи другие средства выражения интроверсии, например, закрытие в сосуде, растворение в ртути мудрецов, возвращение веществ к их радикальному состоянию (посредством «радикальной» или первоначальной сырости).

Подобные особенности в нашей притче — блуждание в густом лесу, пребывание в логове льва, прохождение сквозь темный проход в сад, заточение в тюрьме, или, на языке алхимии, в сосуде.

Интроверсия неразрывно связана с регрессом. Регресс, как можно вспомнить из второго раздела Первой части, является возвращением к более примитивной психической деятельности, от размышления к созерцанию, от деяния к видению; возвращение в детство и удовольствия детства. Интроверсия соответственно сопровождается потребностью в символической форме выражения (мистическое знание представлено символами), и инфантильные образы стремятся в основном к воссозданию образа матери. Исключительно отец и мать являлись объектами инфантильной любви, так же, как и вызова. Они уникальны и не тускнеют; во взрослой жизни взрослых не составляет труда пробуждение и активизация тех воспоминаний и тех образов. Мы легко понимаем, что символическая цель ранее упомянутого катабасиса всегда носит материнский характер; земля, отверстие, море, живот рыбы, и т.д., все это — символы матери и матки. Регресс возрождает Эдипов комплекс с присущими ему мыслями о кровосмешении, и т.д. Регресс возвращается ко всем следам, с которыми покончено в жизни и которые подавляются. Фактически это своего рода дорога в подземный мир, в мир титанических желаний, как я назвал его. Насколько это имело место в алхимической притче, я полностью продемонстрировал в ее психоаналитическом анализе. Здесь я должен просто обратиться к материнской природе использованных символов: сосуд, ртуть мудрецов («мать металлов») и радикальная влажность, также названная «молоком» и т.п.

Сказкам свойственна в достаточной степени функциональная символика для обозначения пути, которым интроверсия приводит к имаго матери. Так простак в сказке о перышках проникает через ворота интроверсии точно в семейный круг матери, которая заботится о нем. Там его любовь находит свое удовлетворение. Там он даже обретает дочь, точную копию имаго матери, чтобы та стала его женой.

В притче блуждание в лесу (интроверсия) сопровождается сражением (намекающим на кровосмешение) со львом (отец или мать в их наводящей страх форме); заключение в сосуд (интроверсия) свершением кровосмешения.

Если теперь очевидно, что интроверсия, в результате регресса, связанного с ней, с проникновением образов «титанических» эмоций (кровосмешение, разлучение родителей, и т. д.), то пока нам все же не ясно, как эти образы связаны с трактовкой анагогических идей. И это остается вопросом.

Мы сможем понять эти факты лучше, если вспомним сказанное выше о типах формирования и интро-детерминации символов, а именно, что символы могут отходить от своего первоначального более узкого значения и становиться типичными для целого класса событий, посредством чего реализуется движение от материального к функциональному значению. Некоторые примеры пояснят это.

Я наблюдал особенно примечательные случаи интородетерминации в ряде экспериментов с гидродевинацией (леканомантия), которые я осуществлял в течение нескольких лет. Леканомантия напоминает вглядывание в кристаллы, за исключением того, что видения наблюдаются в емкости с водой. В видениях моей испытуемой, Леи, наблюдались типичные формы, которые возникали вновь и вновь. Как показал последующий анализ, это были символы, связанные с интро-детерминацией. Таковым, например, являлась черная кошка. Сначала выяснилось, что она представляет бабушку Леи, которая напоминала кошку коварством и склонностью к лести. Позже обнаружили соответствия кошки определенным чертам, которые Лея чувствовала в себе. Прежде всего, кошка — символ бабушки, и таким образом, бабушка (или кошка) является ментальным потоком Леи. Часто появлялись образы Дианы, иногда в форме двуглавой змеи, двух рук, двух футов, или женщины с двумя лицами, и т. д. Прежде всего, у всякой антитезы, похоже, есть некоторое внешнее значение, два человека, которые любят друг друга и т. д. Таким образом, становится ясно, что общая характерная черта всех этих образов — двуликая женщина, каковой сама по себе является Диана и, что это означает бисексуальность, психический гермафродитизм. Еще более очевидно, что глубинный смысл символа состоит в полном разобщении характера Леи на две разных личности, одну из которых можно назвать необузданной и другую сдержанной. (Сама Леа использует выражения циничная и идеальная личность.) В одном из более поздних экспериментов Леа видела, что ее циник был дважды ярко персонифицирован, и связала эту личность с «черной кошкой». Диана прежде все олицетворяет внешние фигуры (двое любовников, и т. д.), а уже затем

символизирует бисексуальность. Сексуальность Дианы может символизировать особенность еще более глубокого и всестороннего разобщения эго. Последующий символ, еще более интродетерминированный, был смертью. Будучи изначально связанным с определенными внешними событиями и идеями фактической смерти, значение символа становилось все более духовным, пока не достигло значения исчезновения психических импульсов. То, что умерло символически или должно было умереть, представилось стариком, который принес себя в жертву после всех испытаний судьбы. Смерть от этого старика означала, как показал анализ, то, что мы называем «гибелью старого Адама» (начинание с чистого листа). Фигуры старика, первоначально дедушки Леи, затем и ее отца, появились, неся это значение только после долгого процесса интро-детерминации.

Еще несколько примеров типичных фигур.

Во многих сновидениях женщины, проанализированных мной (Полин, в моем труде *Zur Symbolbildung*), встречается корова как типичный образ. Чередование этой коровы с более или менее определенными символами матери привело к идентификации коровы с матерью. Полный анализ двух сновидений, показали, однако, что корова и другие образы, с которыми она чередовалась, не могут быть корректно интерпретированы через концепцию матери, как материнского авторитета, вернее, самокритики или совести, что обычно выражаются материнскими символами. В случае Полин дети фигурируют в качестве результата различных событий, что типично для препятствий.

В случае другого сновидца фигура отца подобным образом предстает как детерминант, парализующий его волю.

Символы восхождения, подъема обычно представляют совокупление (поспешать вверх и запыхаться), в своем более глубинном отношении означают стремление отстраниться от неприятной действительности в уединенное место (одинокие чердаки, и т. д.), недоступное другим людям (= мысли); и теперь мы видим, что это более глубокое значение не противоречит первоначальному, поскольку даже совокупление, представляет собой особый способ ухода от внешней жизни, одну из форм духовного забвения. Следовательно, частично мифологически и психопатологически можно сопоставить опьянение, опьяняющий напиток и сперму, сому и семя. Символ восхождения и совокупления — в данном случае объединяет довольно разносторонний опыт.

Марчиновский нашел в своих исследованиях, что отец в жизни сновидения часто был «символом пережитого, устаревшего отношения». (Z. Кипа f. Ps, II, 9.)

Другие примеры — фаллос, солнце и прочие почитаемые религией объекты, Юнг (Wandl. u. Sym., PS Jb. F., IIIIV) рассматривает как символы либидо. [Понятие, расширено Юнгом почти до Шопегауэровской «воли»]. Типичный характер божеств, кроме того вполне ясно подчеркнут самим Юнгом.

Змею, означающую «отрицательный фаллос», и т.д. [подробно рассмотрено Юнгом], можно также расценить как типичный образ. Для быков, коров и других животных, встречающихся в мифологии и в сновидениях, типичны трансмутации с неограниченной возможностью интро-детерминации. Собаки часто встречаются в сновидениях, представляя наклонности животных. Зверь — это зачастую «la bete humaine» в собственной внутренней жизни сновидца. Мы познакомились с ужасными львами, медведями, и т.д., как отцовскими фигурами; здесь мы обнаруживаем новое измерение, которое ясно дает понять односторонность нашей первой концепции.

Поскольку психоанализ снискал признание, многие его последователи полагают, что в состоянии решить все психологические, эстетические и мифологические проблемы, с которыми встречаются. С его помощью сможем понять лишь половину психических импульсов, если посмотрим в корень и погрузимся во всестороннее духовное исследование. Мы должны рассматривать не только откуда мы движемся, но также и куда мы идем. Лишь только тогда можно постигнуть психическое содержимое, онтогенетическим, наряду филогенетическим методом, согласно динамической схеме.

Если мы применяем этот основной принцип к символике, то его развитие предполагает необходимость учитывать оба полюса, между которыми постигается значения, как результат процесса интро-детерминации. (Экстернализация также возможна, все же интернализацию или интро-детерминацию следует расценивать как нормальный процесс.) [Здесь мы видим соответствие процессу образования и развитию культуры. Вскоре я дам пояснение]. К самому обобщенному типу принадлежат, без сомнения, те символы или часто замаскированные образы, относительно которых любопытно, что помимо представления «титанических» тенденций, они идеальны для представления анагогического. Решение загадки в том, чтобы рассматривать эти типы образов с некоторой степенью интро-детерминации как символы нескольких основных сил души, что существует в каждом, и чьи типичные символы имеют по этой причине универсальное значение. [Я поэтому назову эти типы человеческими элементарными типами]. Например, если психоанализом

из некоторых символов, появляющихся в сновидении мы выводим отца и мать, и т. д., мы наблюдаем в этих психических образах, как психоаналитики называют их, в действительности простые типы, чье значение варьируется согласно способу их интерпретации, подобно изменению цвета многих полезных ископаемых в зависимости от угла, под которым мы поворачиваем их к свету. Фактический отец или мать, события, которые окружили их, были материалом, используемым в формировании типов; они были внешними явлениями, даже в случае, когда были значительны, как позже отца, и т. д., появляется в качестве символа, олицетворяющего тип духовной силы самого человека; это актуально в случае, если рассматриваемый человек чувствует, что желал бы походить на отца, в противном случае фигура отца не подошла бы для такого символа. И мы пойти дальше, назвав эту духовную силу образом отца. Однако, мы не должны принимать живого человека в конкретном случае (хотя не всегда) послужившего источником для типа, как нечто реальное или самое существенное. Самое глубинное живет в нас самих и переносится на окружающих людей.

Таким образом, мы приходим к двойной точке зрения на типичный символ. Типы перед нами, мы можем листать их вперед и назад. В обоих случаях будут искажения образов; мы будем часто накладывающими друг на друга объекты, несвязанные между собой, мы будем чувствовать схождение в одну точку там, где значение следует рассматривать с разных сторон. Для краткости я мог бы назвать такие ошибки ошибками суперпозиции. Это понятие, я надеюсь, еще будет развиваться в психоанализе. [Юнг пытается разоблачить ошибку суперпозиции, когда пишет: «Либи́до стремится вперед, и таким образом, в некотором смысле, кровосмешение скорее представляет собой возврат в детство. Кровосмешение не является таковым для ребенка, но лишь для взрослого с присущей ему сформировавшейся сексуальностью, реализующей эту регрессивную тенденцию, в которой он больше не ребенок, но обладает сексуальностью, что в действительности больше не может переносить регрессивное применение». Юнг, Психология Бессознательного.) Кроме того, также следует отметить, что Фрейд остерегается рассматривать кровосмешение, открытое психоанализом в слишком физическом смысле]. Ошибка суперпозиции обнаруживается не только в былых воззрениях, но и в современном представлении. Поэтому то, что я, как переводчик мистической символики, могу сказать о возможном развитии души, будет затронуто этой ошибкой суперпозиции. Я не в силах этого избежать. Но, несмотря на все, толкование символики с двух точек зрения должно превосходить одностороннее исследование;

чтобы приблизиться к целостному пониманию, чтобы остается идеалом, следует объединить различные аспекты, и чтобы ясно дать понять это, что я добавил синтетическое рассмотрение к аналитической части моей работы.

Оглядываясь на элементарные типы, мы видим инфантильные образы чье происхождение не затронуто моралью и которые обнаруживаются в нас методом психоанализа; глядя вперед мы замечаем мысли, направленные к определенным целям, о которых пойдет речь позже. Сами элементарные типы благодаря интро-детерминации представляют собрание наших духовных сил, которые мы сформировали и применили в то время, когда эти образы возникли, и которые по своей природе тесно связаны с этими образами. В действительности они полностью слились с ними в результате ошибок суперпозиции. Это сосредоточение сил сопровождает нас всю жизнь, и именно из него мы черпаем ресурсы, необходимые для последующего развития. Объектов применения меняются, силы же остаются почти неизменными. Символика материальных категорий, которая зависит от внешних факторов меняется; но символика функциональных категорий, которая отражает эти силы, остается постоянной. Типы с их интро-детерминацией относятся к функциональным категориям; и таким образом, они отображают постоянные качества.

Опыт, заключенный в символике (выраженный словесно посредством интроверсии) как возможный способ духовного развития, соответствует религиозному идеалу; интенсивное переживание этого развития называют мистицизмом. [Мы можем определить мистицизм как такое духовное состояние, которое стремится к достижению конечной цели религии самым коротким путем — единение с божественным; или как интенсивное возделывания себя, чтобы пережить это единение]. Вместо того, чтобы смотреть назад мы вглядываемся вперед, смотрим наружу сквозь наши элементарных типы. Но давайте не забывать, что мы можем расценивать мистицизм только как нечто радикальное, и поэтому психически самое глубинное разворачивание духовной жизни, как, идеал, который едва ли можно достигнут, хотя я рассматриваю так много возможностей в этом отношении. Если мое более позднее исследование приведет нас прямо в сердце мистицизма, не заставляя точку зрения очиститься всякий раз, мы теперь знаем, к ограниченности какого рода нам следует готовиться.

Если я принимаю точку зрения, что те силы, образы которых (в целом скрытые в символике) являются элементарными типами, не изменяются, то полагаю, что они могут сублимироваться. По мере роста знания человека они питают возвышение человеческого рода, который все же демонстрирует в распознаваемой форме основную природу сил. Один из самых

важных типов, в которых осуществляется этот процесс преобразования, и который совершенствует импульс и все же позволяет оставаться части его характера, является материнским типом, то есть, кровосмешением. Среди религиозных символов мы находим бесчисленные изображения кровосмешения, но тот факт, что понимание кровосмешения в узком смысле не подходит для толкования их психологической основы (доказано посредством анализа), был признан Юнгом наряду с другими аналитиками. Поэтому в случае всякой символики, склоняющейся к этическому развитию, ее необходимо рассматривать и с анагогической точки зрения, и больше всего это касается религиозной символики. Импульс, соответствующий религиозным символам кровосмешения, состоит в исключительно в тенденции к интроверсии и перерождению, что будет рассматриваться позже. [см. заметку С, в конце книги]

Я только что использовал выражение «сублимация». Этот Фрейдистский термин и понятие встречаются в аналогичном значении у герметических авторов. В сосуде, где свершилась мистическая работа образования, то есть, в человеке, вещества сублимированы; в психологических терминах это означает, что импульсы усовершенствованы и возвышены от своего низкого до более высокого уровня. Фрейд поясняет, что либидо, особенно несоциальное сексуальное либидо, возвышается при благоприятных обстоятельствах, то есть, трансформируется в социально-приемлимую форму. Это происходит в процессе развития человеческого рода и резюмируется в образовании человека.

Я принимаю как очевидное, что основные свойства элементарных психических сил, которыми осуществляется сублимация, наиболее распознаваем, когда процесс сублимации стремителен. В мистицизме, например, основные свойства проникают в первоначальные мотивы, потому что более поздние стремятся привести относительно сублимированные импульсы к цели последующей сублимации самым коротким путем. Посредством мистицизма в людях реализуются процессы, которые иным путем заняли бы время жизни нескольких поколений. Потому сказанное о постоянстве основных сил или их основного мотива, полностью соответствует их назначению в мистическом развитии.

Мусульманский мистик Arabi (1165–1240) пишет: «Любовь как таковая, в ее индивидуальной жизни, является тем же самым для чувственного и духовного, поэтому одинакова для каждого араба (аллегория) и для меня, но объекты любви отличаются. Они любят чувственные явления, в то время как я, мистик, люблю самое глубинное». (Horten, Myst. Texte, p. 12.)

Религиозно-мистическое применение фундаментальных сил, представленных типами, в форме сублимации, не демонстрирует потому в отличие от их ретроспективной формы (титаническая, бесцельная форма) чрезвычайно иную природу; важная особенность состоит в том, что они больше не используются эгоцентрично, но приобретают этически ценное содержание, которому способствовала интро-детерминация. Детерминация, внешние аспекты которой мы заметили в типах или символах, является только видимым выражением намного более важной интро-детерминации, реализация которой состоит в расширении индивидуальности и будет позже рассмотрена подробно.

В ходе психоаналитического рассмотрения алхимической притчи казалось, что только титанические импульсы нам были понятны, например, инцест и убийство отца. Теперь мы обнаруживаем соответствие действительно существенной интро-детерминации, когда слышим, что в алхимической работе отец тождественен сыну, и когда мы понимаем, что отец — состояние или потенциальная психическая возможность «сына», которую сын должен завоевать в себе самом, точно таким же образом, как Леа в лекомантическом исследовании стремилась оттолкнуть старика.

Алхимик Rulandus (Lex., p. 24) цитирует «Turba»: «Возьмите белое дерево, постройте из него круглый, темный, окруженный росой дом, и поместите в него столетнего человека и запирайте его так, чтобы никакой ветер или пыль не могли добраться до него (интроверсия); затем оставьте его там на восемь дней. Я говорю вам, что тот человек будет продолжать есть плоды дерева, пока он не станет молодым человеком. О, как прекрасна природа, вот отец, становится сыном, рожденным вновь!» Там же: «Камень [который в анагогическом смысле обозначает человека], является сначала старец, а впоследствии становится молодым; отец должен умереть, а сын родиться, умереть друг с другом и возродиться друг с другом».

Мы должны продолжать двигаться дальше, если мы хотим интерпретировать притчу анагогически.

Как я уже подчеркивал в анагогической интерпретации сказки, символ интроверсии демонстрирует, конечно, также характер интро-детерминации.

Что касается природы относительно неизменных духовных тенденций, представленных элементарными типами [Которые можно также назвать в мифологическом исследовании основными побуждениями], простое исследование основ без какого-либо запутанного психологизма, сразу приводит нас к элементарной схеме, помогающей нам понять изменения

(интро-детерминацию), которые имеют место в соответствии с элементарными типами. Здесь мы должны исследовать лишь самые простые реакции человека, обязательно сопровождающие соприкосновение с внешним миром; реакции, которые становятся постоянными формами опыта, которые приблизительно так же самоочевидны как либидо. Выраженность эгоизма, задействованного в элементарных тенденциях, согласно опыту психоанализа, очень велика. С этой целью я выбрал для последующего чрезмерно эгоцентричное выражение «титанического» аспекта, ретроспективной формы, тенденции; и эта вычурная экспрессия, казалось бы, весьма нежелательная при рассмотрении основы религиозного развития, позволяет нам, благодаря принципу интро-детерминации, понять это развитие.

Начиная с либидо в самом общем смысле, мы открываем, прежде всего, два явления — удовольствие и неудовольствие, в результате которых мгновенно формируется принятие и отвращение. Препятствия могут осложнять оба действия, так, что принятие становится грабежом, а отвращение становится уничтожением. Эти возможности могут реализовываться действиями настолько, насколько они фактически выполнимы. Во всех случаях они присутствуют в психике, и в своей сырой примитивной форме играют немаловажную роль в душе ребенка. В действительности восприятие ребенка как маленького ангела представляет собой лишь слепую сентиментальность, поскольку истина далека от этого образа так же, как и от его противоположности. Мы должны остерегаться расценивать сырую форму импульса как сырую в понимании образованного человечества, что усматривает в грубости нечто нравственно низшее. На примитивном или ребяческом уровне в грабеже или уничтожении едва ли существует малейшая частица вредоносности. Можно многое рассказать о психологии и этике ребенка. Я не могу, однако, глубоко погрузиться в эту обширную и интересную тему.

Основные тенденции в случае направленности в отношении людей из окружающей среды производят определенные типичные явления. К сожалению, я могу описать их лишь в выражениях, использование культурным человеком которых вызывают мысли о криминале. Их следует описывать этически бесцветным языком. [Сновидение и миф нашли для них язык символики]. Препятствие другого человека реализации импульса пробуждает тенденцию к избавлению от этого человека, его убийству. Тип человека, вызывающего затруднения всегда — преподаватель (отец, в конечном счете, мать). Польза, что он приносит в тоже самое время, менее ценится, потому что психический аппарат естественным образом

стремится к удовлетворению желаний, и почти всю свою энергию направляет на получение удовлетворения и избавления от препятствий к этому. [Признание благодарности, благодарности, и т.д., обычно предполагает сублимацию; оно не принадлежит титаническому аспекту. Форма оценки этой доброты, однако, приходит на ум. В отношении матери со стороны ребенка, хотя это полностью игнорировалось в течение долгого времени, очень рано и постепенно увеличиваясь возникает сексуально-tonированное чувство; проявления этого чувства очень тусклы и время от времени могут полностью исчезать. В этой «любви» содержится зачаток желания, эротической апроприации. Любая женщина из окружающей среды и в особенности мать должны сформировать идеал желаемой женщины. Поскольку отец воспринимается как препятствие в любви к матери, то он, согласно элементарной тенденции, должен быть убит, чтобы устранить препятствие, и так возникает импульс убийства, относящийся к Эдиповому комплексу. [У ребенка нет ясного представления о смерти. Это — только вопрос желания убрать кого-то с пути. Если этот основной мотив рассматривается нами впоследствии как «убийство», только лишь из-за ошибки суперпозиции, так же, как позже упомянутое «насилие»]. Поскольку сама мать не отвечает желаемой нежностью или отказом, действует корректирующее, продолжая образование, она, также, становится препятствием, индивидуальностью контрастирующей с «дорогой» матерью; контраст погружает психику в беспокойство и горечь. Источником беспокойства преимущественно служит конфликт психических тенденций, которые происходят из сосуществующих любви и ненависти в отношении одного человека. Соответственно, отказ матери должен быть уравновешен насилем над ней. Другая причина влечения к матери помимо эротически-tonированной — желание ее заботы, вызванное затруднениями при сталкиваются с миром. Это — лень, восстающая против сложностей жизни. Стремление к легкости — в психологическом отношении очень важный фактор. Дом — вообще место защиты; характерное его воплощение — исключительно мать. Мы говорим о материнской заботе, но меньшем количестве отеческой заботы. Я отметил заботливый тип матери в истории о трех перышках, где жаба мать дарует подарки из большого сундука. По мере того, как заботящаяся мать отказывается от выполнения просьб, обращенных к ней, и по причине необходимости толкает ребенка в мир, или по мере того, как любые другие препятствия (трудности жизни) возникают на пути удовлетворения ленивого, «накормите меня» состояния ума, подобно ангелу с пламенным мечом перед входом в рай, препятствующая сила появляется в виде «ужасной» матери — картина,

ужасность которой все же усилена работой конфликта кровосмешения. В этом смысле любимая мать — враждебная личность.

В отношении процесса обучения со стороны родителей, который ребенок ощущает как педантизм, или иного непонятого действия, он вступает в протест, заканчивающийся попыткой изменить грубый образ жизни, исполненной надежд попыткой достичь творческого «улучшения», которое я уже обсудил. Иногда возникает желание умереть. Далее препятствия, которые стоят на пути к полноценной эротической жизни во внешнем мире, ввиду их непреодолимости или лени, приводят к аутоэротизму. (Встречается даже в раннем детстве как побочный результат деятельности импульсов. Приведенную схему не следует рассматривать как историческое или хронологическое развитие, но тенденции тесным образом связаны друг с другом, как и с возникновением психических ограничений, которые вообще не рассматриваются; выделяя их, мы совершим ошибку.)

Мы рассмотрели следующие главные силы: 1. Устранение препятствий. 2. Желание заботы родителей. 3. Желание удовольствия [особенно женщины]. 4. Аутоэротизм. 5-6. Совершенствование и воссоздание. 7. Желание умереть. Следующая схема демонстрирует (титанические) ретроградные и соответствующие им анагогические аспекты этих сил, которые позже будут соотнесены с интро-детерминацией типов и разновидностями сублимации импульсов.

РЕТРОГРАДНЫЙ АСПЕКТ

1. Убийство отца.
2. Стремление матери (лень)
3. Кровосмешение.
4. Аутоэротизм
5. Соединение с матерью.
6. Усовершенствование.
7. Желание умереть.

АНАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

1. Убийство старого Адама.
2. Интроверсия.
3. Стремление к идеалу.
4. Сиддхи (1).
5. Духовная регенерация.
6. Воссоздание.
7. Достижение идеала.

¹ — объяснение будет дано позже

Более тщательное исследование механизма психической сил в развитии мистицизма, отразило бы подробнее, как все, что происходит, используется в отношении интро-детерминации в процессе обучения. Было бы интересно, например, исследовать применение различных типов чувственного восприятия к интроверсии и установить, как они

изменяются. Довольно примечательно, что чувства вкуса и запаха играют заметную роль в описаниях, представленных людьми, следовавшими путем мистицизма. Я упомяну аромат непорочности и его противоположность — дьявольский аромат зла. Экспериментатор в магии, Staudenmaier, о котором будет рассказано позже, установил в собственном случае соответствия частей своей души (персонификации, автономные комплексы) с определенными физическими функциям и органам. Некоторые злые части души, которые в видениях являлись ему в образе дьявольского козла, были связаны с функцией определенных частей нижнего отдела кишечника.

Мистицизм стимулирует намного более сильную сублимацию импульсов, чем обычное обучение людей. Таким образом, нет ничего странного, если интро-детерминация не достигает желаемого быстро, но остается фрагментарной. В таких неудачных или фрагментарных случаях интро-детерминированные силы проявляют себя нечто большее, чем простые следы их менее совершенного прошлого. Герои такого потерпевшего неудачу мистицизма проявлялись как довольно необычные святые. Так, например, теплая любовь графа фон Цинцендорфа к Спасителю пропитана чувственным ароматом и, кроме того, такой решительной порочностью, что излияния его восторга весьма смехотворны. Таким образом, набожный человек потворствует своей фантазии с отмеченной склонностью к чувственности, безошибочно идентифицируя рану в теле Иисуса и с вуввой.

Возвращаясь к ранее упомянутым «духовным силам» я должен сказать, что алхимия также пытается включить в краткую схему силы, используемые в Большом Делании. Она использует различные символы с этой целью; один из самых частых — семь металлов или планет. Говорю ли я с астрологами, что душа (не небесный дух, полученный от Бога) течет с этих семи планет на человека, потому состоит из их семи влияний, или с алхимиками, я говорю об этих семи металлах, которые объединяются в микромире, это одно и то же, но выраженное другим, тесно связанным символом. Металлы, как мы знаем, несовершенны и должны быть «улучшены», или «сделаны полноценными». Это означает, что мы должны сублимировать наши импульсы.

«От самого высокого до самого низкого восходит промежуточными шагами на бесконечную лестницу таким образом, что их образы и изображения, как продукты божественного ума, посредством богов и полубогов передают свои дары и свет людям. Самые высокие из них: Дух вопрошания, власть и собственные силы, бесстрашие, четкость

восприятия, горячая привязанность, острота в искусстве выражения и плодотворная творческая сила. Все эти могущественные силы изначально находятся в Боге. От него произошли эти семь духов и божеств, которые управляют этими семью планетами и называются ангелами, чтобы каждый получил свое, отличное от остальных. Они разделяются и на семь демонов, подчиненных им, один другому. И они, наконец, передают их людям». (Adamah Booz. Sieb. Grunds., p. 9 и следующие)

В этом перечислении фундаментальные силы, разделение которых разнообразно, уже показывают определенную меру интро-детерминации. Если мы хотим противопоставить их титаническое значение анагогическому, мы получим приблизительно следующую схему, к которой я добавляю знакомые астрологические соответствия семи планет.

Разрушение (кастрация) — Интроверсия. (♁)
Мастерство — Владение собой. (♃)
Любовь к сражению — Вражда против себя. (♄)
Либи́до — Сублимированное либи́до. (♅)
Сексуальная жизнь, кровосмещение. — Регенерация. (♆)
Гиперкритицизм — Знание. (♇)
Радость в изменении; Улучшение. — Изменение себя. (♈)

Касательно разделения основных сил на семь, в алхимии, должно быть, существуют и другие схемы с другими символами. Мы должны, кроме того, иметь в виду, что символы в алхимии используются во многих смыслах.

Поскольку Созвездия, как они часто понимаются в герметическом искусстве, являются фундаментальными психическими силами, то когда Парацельс выражает мнение, что во сне «сидерическое» тело находится в свободном движении, поднимается до отцов и взаимодействует со звездами — это звучит в духе психоанализа.

Относительно интро-детерминации я должен обратиться к своим наблюдениям в следующих разделах на расширение индивидуальности. Важный факт заключается в том, что те внешние преграды, которые выступают против несдержанного разворачивания титанических импульсов, постепенно проникают в виде ограничений в психику, которая принимает внешние законы, делающие жизнь реальной. Если глубокие конфликты тому не препятствуют, действие этих законов оказывает соответствующее

влияние на наклонности. Даже ношение тяжелого хомута с любовью может стать привычкой и состоянием жизни. Я только что сделал ограничение: если конфликты не препятствуют тому; обычно же они существуют, даже у мистиков; и «Делание», прежде всего, направлена на их преодоление. Для уничтожения оппозиции оружие, нацеленное наружу в «титанической» фазе, должно быть перенаправлено внутрь; конфликт находится там, а не за пределами нас. [Здесь мы видим интро-детерминацию, кратко рассмотренную выше].

В. ПОСЛЕДСТВИЯ ИНТРОВЕРСИИ

Интроверсия — не игрушка. Она ведет к бездне, где можно полностью оказаться во власти воспоминаний. Всякий, отдавшийся интроверсии, оказывается там, где дорога расходится на два пути; и тогда он должен принять самое трудное решение. Символ бездны и расходящихся путей явно присутствовал в нашей притче. Возникновение подобного мотива в мифах и сказках нам также знакомо. Здесь очевидна опасность, герой обычно совершает типичную ошибку, и затем должен приложить небывалые усилия, чтобы спасти себя от последствий таких ошибок. Еще один неверный шаг, и все бы пропало.

Соответственно, интроверсия приводит к двум вариантам исхода — обрести то, что достигается мистицизмом или потерять себя.

В процессе интроверсии либидо спускается в «свои собственные глубины» (такое выражение любит использовать Ницше), и находит аналог покинутого внешнего мира в тених бессознательного — мир фантазии и воспоминаний, где наиболее сильны и влиятельны ранние инфантильные образы, содержащиеся в памяти. Мир ребенка, дивный сад раннего детства, с которым нас разлучили усвоенные строгие правила. В этом подземном царстве дремлют сладкие чувства и бесконечные надежды на то, что все произойдет само собой. Потому Мефистофель и говорит: «Велика опасность». Глубина обольщает, она и «мать», и смерть. Если либидо задерживается в волшебном царстве внутреннего мира, то человек становится тенью во внешнем мире. Он подобен мертвецу или смертельно больному; если либидо прорывается сквозь себя, освобождается и реализуется во внешнем мире вновь, то тогда случается чудо; это подземное путешествие становится для него источником молодости, а его мнимая смерть оборачивается возрождением к новой жизни и небывалыми возможностями. Данный ход событий очень красиво описывается в индийском мифе: Однажды Вишну, поглощенный восторгом

(интроверсия), родил в этом сне Брамму, восседающего на цветке лотоса. Он появился из пупка Вишну, неся Веды и увлеченно читая их. (Рождение творческой мысли посредством интроверсии). Из-за отрешенности Вишну мир поглотило чудовищное наводнение (поглощение интроверсией, символизирующее опасность вступления в обитель смерти). Демон, воспользовавшись положением, украл веды у Брахмы и спрятал их в глубине вод (поглощение либидо). Брахма разбудил Вишну, и он, превратившись в рыбу, нырнул в воды, сразился с демоном (битва с драконом), победил его и вернул веды. (Награда, полученная с трудом). [см. Юнг, «Психология Бессознательного»].

Чудо исцеления, как результат успешной интроверсии, сопоставимо с тем, что почувствовал Антей, коснувшись своей матери — земли. Мать, к которой приводит нас интроверсия, воплощает дух человечества и поток могущественной силы. «Уход в себя, означающий возвращение к инфантильному отношению к родительским образам, кажется, в определенных пределах оказывает благоприятный эффект на состояние человека». Штекель пишет об этом источнике силы (Nerv. Angst., p. 375): «Когда человечество желает создать нечто великое, оно должно погрузиться в глубокий океан своего прошлого».

Я хочу процитировать философа-мистика Жана Батиста ван Гельмонта (1577–1644). Он пишет: «Магическая сила человека, действующая снаружи, скрыта, на самом деле, во внутренней жизни человечества. Она спит и ежедневно действует, не будучи пробужденной, и будто в пьяном оцепенении внутри нас... Поэтому мы должны молиться Богу, которого можно чтить только в духе, то есть, в сокровенной душе человека. Потому я говорю, что искусство Каббалы требует души и магия представляет собой естественную силу, которую после пробуждения надлежит поместить во внутреннее хранилище. Магическая сила погрузилась в сон из-за греховности и должна пробудиться. Это происходит или освящением Святым Духом или усилиями самого человека, способного пробудить эту силу произвольно посредством искусства Каббалы. Таковых называют изготовителями золота [нотабене!], и их наставником (пастором) является Дух Божий... Когда Бог создал душу человека, он передал ей фундаментальное и главное знание. Душа — зеркало вселенной и связана со всем Сущим. Она освещена внутренним светом, но шторм страстей, разнообразие чувственных впечатлений и другие отвлекающие факторы затмевают свет, лучи которого распространяются наружу, если все в нас находится в мире и гармонии. Если мы будем знать, как оградиться от всех внешних влияний и готовы отдаться во власть этого внутреннего

света, то мы найдем чистое и истинное знание внутри самих себя. В этом состоянии концентрации душа различает все объекты, на которые обращает свое внимание. Она может объединяться с ними, проникать внутрь их природы; она может самостоятельно достигнуть Бога, и познать в нем самые важные истины». (Ennemoser, *Gesch. d. Mag.*, pp. 906, 914.)

Штауденмайер, проводивший над собой эксперименты, преимущественно магические, недавно описавший свой опыт в интересной книге «Die Magie als experimentelle Naturwissenschaft», полагает, что посредством интенсивной интроверсии освобождаются психофизические ресурсы, которые делают его более продуктивным. Определенно, становится возможным задействование для интеллектуальной работы нервных центров, неиспользующихся сегодня при сознательном функционировании нормального человека. Так, можно добыть сокровище (методами, имеющими значительный характер интроверсии), сокровище, позволяющее расширить границы мышления и чувственного восприятия. Даже если Штауденмайер в критическом исследовании его аномальных функций мог находиться под их влиянием, то было бы еще более ошибочным обозначить их просто как «патологические».

Эннемозер говорит относительно опасности интроверсии (I. с., p. 175): «Когда же в людях, нечистых сердцем, посредством естественных разрушительных сил и духовных отношений со злом пробуждаются самые глубокие трансцендентные силы, темные силы могут очень легко захватить основы чувства и разоблачить нравственные пропасти, скрытые от человека в течение долгого времени, такие, от которых отступает человеческая натура. Подобное вдохновение злом известно, по крайней мере, в религиозном обучении евреев и христиан, и Пророки описывают его как соглашение с дьяволом (Исайя XXVIII, 15)».

Откуда исходит угроза? Она из исходит из сильной привлекательности для нас того мира, что открывается через интроверсию. Мы спускаемся туда, чтобы подготовиться к новым сражениям, но мы избегаем их; поскольку мы чувствуем себя в объятиях мягких ласковых рук, которые приглашают нас остаться, мечтать и очаровываться мечтами. Этот факт соотносится в значительной степени с ранее упомянутым стремлением к комфорту, нежеланием расстаться детством и заботливыми руками матери. Интроверсия — превосходная дорога к ленивому фантазированию в направлении регресса.

Среди психопатологов Юнг особенно настаивал на опасности лениности. По его словам, либидо чудовищно лениво и не желает отпустить любой объект прошлого, предпочитая сохранить его навсегда. Лень

в действительности является страстью, как блестяще отмечает Ларош-фуко: «Из всех страстей наименее понятна нам лень; она является самой неутомимой и пагубной из них, хотя ее ущерб не столь очевиден». «Опасная страсть, охватывающая примитивного человека более, чем все другие; Она скрывается за подозрительной маской символов кровосмешения, и страх кровосмешения отпугнул нас от нее. Именно она под маской «страшной матери» прежде всего должна быть побеждена. [Смотри, Примечание D. Чтобы избежать неправильного понимания отрывка, нужно отметить, что лень не должна рассматриваться как единственная основа символики кровосмешения]. Она — мать бесконечного числа болезней, многие из которых являются невротическими. Из остатков либидо в особенности развиваются те разрушительные фантазии, которые так окутывают действительность, что адаптация становится почти невозможной». (Юнг, «Психология Бессознательного».)

То, что лень и уход от трудностей жизни обозначается так часто в психологии и в мифологии символом матери не удивительно, но я все же хотел бы привести в качестве иллюстрации эпизод войны Кира против Астиага, описание которого я нашел в Dulaure Krauss-Reiskel (Zeugg., стр. 85.) После того, как Астиаг поднял войска, он с пламенным рвением обрушился на армию персов, та была застигнута врасплох и отступила. Их матери и жены прибыли к ним просить о новом нападении. Видя их нерешительность женщины разделись перед ними, указали на свою грудь и спросили, сбегут ли они к грудям своих матерей и жен. Этот жест укора смотивировал их вернуться и победить.

О происхождении мифологического и психологического символа страшной матери: «В человеке, кажется, продолжает существовать глубокое негодование на жестокий закон, некогда отделивший его от импульсивной жизни и от очарования животной природы, гармоничной и естественной. Это разделение ясно выражается в запрете на кровосмешение и его следствиях (законы о браке). Следовательно, боль и негодование направлены в сторону матери, как будто она виновна в подчинении сыновей мужчин. Чтобы не ощущать своего желания кровосмешения (регрессивный импульс животной природы), сын возлагает всю вину на мать и так порождается образ «страшной матери». «Мать» становится призраком беспокойства для него, кошмаром». (Юнг, «Психология Бессознательного».)

Змея должна рассматриваться как мифологический символ либидо (как и в сновидениях), которое интровертируется и входит в опасную запретную область желания кровосмешения (или только в тенденцию

к уходу от жизни); и особенно это подчеркивается (хотя не всегда), если змея появляется как вселяющее ужас животное (выражение образа страшной матери). Таким образом, дракон тождественен змее, она может заменяться и другими монстрами. Фаллическое значение змеи, разумеется, достаточно известно; змея как ядовитое ужасное животное указывает, однако, на особый фаллос, либидо в состоянии беспокойства. Юнг, предложивший обильный материал для рассмотрения этой символики, называет змею «отрицательным фаллосом», фаллосом запретным по отношению к матери, и т. д. Я вспомнил бы, что в алхимии также существует символ змеи или дракона, использование которого созвучно предыдущей концепции. Он связывается с символами интроверсии и являет собой «ядовитое». Змея беспокойства — «страж порога» оккультистов; дракон, охраняющий сокровища в мифологии. Змея должна быть побеждена в мистической работе; мы должны справиться с конфликтом, который является душой змеи.

В мистических наставлениях индийской йоги также встречается символ змеи, которую интровертирующий человек должен разбудить и победить, после чего он обретает ценные возможности. Эти змеи [кундалини] рассматриваются мистиками Йоги как препятствие в человеческом теле, которое закупоривает определенные вены, или нервы (анатомия индуистских философов довольно неоднозначна в данном вопросе), и если они освобождаются, дыхание жизни (Прана) дарует поразительное могущество через тело. Главный канал в теле, который должен быть освобожден для усилившихся жизненных энергий, обычно описывается как сушумна (насколько я знаю, точно не определено, является ли брюшная аорта или позвоночник анатомическим основанием для идеи центрального канала) и средний путь между двумя другими противоположными каналами дыхания, которые называют «пингала», правый, и «ида», левый. (Обратите внимание, здесь сравниваются противоположности.) Я процитирую несколько отрывков о кундалини и ее роли в начале мистической работы.

«Поскольку Ананта, царь всех нагов, держит на себе целую вселенную со всеми горами и лесами, то, кундалини — главная опора всех методов йоги. Когда кундалини спит и пробуждается благодаря гуру [духовный учитель], то проходит сквозь все лотосы [лотос здесь обозначает нервный центр] и грантисы [узлы, нервные сплетения?]. Тогда Прана проходит по королевскому пути, сушумне. Затем ум останавливается, и так йог обманывает смерть... Потому, йог должен тщательно практиковать различный мудры [упражнения], чтобы пробудить великую богиню [кундалини], что спит и закрывает сушумну». (Hatha Yoga Prad., III, 1–5.) «Поскольку всякая

дверь открывается ключом и усилием [дверная символика] [«Diederich» Странника в притче], то йог должен приложить усилия, чтобы открыть дверь мокшы [избавление] с помощью кундалини. Парамешвари [великая богиня] спит, закрывая своим ртом проход, через который можно попасть в брахмарандхру [отверстие или место на голове, где божественный дух, Брахма или Атман, входит в тело; анатомическим основанием для этой наивной идеи, возможно, является один из швов черепа, возможно лобный шов; брахмарандхра — вероятно, цель проходящего через освободившуюся сушумну духа], где нет никакой боли или страдания. Кундалини дремлет выше канды. [Канда, для которой мы едва сможем найти соответствующий орган, расположена между penisом и пупком]. Она позволяет йогам достичь мукти и неволит глупцов. [Посмотрите позже результаты самоанализа]. Познавший ее познал йогу. Кундалини описывается как свернувшаяся змея. Тот, кто заставит эту шакти [вероятно, сила] двигаться..., без сомнения находит освобождение. Между Гангой и Ямуной [две реки в Индии, которые часто используются символически, вероятно, для обозначения правого и левого канала дыхания жизни, ингалы и иды] восседает молодая вдова [любопытная характеристика кундалини], вселяющая жалость. К овладению ей следует применить силу, поскольку это приведет к высшей обители Вишну. Ида — священная Ганга и пингала — Ямуна. Между идой и пингалой восседает молодая вдова кундалини. Вы должны пробудить спящую змею [кундалини], схватив ее за хвост. Проснувшись, она начнет подниматься насильственно». (Natha-Yoga, Prad., III, 105–111.) Рам Прасад («Nature's Finer Forces», р. 189, р. 189), пишет о кундалини:» Эта сила спит в развитом организме. Именно эта сила обеспечивает питание растущего плода от организма матери через пуповину и распределяет питание по различным местам, тогда как семиальная прана придает ему форму. Когда ребенок отделяется от матери, сила засыпает». Здесь кундалини шакти появляется в очевидной связи с матерью. Шива — бог [образ отца], наиболее почитаем среди йогов. Супругу Шивы, однако, называют Кундалини.

Мифологически выраженная, интроверсия разрешается успешно, если герой побеждает дракона. В случае, когда этого не происходит, то исход печален; человек теряет себя. По моему мнению, потерять себя можно двумя способами, один из которых активный, а другой — пассивный. Возможно всего три исхода интроверсии. Положительный исход — вхождение в истинную мистическую работу, говоря кратко, в мистицизм. Негативные исходы — активная магия и пассивная шизофрения (психоз интроверсии). В первом случае происходит внутреннее

воссоединение, в других двух - потеря себя; в магии всякий теряет себя в страстях, которые стремится удовлетворить магическим образом, освобождая себя тем самым от естественных законов; в случае умственной болезни поражение проявляется ленью и духовной смертью. Три пути, по которым идет человек, погрузившийся в интроверсию примерно соответствуют трем другим возможностям в жизни: работа (мораль), преступление и самоубийство. Эти три возможности, конечно, признаются герметическим искусством; Им выделяются три основных силы, которые не могут привести ни к какому другому психическому результату. Две из этих основ прямо противоположны (в неочищенном состоянии вещества). Они хорошо нам знакомы как $\triangle$ и ∇ , и т.д. Третья основа находится ровно посередине между двумя другими, как посох Гермеса между двумя змеями. Так символ $\wp$, как посох Гермеса со змеями, объединяет все три. В данном аспекте этим трем свойствам или составляющим материи (пракрити), трем основным силам алхимии очевидно соответствие в индуистской доктрине санкхья. Саттва, Раджас и Тамас, переведенные (Шредером) как «чистота, страсть и тьма».

В Бхагавад-Гите сказано о счастье, даруемом каждой из этих трех гун:

«Здесь отдыхают после тяжелой работы и приходят, когда завершают тяжкий труд,
Счастье, что по началу кажется ядом, наконец становится нектаром.
Такая судьба действительно несет благо сквозь радость духа.
[Саттва].

Счастье, что сперва подобно нектару, и наконец оказывается ядом,
Приковывая чувства цепью к миру, принадлежит сфере страсти.
[Раджас].

Счастье, от начала и до конца несущее душе заблуждение,
Во сне, праздности, лени, такое счастье принадлежит тьме». [Тамас].

«Страсть» и «тьма», Раджас и Тамас, (в алхимии, обозначаемые $\triangle$ и ∇ , также часто σ и ρ), указывают на ложный путь, опасность интроверсии. Они приводят к тому, что Gorges (Christl. Myst.) описывает как «бесноватый» мистицизм в противопоставлении божественному мистицизму. Все мистические наставления предостерегают от ложного пути и часто подчеркивают, что мы можем легко заблудиться даже там, где есть благое намерение. Нечестивый знает, как с помощью обмана и иллюзий

преподнести ложный путь как верный, чтобы запутать еще больше ничего не подозревающего справедливого, но не находящегося под защитой человека. В сердце каждого должны лежать тщательное изучение себя и точное наблюдение за действием духовных упражнений. Все же силы, корнящиеся в самой глубокой тьме души (в бессознательном) и поднявшиеся на поверхность играют важную роль. [После написания этих строк, я прочитал короткую статью доктора Карла Фертмюллера под названием «Психоанализ и этика» и встретил там отрывок, который я приведу здесь ввиду его соответствия моему предположению. Я должен упомянуть в начале, что согласно Furtm ller, психоанализ особенно эффективен в проникновении за ограничения обыденного сознания, которое осуществляет лишь самопроверку в сфере сознательного, пренебрегая неосознанными импульсами, столь важными для выполнения действий. В интересующем нас отрывке мы читаем: «Есть достаточно оснований считать, что эти базовые принципы, заставляющие пересмотреть всю жизнь в новом свете, признавались или о них догадывались даже в прежние времена. Раннее христианство полагало, что демоны могли захватить сердце человека, принимая обличие Бога, и человек осуществлял замыслы дьявола, принимая их за замыслы Бога. Это похоже на символическое представление игры сил, которые описаны выше». Игра этих сил действительно была знакома цивилизованным религиозным народам всех времен. Касаемо христианства, то, что автор утверждает в отношении его начала, справедливо и к более раннему времени. Мы уже знаем, что одна из первых работ мистицизма состоит в облагораживании совести, в самой тонкой очистке внутреннего глаза, выносящего суждения. Утверждения психоаналитика предельно соответствуют истине]. Вместо многих примеров я с удовольствием приведу единственную, но поучительную цитату Уолтера Хиттона, великого знатока внутренней жизни из его «Scala Perfectionis» (Tract. v. Gust. pub. 1721, pp. 188 ff.) в переводе Beaumont. Он пишет:» Как я говорил, мы можем в некоторой степени пережить видения и откровения, любые проявления духа в физическом мире или воображении, во сне или в момент пробуждения или любые другие физические ощущения, которые, на самом деле, имеют духовную природу, воспринимаемые как звук, вкус, запах или жар, согревающий грудь или любую часть тела или предмет, даже если это не так приятно, — все это не созерцание или наблюдение; но в отношении духовных добродетелей и любви к Богу, что сопровождают истинное его созерцание, лишь пагубные побочные явления, даже если они, кажутся благими. Все эти виды ощущений могут быть полезны, если исходят от доброго ангела, но могут, однако, быть обманом злого

ангела, если он притворяется ангелом света. Дьявол может подражать в физических проявлениях светлomu ангелу. Подобно добрым ангелам он может являться, окруженный светом. Такое же воздействие он может оказывать на предметы, что появляются перед глазами, и тем самым вызывать различные чувства. Человек, знакомый с двумя типами таких явлений может различить благое и злое. Но незнакомого ни с одним или лишь с одним очень легко обмануть».

Внешне, в качественном смысле, все они схожи, но внутренне очень различаются. Потому мы не должны слишком сильно желать их и легкомысленно утверждать, что душа может отличить добро от зла духом различения. Св. Иоанн говорит: «Не верьте всякому духу, но убедитесь сперва от Господа он или нет». Хиттон дает следующее правило, помогающее понять природу воспринимаемого явления:

«Если Вы видите необычный свет или сияние вашими физическими глазами или воображением, или если слышите какой-либо удивительный сверхъестественный звук, или внезапно чувствуете сладкий вкус во рту или тепло в груди, приятный огонь в какой-либо части тела, или если вы видите дух в физической форме, будто ангела, пришедшего укрепить и наставить вас, или если чувствующее нечто иное, и знаете, что это не исходит от вас или какого-либо физического существа, то внимательно понаблюдайте за собой и оцените эмоции трезво. Если вы будете руководствоваться чувством удовольствия или удовлетворения, получаемым таким образом, то знайте, что ваши сердца далеки от созерцания Иисуса Христа и от духовных практик. Далеки они и от молитвы, познания себя и своих недостатков, от возвращения к добродетели, духовному знанию и восприятию Бога. В результате, ваше сердце, предпочтения и желания зависят в основном от вышеупомянутого чувства, и вы стремитесь к нему, будто оно является частью блаженной радости или небесного счастья, и потому Ваши мысли не позволяют молиться или думать о чем-либо еще, но вынуждают полностью уступить ему. В таком случае эти ощущения, по-видимому, свидетельствуют о пришествии Врага; он очень изощрен и искушен, потому его атаку непросто заметить и принять. Такова ловушка Врага, вводящая душу в заблуждение подобными физическими ощущениями или приятностью чувств, чтобы заманить ее и швырнуть в духовное высокомерие и ложную безопасность, что прельщает райским блаженством и создает ощущение, будто человек ступает в рай, когда в действительности он стоит у врат ада, и потому, под влиянием гордыни и самонадеянности совершаются ошибки, ересь, фанатизм и случаются другие физические или духовные бедствия».

«Однако, в случае, если эти явления не уведут Ваши сердца от духовных практик, но делают вас еще более преданными, более искренними в молитве и более мудрыми, чтобы взращивать духовные мысли; если вы сперва удивляетесь, но тем не менее Ваше сердце успокаивается и пробуждается к большему стремлению к добродетели и любви к Богу, и ближний становится все более значимым и делает вас еще более кроткими в собственных глазах; тогда вы сможете отличить знак, посланный Богом и порожденный присутствием и действием благого ангела, и берущий начало из божественного совершенства, призванный облегчить труд простых благочестивых душ, дабы укрепить их веру и стремление к Богу, и утвердившись таким образом, искать знание более тщательно и любить Бога. При этом возможно ощутить удовольствие, которое проявляется как предвкушение райского блаженства, однако я не встречал таких людей на земле».

Он продолжает: «Об этом методе различения деятельности духов Св. Иоанн (от Иоанна 4:3) говорит в своем послании: «а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога» (или в переводе Лютера: «Кто не признает, что Иисус Христос прибывает в плоти»). Этот союз и связь Иисуса с человеческой душой — следствие доброй воли и рьяного стремления к нему, желания слиться с ним и созерцать духовно его благодать. Эта жажда тем сильнее, чем более близко душа объединена с Иисусом, и тем меньше, чем менее связана с ней. Так, всякий дух или ощущение, что сокращает это стремление и отвлекает от непрерывного созерцания Иисуса Христа и от по тоски его дитя по нему, разлучает душу с Иисусом, и потому происходит не от Бога, но говорит о деятельности Врага. Но если дух или ощущение увеличивает это желание, укрепляют узы любви и преданности Иисусу, все больше раскрывает глаза души духовному знанию и делает сердце еще более кротким, то такой дух от Бога».

Во многих современных теософских методах интроверсии, заимствованных из индуистских доктрин йоги мы встречаем наставление не придавать значение чудесам, случающимся по мере приближения к реальной награде, и рассматривать их как побочный продукт. Индуистская доктрина называет их Сиддхи. Уолтер Хиттон говорит о них как о «второстепенных явлениях низкого порядка». Из их описания создается впечатление, что это фантастические явления, которые льстят отчасти тщеславию, отчасти другим желаниям. [Смотрите «Примечание Е» в конце книги]. Сиддхи искусны в очаровании слабых умов своей игрой. С ними тесно связаны эротические переживания, потому что, переходя в регрессивную фазу, они открывают свои «титанические» лица. С некоторой смелостью, но

не обосновательной, я считаю Сиддхи анагогическим эквивалентом мастурбации. Регрессивная фаза, однако, наступает, как только человек не отказывает себе удовлетворяться ими. Сиддхи не представляют источник зла сами по себе (я по-прежнему считаю их анагогическими), но потеря себя в них является таковой. Они могут быть и божественными, и дьявольскими. Все зависит от отношения к ним.

В результате интроверсии дьявольский мистицизм противопоставляется божественному. Истинный мистицизм характеризуется расширением индивидуальности и иллюзорным сокращением индивидуальности. Мы можем также сказать — расширением или сокращением сферы интересов, которые определяют социально желательные установки. Я намеренно говорю «сфера интересов», в конечном итоге мистицизм просто не исполняет социальный закон без любви, но трудится, руководствуясь любовью. Он не удовлетворяется поверхностным тинктурированием вещества в золото (т.е., среди других значений, заставить человека совершать благое лишь внешне); но изменяет вещество полностью, делая его золотым полностью (т.е., ориентирует всю силу побуждения человека на пользу, так, чтобы он желал этой пользы с теплотой любви и потому собственную благодать усматривал в добродетели). Только во избежание неправильного представления о герметической работе, я должен отметить, что польза, а не благодать становится путеводной звездой. Счастье приходит в свое время и представляется мне зреющим фруктом. Самые утонченные представители этой доктрины среди алхимиков не так далеки от кантианской этики.

Алхимическая этика предполагает возможным облагораживание воли. Человек, может научиться охватывать бесконечно много своим эго посредством своей воли. [См. Furtmüller (Psychoanalyse und Ethik, p. 15): «Человек может... превратить приказы других в свои собственные». Он цитирует Гете (Die Geheimnisse):

«От закона, что связует все сущее
Свободен тот, кто с собой совладал».

Полюса сокращения и расширения следующие: маг и патологически интровертирующий человек сокращают сферу своих интересов до самого узкого эгоизма. Мистик, — наоборот, расширяет ее, вбирая в себя весь мир. Человек, эгоцентрично вступающий в интроверсию, может сохранить свое благополучие только устойчивым самоограничением, находясь перед угрозой разрушения; мистик свободен. Благополучие мистика

состоит в союзе его воли с волей целого мира или, говоря иначе, в союзе с Богом. [Об освобождении посредством слияния собственной воли с более могущественной см. мои эссе]b. ps. F., III, pp. 637 ff., и IV, p. 629]. Такое состояние потому является нетленным (золотом). Читатель должен всегда принимать во внимание, что мистик работает над проблемой человечества в целом; только он делает это посредством активной жизни, и могущество, полученное в результате интроверсии, фактически увеличивают возможности для его деятельности и способствует большему результату. Я лично склоняюсь к вере в это.

Касаемо расширения индивидуальности, несколько отрывков из Бесед о Богословии в Бхагавад-Гите:

«Тот, кто познал себя с помощью йоги, видит Высшее Я во всех существах и все существа в Высшем Я; повсюду он видит одно и то же.,

Кто видит Меня повсюду и все видит во Мне, того Я не покину, и он не покинет Меня». Глава VI, 29–30.

«Тот воистину видит, кто видит Всевышнего Господа, равно пребывающего во всех существах, Непреходящего в преходящем.

Поскольку он видит Господа равно присутствующим повсюду, он не вредит сам себе. Так он достигает высочайшей цели». Глава XIII, 27–28.

Эти отрывки объясняют прогрессивную функцию идеи Бога в «работе». К тому же, я полагаю, что духовные доктрины (Йога), теоретически основанные на философии Санкхья, где отсутствует концепция Бога, по практическим соображениям привнесли идею Ишвары (Бог) в свою систему. Концентрация требует возвышенного неосязаемого объекта в качестве цели. И этот объект должен быть могущественнее любой силы, чтобы включать ее в себя и при том казаться достижимым. У Бога есть, кроме того, функции разрешения конфликтов и дарования надежд. В начале работы, действительно, случаются конфликты, связанные с затруднениями. Когда конфликт отдается во власть божественному, наступает облегчение и освобождаются силы, которым сперва под давлением конфликтов был нанесен ущерб. [См. Психология Бессознательного, Фрейда Kl. Schr., II, p. 131].

«Поэтому, о Арджуна, посвяти Мне все свои действия и познай Меня до конца. Отбрось стремление к личной выгоде и, отказавшись от всяких собственнических притязаний, стряхни с себя апатию и сражайся!» Бхагават Гита гл. III 30.

«Подобно тому как вода не смачивает лист лотоса, грех никогда не пятнает того, кто исполняет свой долг без привязанности к плодам своего труда, жертвуя их Верховному Господу». Глава V 10.

Идея облагораживания воли, разумеется, давно была знакома этическим авторам, хотя время от времени она терялась из виду.

Аристотель убежден, что мораль является результатом обычая и соглашения. «Как плаванию мы обучаемся лишь в воде, а музыке — практикой игры инструменте, так и справедливыми мы становимся поступая справедливо, праведными, скромными и храбрыми мы становимся соответствующими действиями. Будучи сформированными из одинаковых поступков, складывающихся в привычки, без рациональной деятельности никто не становится добродетельным... быть добродетельным значит поступать так. Люди не являются добродетельными по своей природе; но становятся добродетельным поведением, соответствующим норме. Мы обладаем моралью не по своей природе, но вопреки природе. У нас есть возможность взрастить ее привычкой. Как, соглашаясь, говорит Платон, надлежащее образование состоит в том, чтобы в итоге человек радовался и сокрушался о вещах, о которых следует радоваться и сокрушаться. Но если рядом поступков в соответствии с обычаем, желанию было обеспечено некое направление, то к поступкам присоединяются удовольствие и боль, следующие из желания и, в действительности, являющиеся признаками преобразования человека». (Jodl. Gesch. d. Eth., I, pp. 44 ff.), «Энергия и твердая уверенность в человеческих силах, используя которые Аристотель предлагает облагораживать свои желания и формировать характер, отличают его от позиции квиетистов «*velle non discitur*» (мы не можем ни облагородить желания, ни научиться желать, как позже это аксиоматически выразилось пессимистическим утверждением) с присущей непоколебимостью, и в то же время возможностью формирования желания; это утверждение замечательно и довольно характерно для методов мысли древней философии и ее полета». (Jodl., l. c., p. 49.) [*Velle non discitur has been popularized by Schopenhauer*].

У Филона и близких философов отчетливо прослеживается мысль, которая позже получила широкое принятие христианами отшельниками, а именно, что самое высокое развитие твердой нравственности было достижимо только посредством продолжительных и постепенно увеличивающихся упражнений, этической гимнастики. Кроме того, Филон использует слово «аскезы» для описания того, что в другом месте было описано как физические упражнения. Западные духовные упражнения сопоставимы с индуистской йогой.

В ходе развития человеческого общества в течении бесчисленных поколений, должно быть, появились социальные инстинкты, которые проявляются как моральные установки. Я приведу в качестве примера взгляд Шафтсбери на нравственные чувства. Общественная жизнь человека, например, по Адаму Смиту играла значительную роль, и все же, даже он не считал нравственный закон чем-то естественным, врожденным императивом, но специфическим продуктом всякой индивидуальности. Развитие совести интересно рассмотрено Смитом. Имеет место процесс естественного переноса чувств посредством сочувствия, который в каждом из нас пробуждает качества другого, и мы можем сказать, «что мораль в понимании Смита, так же, как и позже утверждал Фейербах, является лишь отраженным личным интересом, хотя сам Смит весьма не желал рассматривать сочувствие как эгоцентрический принцип. Посредством данного процесса, который можно назвать своего рода самообманом воображения, мы должны посмотреть на нас глазами других; очень разумная профилактика, заложенная природой, которая таким образом создает баланс импульсов, что в ином случае действовали бы с ущербом. [Примите во внимание сказанное ранее об инто-детерминации]. Это перенос, неизбежным результатом которого является сочувствие; нравственность проявляется непосредственно в тех случаях, когда мы знаем, что защищены от критики других полной приватностью наших действий. Она позволяет нам ощущать свою правоту, когда все нас неправильно понимают и судят о нас ложно. Из фактических суждений других о нас формируется, если можно так выразиться, первый суд, решения которого все время исправляются тем абсолютно беспристрастным и хорошо информированным свидетелем, который растет с нами и воздействует на все наши поступки». (Jodl., l. c., I, pp. 372 ff.)

Развитие морали из эгоистических импульсов посредством переноса не делает этику тождественной эгоизму, как Гельвеций хотел бы нас убедить. «Говорить о личном интересе, когда мы имеем в виду великодушие и благодеяние, и утверждать, что благодеяние — лишь замаскированный эгоизм, потому что представляет собой способ получения радости — карикатурное видение истинного положения дел». (L. c., p. 444.)

Этическое развитие, которое проявляется как увеличение индивидуальности, требует активного устранения сопротивления, направленного против расширения эго. Нельзя отрицать, что враждебные тенденции, связанные с малодушием, всегда рядом и создают конфликты. Если бы их не было, то нравственные задачи решались бы легко. Человек не может служить двум господам, потому в индивидуальном психическом содержании должны быть уничтожены взгляды, не согласующиеся с вновь

обретенными. Этот процесс наиболее эффективен, если развитием занимаются посредством интенсивной интроверсии, что также находит свое символическое выражение.

Уже в экспериментах с лекономантией нас поразила смерть фигуры (старик), которая представляла устаревшую форму совести, что была упразднена. Именно эта часть души Леи сопротивлялась новому подобно тому, как это обычно делают пожилые люди (тип отца). Чтобы принять новое, нужно пожертвовать старым; на каждом шаге своего развития человек должен отбросить что-то; большие достижения требуют больших жертв и болезненных отказов. Жертва должна быть принесена перед тем, как начнется качественно новая жизнь. Герметическая репрезентация не всегда соответствуют хронологическому порядку, но все же жертвоприношение обычно имеет место вначале, символизируя интроверсию. В притче Странник убивает льва и это случается вначале. Он жертвует чем-то при этом. Он убивает себя, т.е., часть себя, чтобы восстать обновленным (восстановленным). Этот процесс — первая мистическая смерть, также называемая алхимиками гниением или чернением. Такая смерть часто объединяется с символом интроверсии, поскольку может изображаться символом входа в мать или землю. Только пристальный анализ подчас может точно ответить на вопрос какой именно процесс отражает символ.

«И теперь ты должен познать, мой сын, который не знает, как убивать и возрождать вновь, как заставляя духов восстанавливаться, очищать, делать их сияющими и чистыми..., он пока еще ничего не знает и ничего не достигнет». (Siebengestirn, p. 21.)

«Это две змеи, посланные Юноной (что является металлической природой), которых сильный Геркулес (т.е., мудрец в своей колыбели) должен задушить, т.е., пересилить и убить, чтобы в начале его работы заставить их гнить, разрушиться и подчиниться». (Фламель, стр. 54.)

Вновь и вновь мастера повторяют, что нельзя достигнуть истинного прогресса кроме как посредством чернения, смерти и гниения.

В «Clavis philosophiae et alchymiae Fluddanae» 1633 года мы читаем: «Знайте, что долг духовной алхимии — умертвить и усовершенствовать все темные предубеждения как тленное и тщетное, и тем самым обрушить завесу темноты и невежества, так, чтобы неувядающий, но еще затемненный дух мог освободиться, вырасти и умножиться в нас посредством помощи пламенного духа, полного благодати, который так милосердно увлажнил Бог, чтобы превращать зерна в горы. Я говорю об истинной алхимии, что может умножить

во мне прямоугольный камень, являющийся краеугольным камнем моей жизни и моей души, так, что мертвое во мне пробудится вновь и поднимется над старой природой, что повреждалась в Адаме, подобно новому человеку, живущему во Христе, и поэтому в том прямоугольном камне..»..

«Жертве» интровертирующего человека Юнг посвящает целую главу в своей «Психологии Бессознательного» (Глава 4). Кратко резюмируя изложенное там: жертва означает отказ от матери, т.е., отказ от всех связей и ограничений, которые психика перенесла из детства во взрослую жизнь. Победа над драконом эквивалентна принесению в жертву регрессивной (кровосмесительной) тенденции. После того, как мы нашли мать посредством интроверсии, мы должны уйти от нее, обогащенные сокровищем, которое мы получили.

Жертвование части нас (убийство дракона, отца, и т.д.), как отмечает Юнг, в мифологии также представлено стрельбой острыми стрелами в символ либидо. Символ либидо обычно — символ солнца. В этом свете особенно примечательно что в VIII ключе алхимика Василия Валентина (см. рисунок 3, стр. 199), изображены летящие стрелы, которые нацелены на ☉ (преимущественно символ либидо), который используется точно в качестве «цели». Смерть достаточно однозначно подчеркивается и соотносится с помещением зерен пшеницы в землю. [Ев. от Иоанна 12:24-25: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода; Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»]. Подобно тому, как всходит зерно происходит мистический рост над смертью. Могильные кресты имеют форму △ (+); они отражают, что прах является серой, нечистой серой. Птицы, от которых мы должны защитить зерно — в конце концов, возможно, это — Сиддхи; в ходе интровертированной формы духовной работы они лишь отвлекают и разлагают.

Мистическая смерть — это смерть эгоизма (в индуистской терминологии ахамкара). Якоб Бёме пишет в своей книге «О истинном покаянии» I, 19: «... Пусть я не достоин, [Иисус] все же забирает меня в свою смерть и позволяет моей смерти умереть в его смерти; продолжает низвергать осознаваемый эгоизм на землю и убивает мой эгоизм собственной смертью». В «Mysterium Magnum», XXXVI, 74, 75:» ... Мы возвеличиваем не сокровенное слово Божественное мудрости, но лишь животное, ищущее удовлетворение своего эгоизма, из-за которого отходят от Бога; оно чувствует себя как ложный личный Бог и может не верить или не доверять

Богу (как Антихрист, который поставил себя на место Бога); и мы учим наоборот, что человек изображаемый как Антихрист должен полностью умереть, чтобы смочь родиться в Христе для новой жизни и воли, чья обновленная воля реализуется в прекрасном слове природы с божественными глазами, наблюдающими чудо в природе и в ее творениях, в прекрасной мудрости. Потому, Христос воскресает из мертвых, когда в душе умирает Антихрист».

В герметической книге «Gloria Mundi» сказано об Адаме, что если бы он не действовал вопреки Богу, то жил бы 2000 лет в раю и затем был бы вознесен на небеса; но он навлек на себя смерть, болезнь и бедствие. Только через благодать Божию ему были даны некоторые знания о силе трав и средств против разнообразной немощи». Когда он больше не мог поддерживать свое состояние лекарственным искусством [в раю], он послал своего сына Сета в рай к дереву жизни, не физическому, но духовному. Наконец он пожелал масло милосердия, после чего ангелами, по велению Бога, было дано обещание и вслед за этим передано семя масличного дерева. Сет вырастил его после возвешения, посадив на могиле отца, и от этого дерева вырос лес, послуживший древесиной для святого креста, на котором наш Господь Иисус Христос страданием и смертью освободил нас от смерти и всех грехов; Господь Христос в своем святом милосердии стал деревом и лесом жизни и принес нам плод масла сострадания». Адам — дикий человек; он должен умереть в процессе нравственного развития.

Болезненный долг убийства части себя красиво выражен в Бхагавад-Гите, где герой, Арджуна, колеблется перед сражением против своей «родни», и когда нужно стрелять — лук падает из его руки.

Смерть касается старого. Старые законы перестают действовать, чтобы освободить место для новых. Новая жизнь отменяет старые свершения. (Cf. Paul, Rom. VII–VII.)

Доктрина веданты: «Но относительно канона священного писания и восприятия, они существуют покуда существует Самсара, т.е., до пробуждения. Если оно достигнуто, восприятие аннулировано, и если вы возразите, что, таким образом, Веда аннулируется, нужно отметить, что по словам нашего собственного отца доктрины, отец не отец, и Веда не веда». (Deussen, Syst. d. Ved., p. 449.)

Бхагавад-Гита Глава IV, 37:

«О Арджуна, подобно тому как пламя костра превращает дрова в пепел, огонь знания сжигает дотла все последствия материальной деятельности».

Так, пламя знания сжигает все поступки дотла.

По нескольким причинам образ отца странным образом подходит для иллюстрации того, что надлежит уничтожить. Отцом являются старый Адам (вся совокупность унаследованных инстинктов) и самые сильные императивы, внедренные в ребенка. Отец — также олицетворяет стойкую приверженность предкам. В результате интродетерминации мы снова встречаем внутри себя антитезу старого и нового поколения.

Мистическая смерть (жертва) не достигается лишь аскетизмом, но происходит естественно; алхимики отчетливо предупреждают относительно серьезных средств. Работа должна идти естественным путем; как и работа, смерть природы в действительности все же не выше природы.

«Природа наслаждается природой
Природа побеждает природу
Природа управляет природой».

Считается, что так учил маг Остэйнс. И Бхагавад-Гита (Глава VI, 5-6), говорит:

«С помощью ума человек должен освободиться из материального плена, а не деградировать, опускаясь в низшие формы жизни. Ум может быть и другом обусловленной души, и ее врагом. Для того, кто обуздал ум, он становится лучшим другом, а для того, кому это не удалось, ум остается злейшим врагом».

В «Clavis Philosophiae et Alchymiae Fluddanae» (р. 57), мы читаем: «Невозможно возвыситься над миром иначе как посредством самой природы. Лестница Иакова начинается со ступеней природы, и трон Юпитера прикован цепью к земле».

Идея самопожертвования (с расчленением) очень красноречиво выражается в аллегорическом видении древнего герметического философа Зозимоса, который, кажется, заимствовал его, как отмечает Райценштайн из Египетской Книги Мертвых. Я процитирую из Хефера (Hist. Chim., I, pp. 256–259):

«Я спал и видел, что священник стоял перед алтарем в форме чаши и несколькими ступенями, по которым можно подняться на него. [Сперва упоминались 15 ступеней, затем 7]. И я услышал громко кричащий голос: „Я закончил подниматься и спускаться по этим

15 ступеням, освещенным светом“. Выслушав священника, исполняющего обязанности у алтаря, я спросил его, чем был этот звучный голос, тот, что я слышал. Священник ответил мне: „Это я, священник святилища, и сила переполняет меня. На рассвете прибыл помощник, который схватил меня и убил мечом, изрезав мою плоть на части; и сняв кожу с моей головы, он перемешал кости с плотью и сжег меня в огне, чтобы показать мне, что дух рождается с телом. Вот сила, что переполняет меня“. В то время как священник говорил, его глаза налились кровью, и он изрыгнул из себя всю свою плоть. Я видел, что он искалечил себя, разорвал себя собственными зубами и упал на землю. Я проснулся, охваченный ужасом и начал обдумывать и задаваться вопросом, являлось ли это в действительности составом и природой воды. И я поздравил себя с тем, что рассуждал верно [а именно, в русле рассуждения, предшествующего видению]. Вскоре я снова уснул и увидел тот же самый алтарь, и на этом алтаре я увидел кипящую воду и множество людей, кричащих и варящихся в ней. Не обнаружив возле себя ничего, что могло бы объяснить это явление, я прошел вперед, чтобы рассмотреть зрелище у алтаря. Тогда я заметил худого человека с седыми волосами, который спросил меня: „На что ты смотришь?“ „Я смотрю“, — ответил я с удивлением, — „на кипящую воду и людей, что кипят там, оставаясь живыми“. „Картина, что ты наблюдаешь“, — ответил он, — „является началом, завершением и трансмутацией“. Я спросил его, что такое трансмутация. „Это“ —, сказал он, — „фаза работы, которую называют очисткой [в оригинале, topos askeseos], желающие стать добродетельными, приходят сюда и становятся бестелесными духами“. Тогда я спросил его: „Вы — тоже дух [пневма]?“ „Я“, — сказал он, — „дух и наставник духов“. Во время этого разговора сквозь шум кипящей воды и крики я увидел медного человека, держащего в своей руке книгу с наставлениями и услышал, как он громко сказал мне: „Посмотри, я командую всеми теми, кто подвергается наказаниям, чтобы постигнуть эту книгу. Я приказываю, чтобы каждый взял книгу и написал своей рукой, пока его глотка и рот открыты, и глаза оказались на своем месте“. За словом последовало действие, и владелец дома, присутствующий на этой церемонии, сказал мне: „Протяни голову и посмотри на то, что сделано“. „Я вижу“, — сказал я. „Медный человек, которого ты видишь“, — сказал он, — „покинул свою собственную плоть и является священником перед алтарем. Именно ему дали привилегию распоряжаться этой водой“. Наблюдая все это в своем воображении, я

проснулся и спросил себя: „Какова причина этого явления? Что же это в действительности? Разве не белая или желтая вода, кипящая, божественная?“ Я счел, что рассуждаю верно... Наконец, скажу кратко — мой друг, построй храм из единственного камня [монолит] ... храм, у которого нет ни начала, ни конца, и найдешь внутри него источник самой чистой и яркой как солнце воды. Искать его и проникать в него нужно держа меч в своей руке, поскольку вход узкий. Он охраняется драконом, которого необходимо убить и снять с него кожу. Смешав плоть и кости, ты создашь пьедестал, на который взойдешь, чтобы достигнуть храма, где найдешь то, что ищешь. Священник, которого ты видел сидящим возле источника является медным человеком, он изменяет свою природу и преобразуется в человека из серебра, который, при необходимости может преобразоваться в человека из золота... Не разглашайте этого никому и держите при себе, поскольку тишина воспитывает достоинство. Очень желательно понимать превращение этих четырех металлов, свинца, меди, олова, серебра, и знать, как они преобразуются в прекрасное золото...».

Психоанализ, как и сравнительная мифология, высказывает предположение, что убийство или расчленение человека, играющего роль отца эквивалентно кастрации. Согласно интро-детерминации оно будет иметь более широкий анагогический смысл, если мы сравним детородный орган с творческой силой и более узкий, если мы сравним его с сексуальностью. Более широкая концепция не требует непосредственной интерпретации. Относительно более узкой, я замечу, как гласят мистические наставления, что самая мощная сила для духовного развития — сексуальное либидо, которое по этой причине частично или полностью переключается со своего исходного назначения. (Правила целомудрия.) «Энергия образуется в результате воздержания». (Патанджали, Сутра Йоги, II, 38.) Книги, содержащие инструкции признали большую изменчивость сексуального либидо. (то есть, возможность сублимации в алхимической, так же, как и во фрейдистской терминологии.) Естественно, в начале работы сексуальность должна быть снижена, чтобы получить силу; следовательно, кастрация — начало процесса. Убийство змей, существ фаллической формы, конечно, относятся к тому же. Змея с хвостом во рту — цикл либидо, всегда вращающееся колесо жизни, размножения, которое всегда воспроизводит себя и сотворение мира. Тот же самый цикл представлен богом, который держит свой фаллос во рту, и, таким образом (в соответствии с инфантильной и примитивной теорией), беспрестанно питает

себя. Змея добрая, на одновременно и злая. Прорвавшийся через кольцо, освобождается от колеса подчинения, оказывается выше добра и зла, чтобы позже поместить на его место мистический союз [Hieros Gamos].

Рассмотренное с точки зрения знания, формирование типов представляет собой символическое предчувствие анагогической идеи, сперва выраженной смутно. Дух, что еще не может быть явно замечен (мифологический уровень знаний) или больше не может замечаться (засыпание, и т.д.) изображается в символической форме. [Более подробное описание можно найти в моих эссе: «Phantasie und Mythos», «Ueber die Symbolbildung», и «Zur Symbolbildung» (Jb. ps. F., II, III, IV)]. Символическая форма — форма знания, адаптированного к существующим возможностям духа. Это не значит, что любое таинственное предчувствие или пророческое видение следует принимать за таковое. Способность человека почерпнуть еще более глубокий смысл из собственных символов заставляет рассматривать их небесными предвестниками грядущих идей, выражением которых они являются. В некотором смысле, однако, последнее значение включено в первое при появлении типичного символа. Интро-детерминация объясняет каким образом это возможно. Психика, чей арсенал сил скопирован символически в элементарных типах знает, пусть и сперва туманно, о возможностях их использования. Изначально эти возможности скрыты, но потенциальны. [Посмотрите Примечание F].

Чем более развита психика, тем более то, что первоначально было только возможным предчувствием действительности, следовательно, лишь потенциальным, начинает становиться фактическим, тем более символика обретает значение «программы». По словам Юнга, Риклина и др, фантазия (мечта, мифотворчество) имеет функцию не только, согласно Фрейдю, «исполнения желания, когда старый и инфантильный материал реализует желание чего-то нерешенного, недостигнутого или подавленного, но также и как первый мифологический шаг в направлении сознательных и адаптированных взглядов и действий, подобно программе... Медер рассматривал функции сновидения и бессознательного. В ходе аналитического исследования мы обнаруживаем непрерывные преобразования символа либидо в потоке сновидения пока не достигается форма, которая служит попыткой адаптироваться к действительности. В истории цивилизации были эпохи, особенно отличающиеся хранением либидо в том смысле, что из резервуара мифологических и религиозных форм мысли извлекалась новая адаптация к реальным процессам и условиям. Яркий пример — Ренессанс; это становится очевидным при исследовании литературы Ренессанса и посещение ренессансных городов, например,

Флоренции. Анализ романтизма... подтверждает эти процессы развития». (Zentralblatt f. Psa., III, p. 114.)

Здесь мы видим предположение, что «программа» выразилась в искусстве, и потому оно в определенной степени предвидело ближайшего события. Юнг (PS Jb. F., III, стр 171 и следующие), пишет: «В своей ежедневной профессиональной практике я наблюдаю (опыт, который я должен описывать со всей осторожностью ввиду сложности материала), что в определенных случаях хронических неврозов, сновидение появляется во время начала болезни или за долго до того, часто имея призрачное значение и несмылаемо отпечатывается в памяти и содержит значение, скрытое от пациента, который ожидает последующих событий, т.е., психологическое значение. Сновидения, кажется, остаются в памяти до тех пор, пока они соответствуют в общих чертах психологической ситуации человека».

Чем выше продуктивность программы, тем больше значение символики (чьи типы могут всегда оставаться теми же самыми, несмотря на изменения их внешней формы) трансформируется в функциональное в более узком смысле; поскольку функциональная символика в узком смысле — отражение игры внутри психики.

К функциональной символике фактических сил относится, например, значительное количество фигур в моих леканомантических экспериментах, хотя они также содержат материал программы; также, наиболее красноречиво рассмотренное ранее авто символическое видение гор. Прогресс психоаналитического лечения состоит в отделении связей программы, обычно копируемых в сновидении и соответствующих текущему психическому состоянию, и потому являющихся фактическими и функциональными. Вероятно, что прогресс мистической работы представляется мистику фантазийным (сновидения, видения, и т.д.) символическим способом. Но, если рассматривать письменные продукты фантазии мистиков, конечно только тот, у кого есть личный опыт переживания мистических событий, может предполагать, отображается ли символика программы или функциональная символика. Например, я не выношу суждения о степени действительности анагогической символики притчи.

С. ВОССТАНОВЛЕНИЕ

В случае благоприятного исхода интроверсии, т.е., когда мы победили дракона, мы освободили драгоценное сокровище — огромную психическую энергию, или, согласно психоаналитическому представлению,

либидо, и эта сила применяется к установлению желаемого нового порядка (его титанический аспект мы называем «преобразованием»). Символ, явно или скрыто выражающий освобождение активного либидо — рождение. Символ либидо, с акцентом на активной жизни берет начало из символа матери. (Предшествующие ему — ребенок или даже еда, животное и фаллические символы, Zbl. Psa., III, p. 115.). Поскольку мистик осуществил свое рождение, он стал своим собственным отцом.

Интроверсия (поиск матки или могилы) предшествует регенерации или восстановлению и является необходимым условием мистического становления нового человека. Иоанн III, 1–6:» Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришел к Иисусу ночью[интроверсия] и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух. Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше. Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа».

Вода — один из главных религиозных символов матери (крещение). Согласно самым ранним алхимическим авторам медный человек становится серебряным, серебряный человек — золотым, будучи погруженным в святой фонтан.

Мифологическая иллюстрация интроверсии, ее опасностей и восстановления приводились ранее [смотрите путешествие Вишну]. Далее я приведу подробные примеры; сперва кельтский миф о рождении Талиесина.

В давние времена жил человек благородного происхождения по имени Тегид Войл из Пенлинн. Его родная страна располагалась у центра озера Теджид. Его жену звали Керидвен. У них были сын, Морвран ап Тегид, и дочь, Крейрви, самая прекрасная девушка на свете. Был у них еще один сын по имени Авагду, самое уродливое из всех существ. Керидвен, его мать, хорошо понимала, что он не будет иметь успеха в обществе, несмотря на многие благородные качества, которыми тот был наделен. Она решила сварить зелье [интроверсия] для своего сына, которое должно было наделить его даром прорицания [Сиддхи] и тем самым обеспечить признание в обществе. Вода в котле закипела [созревание плода в сосуде матки], и варка должна была быть

непрерывной, покуда не настанет момент, когда из зелья можно будет получить три благословенных капли, наделяющие дарами Духа [сокровище]. Она заставила Гвиона, сына Гуреанга из Лланфайра, присматривать за котлом, и назначила слепого [расчленение или кастрация] по имени Морда поддерживать огонь, нагревающий котел, приказав ему не прерывать кипение в течение года и дня. [См. действия странника в притче, Раздел 14 и далее] Ближе к концу года, пока она продолжала искать необходимые травы, случилось так, что три капли чудодейственного отвара выплеснулись из котла и попали на палец Гвиона. Они ошпарили его, и он положил палец в рот. Поскольку драгоценные капли коснулись его губ, перед его взором оказались все грядущие события. Он также увидел, что должен отсерегаться Керидвен [страх матери]. Он помчался домой. Котел развалился на две части [мотив расставания с матерью], и все оставшееся в нем зелье, кроме тех трех чудесных капель стало одним лишь ядом [опасность интроверсии]. Разлившееся зелье потекло в сточную канаву и отравило лошадей Гвидно Гаранхира, которые пили в это время из нее [наводнение]. Затем явилась Керидвен и увидела, что труды целого года потеряны. Она схватила хлыст и ударила слепого по голове настолько сильно, что один из его глаз потек по щеке. «Вы несправедливо изувечили меня!» — воскликнул Морда; «Вы видите, что я невиновен! Ваша утрата не вызвана моей грубой ошибкой!». «Действительно» — сказала Керидвен, — «Гвион Младший — вот тот, кто ограбил меня!». И она немедленно бросилась в погоню, но Гвион заметил ее издали и превратился в зайца, удвоив свою скорость. Тогда она сразу обернулась собакой, и почти нагнала его у реки. Он прыгнул в реку и стал рыбой, но враг настигал его, превратившись в выдру. Тогда он птицей поднялся в воздух. Но элемент не укрыл его, поскольку женщина стала соколом, нагоняющим его [формы тревоги].

Ужасаясь от страха перед смертью, он увидел гумно, где лежала куча пшеницы, бросился в середину и превратился в зернышко. Но Керидвен обернулась черной курицей, подлетела к пшенице, достала зернышко, убедилась, что это оно и проглотила [оплодотворение, инцест]. Она забеременела от него и через девять месяцев [регенерация], она родила настолько прекрасного ребенка [усовершенствование], что больше не могла думать о его убийстве [бессмертие]. Она поместила его в судно, покрыла кожей [кожа = лануго новорожденных, соответствует мотиву рождения], и под уговоры своего мужа пустила судно в море 29-го апреля. В это время плотина для ловли рыбы Гвидно

стояла между Деви и Аберистуитом недалеко от его собственной крепости. В водосливе этой плотины обычно каждый год 1-го мая находили рыбу стоимостью в 100 фунтов. У Гвидно был единственный сын, Элфин. Он был очень неудачлив во всех своих начинаниях, и отец считал его родившимся в злополучный час. Советники, однако, убедили отца позволить своему сыну попытать удачу на этот раз, чтобы он все же попытался получить что-то, с чем можно пойти дальше в мир. На следующий день, 1-го мая, Элфин обследовал водослив плотины и ничего не нашел. Когда он собирался уйти, он увидел судно, покрытое кожей, покоящееся у опоры плотины. Один из рыбаков сказал ему: «Ты никогда не был столь невезуч, как сегодня вечером, но теперь ты разрушил еще и удачу, которую приносит водослив плотины, где всегда первого мая находили ценность, стоимостью в сто фунтов». «Как же так?» — спросил Элфин. «В судне легко может находиться нечто, стоимостью в сотню». Кожу приоткрыли, и сделавший это увидел лоб ребенка и сказал Элфину: «Взгляни на этот сияющий лоб!». «Пусть же он зовется Талиесином, Сияющий лбом!» — воскликнул принц, взяв дитя на руки, и пожалел его, помня о собственной неудачливости. Он поместил его позади себя на коне. Тот час же ребенок сочинил песню для утешения и похвалы Элфина, и одновременно пророчил ему его будущую известность. Элфин взял ребенка в крепость и показал отцу, который спросил того является ли он человеком или духом. На это он ответил следующей песней:

«Я первый из первых бардов, я – бард Элфина,
Моя родина там, где бродят летние звезды;
Идно и Хейнин меня называют Мирддин,
Со временем каждый назовет меня Талиесин.
С моим Владыкой я был в высочайшем круге,
При падении Люцифера в глубины ада;
Перед воинством Александра нес я знамена;
От юга до севера знаю я звезд имена.
Я был в Ханаане, когда убили Авессалома,
Я был при дворе Дон прежде рождения Гвидиона,
Я был там, где распинали благодатного Божьего Сына;
Трижды я побывал в темнице Арианрод.
Я был в Азии вместе с Ноем в ковчеге,
Я видел гибель Содома и Гоморры.
Я был в Индии, когда строился Рим.

И вот я здесь, у останков Трои.
С моим Владыкой лежал я в ослиных яслях,
Я был с Моисеем на пути через Иордан;
Я был на небе вместе с Марией Магдалиной,
Я получил вдохновение из котла Керидвен.
Я останусь здесь, на земле, до Судного дня,
И не знает никто, каков я на самом деле.
Девять месяцев прожил я прежде
В чреве ведьмы Керидвен;
Я был некогда маленьким Гвионом,
Ныне же я – Талиесин»⁸.

Очевидно, что Талейсин постоянно обращается к ♀. Гвидно, удивленный развитием мальчика, пожелал услышать еще песню и получил ответ: «Вода несет благодать; мысли надлежит уделять Господу; искренне, горячо молиться Богу, потому что нельзя мешать благодати, исходящей из него. Трижды был я рожден; я знаю, как следует размышлять. Печально, что люди не приходят в поисках всех знаний мира, собранных в моей груди, поскольку я знаю все, что было и все, что будет». (Nork. Myth. d. Volkss., pp. 662 ff).

История Талиесина созвучна истории Гермеса в Изумрудной скрижали. Норк делает некоторые интересные наблюдения, которые помимо интерпретации мифа, содержат также намек на идею духовного восстановления.

Я уже упомянул, полость тела чудовища часто символизирует чрево. Так же, как в предыдущем мифе герой посредством интроверсии получает три волшебных капли. В финском эпосе Калевала, Вяйнямйнен точно также узнает три волшебных слова в животе чудовища, его мертвого предка Антеро Випунена. Гигантский размер тела существа в данном случае, как и в других мифах представляет мать и такое выражение имеет инфантильные причины. Интровертирующий человек, как мы знаем, становится ребенком. Ребенку взрослые, и конечно, мать, кажутся очень крупными. Для взрослого, который становится ребенком и восстанавливает соответствующие образы, образ матери может легко стать гигантским.

---

⁸ Прим. пер. – перевод песни из книги Томаса Роллестона «Мифы, легенды и предания кельтов».

Штекель рассказывает (Spr. d. TR, p. 429) о пациенте, сновидения которого изображают матку и фантазии регенерации в скрытой форме. Когда Штекель сообщил ему об этом, тот размыслив несколько минут и затем ответил: «Должен откровенно рассказать Вам о таких сознательных фантазиях. Мне было 13 лет, когда я мечтал повстречаться с огромной великаншей, внутри которой я мог бы прогуливаться и изучить все. Я нашел бы там красную пещеру, где чувствовал бы себя удобно. Я также представлял себе качели, высотой в десять метров, свисающие в теле великанши. Я хотел радостно качаться на них вверх и вниз». Этот пациент перенес первоначальное соотношение плода и матери на свой настоящий размер. Теперь, когда он вырос, тело, в котором он мог бы перемещаться, должно было быть телом великанши.

Теперь нас не удивляет размер Крунас с гору в мандейских сказках о Хибил-Зиве или подобные гиганты. Хибил-Зива спустился в мир темноты, чтобы получить ответ на вопрос (т.е., сокровище в виде волшебного слова). Он понапрасну обращался к различным людям, всякий раз он должен был спускаться глубже и так, наконец, пришел к Круну, от которого вынудил сообщить ему волшебное слово.

Сокровище или имя, творящее чудеса, происходит из глубин согласно также герметической кабалистической концепции. Считается, что Давид откопал в основании храма Eben Stijjah, Камень Глубин, и тем открыл фонтан великих глубин (I Mos., VII, 11, and VIII, 12), на котором было написано Sêm ha-merphorás, непроизносимое имя (Бога). Этот камень он принес в святую святых, и на нем был установлен ковчег Ветхого Завета. Бесстрашные ученики мудрости время от времени входили в святилище, и узнав из камня об имени и комбинации букв творили чудеса.

Когда матка представлена полостью тела монстра, возрождение наиболее часто выражается последующим плеванием. Также происходит прорыв через расставание с маткой, и в каждом случае он имеет значение «мощного рывка прочь», сжигание мостов позади, заключительная победа над матерью. Характерной особенностью нисхождения в подземный мир (интроверсия) является последующее возрождение, поднятие к свету с освобожденным сокровищем (магическое слово как в примере выше, вода жизни, как в случае нисхождения Иштар в подземный мир, и т.д.).

Освобожденное либидо часто символизируется светом и солнцем. Возрожденные солнечные фигуры, в связи с ежедневными и ежегодными колебаниями вверх и вниз, также довольно общие. Использование подобных символов для обозначения освобожденного либидо может иметь несколько причин. Внешние, как несущие жизнь свойства

солнца, допускают уподобление. Тогда параллельный свет = сознание. [Высокое или иное сознание, установившееся посредством мистической духовной работы; оно выражается свечением, и т.д. По этой теме см. мое эссе, «Phant. u. Myth». (Jb., II, p. 597).] Существуют также и внутренние причины, т.е., те, которые опираются на ощущение теплоты и настоящий свет, что, как следует из литературы и наблюдений, воспринимают люди, преданные духовному пути. Здесь у мистика появляется возможность использования в своей сознательной жизни и действиях функции, которые до настоящего времени были неосознанными. Появления света в состоянии интроверсии встречается в жизнеописаниях святых и экста-тиков, также оно часто встречается в автобиографиях подобных людей. Можно привести много примеров. Я ограничусь тем, что напомним слова, которыми Матильда из Магдебурга начала свои откровения: «Струящийся Свет моей Божественности» («Ein vliessend Lieht miner Gotheit»), и добавлением слов Джейн Лид:» Если кто-либо спросит, что такое магическая сила [искомая рожденным заново], я отвечаю: «Ее можно сравнить с прекрасным, сильным вдохновением души, крови, раскрашивающим, пронизывающим и преобразующим внутреннюю жизнь, концентрирующим и продуцирующим свет и огненное пламя».

Омфалопсихиты или Гезихасты, монахи, которые жили в Средневековье на Горе Афон, получили следующие наставления от своего Аббата Симеона: «Находясь в уединении, вспомните и сделайте, что я говорю. Закройте ваши двери и вознесите ваш дух над земным. Опустите подбородок на грудь и направьте пристальный взгляд всей вашей души на середину тела, находящуюся пупке. [Смотрите Примечание G.] Сожмите ноздри, ограничив тем самым дыхание. Попытайтесь отыскать внутри местоположение сердца, где сосредоточены все психические возможности человека. Сначала вы обнаружите лишь темноту и неподвижную твердь. Когда же вы продолжите это в течение дня и ночи, то ощутите невероятный восторг. Дух увидит то, чего никогда не замечал ранее; сияющий воздух возле сердца». Этот свет отшельники считают Божественным светом, который видели люди в Таборе.

Сутра йога (Патанджали, I, 36) говорит: «Свободное от волнений состояние ума, исполненное света (будет способствовать самадхи)». И комментатор Манилал Наххубхай Дживеди замечает относительно этого: «Свет, о котором идет речь, является светом чистой саттвы. Когда ум глубоко поглощен им, тогда приходит свет, лишенный всякой печали. Вачаспатимишра отмечает, что в сердце находится форма, подобная лотосу, также имеющая восемь лепестков, свернутых вовнутрь. Их нужно

раскрыть посредством речаки (выдох) и последующей медитации, помещая туда четыре части пранавы, то есть, «а», «и», «т», и их многочисленные значения. Когда ум, медитируя таким образом, идет по пути шумны, то видит прекрасный мягкий свет наподобие солнечного, что напоминает спокойный молочный океан. Это — джйотиш, свет, который является верным признаком полной саттвы. Здесь имеется в виду такого рода практика». Сходство с наставлениями Аббата Симеона очевидно.

Символика света и солнца активно используется в алхимических писаниях; золото = солнце, и для их обозначения используется один и тот же знак ☉. Я хотел бы обратить внимание на восхитительное использование символа солнца в «Amor Proximi», которое несколько отличается от более ограниченной золотой символики. На стр. 32 и последующих мы читаем: «Узрите, что Христос не снаружи нас, но он находится глубоко внутри нас всех, но он заперт. Для того, чтобы открыть запертое в нас, он стал человеком, видимым внешне, таким же как мы, и ☉ в этом мире является наглядным свидетельством, убедившим язычников с начала мира, что Бог должен стать человеком, подобно тому, как свет природы стал телом ☉. Так ☉ не находится на небесном своде в одиночестве, будучи отделенным от других существ, но находится в большей степени скрытым в центре всех существ. Внешнее ☉ подобно Христу, освобождающему вложенное в нас ☉, поскольку его символ и вещество, также открывают в нас образ Бога. Если бы было иначе, то Земная сфера стремилась бы приблизиться к ☉, чтобы обрести его стилу и ничто бы тогда не произросло бы проклятой ♁. [Символ ♁ означает землю.] Так ♁ учит нас этому, поскольку она приближается близко к ☉, таким образом, мы, также, приближаясь к Христу, открываем образ Бога; тогда в конце времен ♁ переместится в точку солнца [в Solis punctum] [См., что было сказано о ☉.]; и далее: «Вы видите что ♁ огибает солнце, но причины тому вы не знаете; если бы земля не была сотворена из Solis punctum, то, возможно, не вращалась и не тосковала, таким образом, это, вращение показывает нам, что мир был когда-то возрожден, и в его начале ☉ является punctum; Мир желает возврата и отдыха; потому из души человека также исходит вечно божественное солнце, по которому она также тоскует...».

Наша притча, к которой я хотел бы теперь вернуться, открывается в новом свете. Снова провести читателя сквозь все приключения странника было бы пустой тратой времени. Он без труда найдет все вышеупомянутые элементы в притче и обнаружит интроверсию и возрождение. Потому для дальнейшего рассмотрения я выберу лишь несколько конкретных моментов притчи или алхимии, которые, полагаю, требуют особого разъяснения.

Мы не должны забывать, что после интроверсии, в начале процесса возрождения случается наводнение. Это наводнение имеет место не просто в алхимическом процессе (когда тела подвергаются гниению в судне и становятся черными), но мы видим, что мифологические наводнения постоянно начинаются в один и тот же момент, т.е., после убийства первоначального существа (разделение основных родителей, и т.д.), и перед новым сотворением мира Сыном Божьим. Штукен (SAM., стр. 123): «Мы находим подтверждение..., как я уже подчеркнул, что катастрофой наводнения сотворение мира еще не завершается. До катастрофы земля и жизнь на ней действительно существовали, но только после наводнения начинается формирование существующего Космоса. Так происходит в тевтонской Саге об Имире, в мифе о Вавилонской башне, а также египетской и иранской мифологии». Что наводнение может означать в психологическом смысле. Сновидения и поэзия дают нам подсказку тем, что они изображают страсти подобными бушующему морю. После интроверсии, опасности которой уже рассматривались, всегда наступает вспышка страстей. Не без последствий поднимается Камень Глубин, что запирает тюрьму подземных сил. (См. «Книга Еноха») Задача в том, чтобы схватить дико мчащийся дух и обрести его силу не поранившись. Все наводнение в философском судне, должно поглотиться телами, которые стали черными, и затем оно работает над ними в целях нового создания, делает их плодоносными, подобно тому, как вода действует на землю. Это не наносит ущерба материи только тогда, когда она фактически черна (стадия победы). Если это происходит, то (materia) в отличие от вод, бушующих в ней подобна океану, который не меняется от притока вод. «Как океан, который все время заполняет себя и все же не переполняет свои границы, даже с вливающимися водами, так же и человек приобретает спокойствие. В него также вливаются воды его желаний, но он не потворствует своим желаниям бездумно». (Бхагавад Гита, II, 70. Латынь: перевод Шлегелема: немецкий язык [Шредер].)

Выше я сравнивал льва из притчи и Сфинкса из Мифа об Эдипе, а с другой стороны, в результате более позднего анализа, кажется, что это (лев) должно быть регрессирующий элемент человека, который должен быть принесен в жертву в работе очистки. Теперь я нахожу несколько замечаний Юнга («Психология Бессознательного»), что очень хорошо согласуют две эти идеи между собой. Даже если я не желаю усматривать в животном лишь сексуальные силы и побуждения, но предпочесть рассматривать его скорее как титаническую часть наших импульсов, я считаю концепцию автора очень удачной. Сфинкс, двойное существо,

символизирует двойственную природу человека, за которого все еще цепляется его зверство. В самом деле, его следует рассматривать как функциональное представление развития рассудка из импульсов (человеческая голова и плечи, растущие из тела животных).

Мотив гомункула аналогично следует рассмотреть в новом свете. Я сказал, что мистик становится своим собственным отцом; он создает нового человека из (самого) себя посредством лишь символической матерью, с присущим самообладанием, без участия любого рода родителей. Это означает тоже, что искусственное создание человека. Так мы понимаем аналогическое значение гомункула, идею которого мы находим глубоко вплетенной в алхимию вообще. Этот вопрос не обошел вниманием Юнг, хотя рассматривал его односторонне и сделал слишком далеко идущий вывод. Он приводит видение Зосимоса, где на пустом алтаре он обнаруживает кипящую воду и людей в ней, и отмечает, что это видение отражает первоначальный смысл алхимии, изначальное волшебство зарождения жизни, то есть, способ, которым дети могли быть сотворены без матери. Я должен заметить, что герметическая попытка возвратиться в состояние Адама содержит в себе фантазию гомункула. Адам считается гермафродитом, одновременно мужчиной и женщиной, самодостаточным для оплодотворения и рождения. Веллинг пишет в своем «Opus Mago-Cabbaliticum et Theosophicum»: «Человек Адам был создан, как говорит священное писание, и мужского и женского пола, не двух разными телами, но одним в его сущности и двумя в потенциальной возможности, поскольку он был землей Адама, красным и белым ♁, духом ☉ и ☽, мужским и женским семенем, небесной пылью, и поэтому обладал способностью воспроизводить потомство волшебным образом (когда он был небесным), что не могло быть иначе, если мужественность и женственность были едины». Напомню в этой связи, что Меркурий также является двуполым; «материя» должна быть приведена в андрогинное состояние «ребис». Идея гермафродитизма также играет заметную и важную роль в мифологии.

Мы объяснили, почему плоды фантазии имеют два значения, психоаналитическое и аналогическое, существенно различающихся между собой и даже противоречащих друг другу, и все же бесспорных в своей полноте. Мы нашли, что эти два значения соответствуют двум аспектам или двум эволюционным фазам психических сил, которые прикладываются к

единым символическим типам, потому что в связи с поднятием импульсов имеет место интро-детерминация. Когда мы сформулировали проблему множественной интерпретации, мы были поражены фактом, что помимо двух значений, которые были фактически полностью противоположными в этических отношениях, была одна треть, этически безразличная, а именно, естественно научно. Кроме того, что я еще не исчерпал анаagogическое содержание нашего материала и так многое должен добавить в последующих разделах, я сталкиваюсь с задачей частичного объяснения мифа о природе. Я обязательно кратко сделаю это.

В случае алхимии естественное научное содержание — химия (в определенной степени, связанная с физикой и космологией), что едва нуждается в доказательствах. Алхимическая химия не была, что и говорить, научной в строгом современном смысле. По сравнению с нашими современными представлениями она была настолько пропитана мифологией, что я мог назвать ее наукой с мифологическим самосознанием, в чем я пойду несколько дальше очень стройной концепции Вильгельма Вундта (Volkerps. Myth. u. Rel.) относительно мифологического восприятия, стремясь к более конкретной формулировке, но не теряя специфического понятия мифического или расширяя его, что удалось Г. Ф. Липпсоу. Мифоподобная точка зрения и способ мышления алхимии выражаются также и в том, что она использует символический язык. [Понятие символа в более широком смысле, как в моих статьях о символизме (PS Jb. F., II-IV).]

На выбор символа оказывает сильное влияние то, что производит сильное впечатление на ум, что трогает душу, принося радость или огорчение, связано с жизненными интересами, коротко говоря, то, что волнует нас сознательно или бессознательно. Это влияние наглядно демонстрируют обыденные примеры, где профессионал или любитель воспринимают одни и те же объекты различным образом. Так пейзажист видит в озере красоту, рыболов возможность ловить рыбу, бизнесмен — шанс основать санаторий или паромные линии, яхтсмен — место для своих развлекательных поездок. В символической концепции объекта, кроме того (что преимущественно зависит от бессознательной или неконтролируемой стимуляции фантазии, формирующей символ), выбор из числа многих возможностей не может, конечно, упасть на символы неприятные или неинтересные к уму. Даже если мы сознательно производим сравнения, мы выбираем примеры главным образом из любимой и знакомой сферы; когда что-то «происходит» с нами, то здесь уже проявляет себя некоторая часть бессознательного комплекса. Далее фантазия развивает свободную игру.

Сырой продукт выбирающей символ фантазии человека («сырье», то есть, не замаскированный) содержит следы объектов, которые близко касаются рассматриваемого человека. («От полноты сердца происходят слова» — даже непреднамеренно.) Если мы рассматриваем духовный продукт, выраженный в символах (мифологически осознанный), и чьим автором является не конкретный человек, но многие поколения или даже человечество, то этот продукт будет, в особенностях выбора символа, демонстрировать не индивидуальные наклонности, а скорее то, что одинаково затрагивает всю человеческое общество. Для алхимии, как мифологически мыслящей науки, полностью пронизанной символами, в выборе символов характерны такие образы, которые отражают то, благодаря психоанализу известно нам как «титанические» импульсы (Эдипов комплекс). Неудивительно! Мы познакомились с этими импульсами в психоаналитических исследованиях, и они стоят прежде всех индивидуальных особенностей. И если бы мы не знали о них, то алхимия учила бы нас этому.

Знакомая схема импульсов с ее «титаническим» основанием, существующим в каждом человеке (хотя, в некоторых случаях эти импульсы могут быть невероятно сублимированы) проявляет себя в продуктах индивидуальной фантазии. Когда же множество людей вовлечено в основание, формирование, полировку и разработку символической структуры (например, сложение сказаний), то такие продукты фантазии превышают индивидуальность. Пример такого типа — «мифологическая» наука алхимия. То, что нам стало известно в ходе ретроградного рассмотрения типов, содержащихся в ее символах (и которые часто появляются вполне очевидно), объясняется тем, что в ходе критики эти основные формы импульса испытали сильную репрессию, и что их возрождение встречает сильное сопротивление (мораль, вкус, и т. д.).

Многokrатно рассмотренные элементарные типы проникли в организацию алхимического иероглифического письма, поскольку человечество, столкнувшееся с загадками физико-химических фактов, изо всех сил пыталось выразить их разгадывания посредством мысли. Мощь типического содержания воспользовалась обилием сознательного восприятия, если можно так выразиться, для выбора символов. Здесь имел место процесс детерминации подобно тому, как это происходит в сновидениях, когда мы наблюдаем совпадение материальной и функциональной символики. Здесь снова проявляется эвристическая ценность, которую имело для нашего исследования введение понятия функциональных категорий.

Возможность извлечения «титанического» и «анагогического» содержания алхимических трудов (часто их авторы ставили перед собой лишь

химические задачи) теперь легко объяснима. Мы можем сделать это, потому что оно уже в них присутствует, даже если не представлено в ярко выраженной «титанической» (т.е., ретроградный аспект) или «анагогической» (прогрессивный аспект) форме, раскрываясь на неопределенном среднем этапе интро-детерминации. То, что дало возможность для этой игры символики, является вниманием, направленным в сторону химии. Химическое содержание в алхимии, если можно так выразиться, к которому она осознано стремилась, в то время как все остальное проникло случайно, все же не вызывает сомнений. Натурфилософия послужила источником или стеблем, на котором расцвела титаническая и анагогическая символика. Таким образом, становится понятно, как стремление алхимии к решению химических задач трансформировалось в герметизм, приследующий анагогические образовательные цели настолько, что время от времени и целыми группами, алхимия использовалась просто в качестве мистического наставления без какой-либо оглядки на химию.

Теперь с обнаруженным в алхимии мы обратимся к мифологии, где присутствуют аналогичные отношения. [Используемую здесь Теорию апперцепции не следует путать с Теорией интеллекта (Штейнталя), которую Вундт (V. Ps, IV2, стр. 50 и следующие) критиковал как теорию иллюзии. Я воспользуюсь вундианской концепцией «мифологической апперцепции» (там же., стр 64 и следующие), которая делает особый акцент на аффективных элементах, оказывающих большое влияние. Согласно Вундту, аффекты — это «фактические главные движущие силы импульса» и самые сильные стимулы фантазии (ib., p. 60). «Аффекты страха и надежды, желания и нежелания, любви и ненависти и есть повсеместные источники мифа. Они, конечно, всегда связываются с образами. Но они первоначально вдохнули жизнь в эти образы». Здесь я не согласен с Вундтом, у меня есть более определенные идеи происхождения аффектов, посредством которых они тесно связываются с часто упоминаемыми элементарными побуждениями.] Современное исследование мифов, по моему мнению, достаточно показало, что мы имеем дело с зарождением натурфилософии (понимание звездных и даже метеорологических процессов, и т. д.) вокруг которого может расти легендарный и исторический материал. На подробном примере двух сказок, а также бесчисленных других, я продемонстрировал, что психоаналитическая и анагогическая интерпретации соседствуют с научной. [Мы можем подвергнуть критике Хичкока за то, что, рассматривая сказки, он использовал их наиболее современные формы, и не беспокоился об их происхождении и архаичных формах. И в самом деле, более современные формы дают

возможность намного более богатой анагогической интерпретации, чем архаичные. Но это не свидетельствует против интерпретации, но лишь устанавливает их ориентацию в развитии человеческого духа. Анагогическая интерпретация в действительности является потенциальным объяснением в смысле этического прогресса. Теперь даже развитие сказок очевидно демонстрирует прогрессию к этическому; и поскольку этическое содержание рассказа растет, анагогическое объяснение становится более очевидным в современных формах рассказов и, соответственно, находится в более близкой связи с мифическим материалом.] Я приведу в этой связи лишь один пример, а именно, схему, которую разработал Фробениус на основе сравнения многочисленных мифов о солнце. Героя глотает водный монстр на западе [солнце садится в море]. Чудище отправляется с ним на восток (ночной путь солнца, очевидно в глубине моря). Он зажигает огонь в животе монстра и отрезает часть сердца, когда становится голоден. Вскоре он замечает, что рыба оказалась на мели. (Зажженное вновь солнце выходит из-под горизонта.) Он немедленно начинает прорубать себе выход из тела животного, и затем выскакивает (восход солнца). В животе рыбы было так жарко, что все его волосы выпали. (Волосы, вероятно, обозначают лучи.) Вполне столь же очевидный, как смысл мифа о природе, факт, что у нас существует представление о возрождении, которому можно найти как психоаналитическое, так и анагогическое объяснение.

Теперь я не могу одобрить попытку многих психоаналитиков преуменьшать или игнорировать научное содержание (зарождение натурфилософии) мифов, которое было столь убедительно доказано более современными исследованиями, пусть, и не так подробно рассмотрено в деталях. [Я утверждал это ранее в PS Jb. F., IV (Princip. Anreg.) и до того в PS Jb. F., II (Phant. u. Миф), где отстаивал равенство натурфилософского и психологического содержания. Теперь я с удовольствием наблюдаю, как один из авторов психоаналитической школы недавно заинтересовался тем же предметом, что и я. Доктор Эмиль Ф. Лоренц в февральском издании «Imago», 1913, рассматривает «Титанические мотивы в общей мифологии» способом, который приближается к моим представлениям. При рассмотрении основных человеческих побуждений как апперцептивной совокупности, особенно отчетливо демонстрируется общая склонность к примитивной интерпретации природного явления. К сожалению, статья вышла после того, как настоящая книга была закончена. Потому, даже если мне не представится возможность погрузиться в этот вопрос, я тем не менее обращаюсь к нему и в то же время выражу надежду, что Лоренц

далее внесет первоначальный вклад в его изучение в форме афоризмов, как он называет его.] Недопустимость подобных упущений следует из огромной важности и осмысление явлений таким образом (т.е., мифологически) ценно для человечества (например, движение солнца, которое было очень важно в связи с зависимостью от капризов природы). Если с одной стороны, психоаналитику будет не следует убеждать натур-мифолога оставить его положения и доказывать, что любой символ означает не солнце, но отца, то также и с другой стороны, натур-мифолог, так глубоко понимающий собственные интерпретации, не должен нападать на определенно психологический вопрос: почему в апперцепции объекта, тот, а не иной символический образ попадает в сознание. Так, например, почему закат и восход солнца так легко связываются с глотанием и отрыжкой, или процессом регенерации. И тем не менее, Фробениус (Zeitalt. d. Sonneng., I, p. 30), считает символику «незначительной».

Также возможно, что навязчивые сюжеты кровосмешения, кастрации отца, и т.д., должны были заставить мифологов задуматься. Многие из них склонялись к отвержению психологической ценности этих вещей. Я должен потому признать справедливость представления Ранка когда он (Inz-Mot., p. 278), говорит в отношении мифа об Эдипе: (справедливо, по всей вероятности, интерпретируемый Гольдциером как миф солнца): «Все же несомненно, что эти идеи кровосмешения с матерью и убийством отца происходят из человеческой жизни, и что миф в этом человеческом облики не мог просто упасть с небес без соответствующей психической идеи, которая, возможно, действительно была неосознанной даже во время формирования мифа так же, как она не осознается сегодняшними мифологами».

И в другом отрывке (стр. 318 и последующие): «В то время как эти исследователи (натур-мифологи) рассмотрели бы кровосмешение и кастрацию в равной или еще большей степени, как главные побуждения в формировании мифов на основе астрономических примеров, мы вынуждены психоаналитическими соображениями найти в них универсальные примитивные человеческие цели, которые позже, в результате потребности психологического оправдания, были спроектированы на небеса, где наши интерпретаторы мифа хотят в свою очередь реализовать их. [Приняла ли такая потребность в оправдании участие в формировании мифов, кажется мне сомнительным или, во всяком случае, не доказуемым. Как бы то ни было, придавая значение этим ненужным предположениям и проецированию на небеса приземленных психологических основных побуждений как актам реализации, мы упускаем более важную причину появления

этих образов в мифологии, а именно, уже упомянутая огромная важность задач, которые с помощью них решаются. Теперь факт, что основные мотивы связаны с символической реализацией этих задач, не подразумевает защиты, направленной против них. Лучшая защита должна была бы подавить их в символической, чтобы, в действительности, использовать их в ней.] Эти переводчики, например, полагали, что в мотиве расчленения (кастрации) содержится символическое предположение постепенного убывания луны, в то время как перемена для нас бесспорна, а именно, наступательная кастрация нашла более позднее изображение условными знаками в лунных фазах. Все же это спорит со всей логикой и психологией, что человек мог символизировать столь безобидное явление как новолуние таким калечащим способом, как расчленение или кастрация самого близкого родственника. Так, натур-мифологи в целом и Сике в частности полагали, что примитивный человек „немедленно расценил непостижимое (ему) убывание луны как расчленение, в то время в психологическом отношении это довольно невероятно, если только подобный образ не взят из земной жизни, где в человеческой жизни происходит и обдумывается нечто подобное».

Действительно невероятно, чтобы люди выбрали для природного явления такие титанические символы, если бы они не имели для них особой психической значимости, и от того волнующие их. Если бы кто-то возразил, что они «не выбрали» их (потому что они намеренно не изобрели аллегории, как считалось ранее), я должен буду задать противоположный вопрос: «Кто выбрал их?» Я буду придерживаться слова, «выбирают» для выбора, который имел место. Но силы, определившие этот выбор, жили, и все еще живут в душе человека.

Концепция, отстаиваемая мной, отдает должное натур-мифологам, как и психологам, выступающим против них. Она, кроме того, воскрешает, третью очевидно потертую тенденцию [так называемая теория вырождения], которая усматривает в мифе сокрытие древней священной мудрости. Данное представление отличалось тем, что придавало некоторую значимость, которую современные переводчики не придают вовсе анагогическому содержанию мифов (даже если и в неправильной трактовке). Необходимость учитывать анагогическое содержание мифов следует из факта, что религии с их этическими оценками произошли из мифического начала. И этим отношениям должно быть уделено внимание. На пути, которым более старые интерпретации мифов рассматривали эту связь, они преследовали фантом, но их точка зрения становится пригодной к использованию как только меняется порядок

развития. Верно не то, что религиозное содержание мифов было священнической мудростью старины, но скорее то, что оно стало таковым в конце развития. Моя концепция показывает далее, что материал, столь блестяще собранный Штуkenом и другими современными исследователями, прекрасно устанавливает и сравнивает мотивы (соответствующие психологическим типам), но ему не хватает убедительных доказательств на столько, что некоторые думают, будто видят перед собой теорию миграции или теорию элементарных мыслей.

Относительно возможно отталкивающего впечатления, полученного из понятия неосознанной деятельности мысли фантазии в формировании мифа, я хотел бы согласиться со словами Карла Отфрида Мюллера: «Возможно, понятие бессознательного состояния в формировании мифов будет казаться смутным для многих, даже таинственным..., но разве история не должна признавать странное, если беспристрастное исследование приводит к нему?»

Глава 2

ЦЕЛЬ РАБОТЫ

В предыдущем разделе символизм и психология прогресса мистической работы были более или менее развиты, но, конечно, не до конца. Восстановление – это, очевидно, начало нового развития, природу которого мы пока не рассматривали тщательно. Ничего еще не было сказано определенно о поздних фазах работы и ее цели. Я боюсь, что этот раздел, хотя и посвященный преимущественно цели работы, не может осветить ее со всей желаемой ясностью. Конечно, конечный исход работы можно свести к трем словам: Единение с Богом. Но мы не можем удовлетвориться утверждением, столь неясным для наших психологических нужд; мы должны стремиться постигнуть внутреннюю природу духовных переживаний на пути к непостижимому; хотя я должен с самого начала указать, что с каждым шагом, которым символизм мистиков ведет нас к восстановлению, мы сталкиваемся с риском уйти в сторону от психологии, и в дальнейшем сразу же испытаем эти отклонения. Нам придется, временами некритично, перебираться в мир познания герметиков, что, конечно, чистая фикция, ведь чтобы сделать это верным образом, нужно иметь за плечами мистическое развитие [чем бы оно ни было]; нужно самому быть «дважды рожденным». Одно можно принять за верное: что последовательность символов, появляющихся в поразительном согласии среди всех мистиков всех времен и народов, связана с разнообразием переживаний, которые, по всей видимости, общие для всех мистиков на различных стадиях их развития, но совершенно чужды не-мистикам (или, точнее, всем людям, даже мистикам, которые не достигли соответствующего уровня).

Исходя из этой посылки, я подниму вопрос о цели алхимии (мистицизма). Здесь я следую в общем ходу мысли Хичкока, не придерживаясь твердо его описания. (Я цитирую Н.А. = Hitchcock, *Remarks upon Alchemy*).

Алхимический процесс, как говорят сами герметики, это циклическая работа, и конец в некоторой степени находится в начале. Здесь лежит одна из величайших тайн всей алхимии, хотя смысл ее языка следует понимать

более или менее так, как описано далее. Если, например, говорят, что всякий, желающий сделать золото, должен обладать золотом, нужно полагать, что искатель истины должен *быть* истинным (Н.А., р. 67); что всякий, желающий жить в гармонии с совестью, должен быть в гармонии с ней, и что всякий, кто хочет идти путем к Богу, уже должен иметь Бога в себе. Далее, когда совесть, в которой существуют чувство правильного и справедливого, действует под властью идеи Бога, она наделяется сверхъестественной силой и становится, как я понимаю, философской ртутью алхимиков и ценной солью ртути. Это не что иное, как его великолепная патока и т.д. (Н.А., р. 53). Прогресс в работе указывает на некое единство как цель, которую, однако, достигают очень немногие, разве что на словах (Н.А., р. 157). Герметические авторы утверждают полное согласие своих учений, но это согласие ограничено некоторыми принципами первостепенной важности в их доктрине, которая связана практически исключительно с определенной практикой; вероятно, приведением в действие сознания долга, что утверждает Кант своим категорическим императивом: «Не рассуждающее, хотя не безрассудное, послушание пережитому, настоящее чувство долга, предоставление результата Богу; вот что я склонен называть Путем».

Делай, что должно!

Не ищи результата своих деяний!

Без зависимости совершай то, что должен!

Всякий, действующий без привязанности к миру,
достигает высочайшей цели.

[И так далее во многих местах Бхагавад-Гиты].

Итак, конец, возможно, плод послушания. Может быть, что постоянное сохранение внутреннего единства, которое с уравновешенностью выносит все внешние превратности судьбы, ведет человека к некоему особому опыту, который подтверждает то, что изначально было лишь верой в благословенность добродетели (Н.А., р. 128). Герметические философы должны обладать совестью, известной как Путь или основа работы, но с учетом особой чудесной работы алхимии (трансмутации) они придают основное значение любви; она совершает трансформацию *субъекта* в любимый *объект* (Н.А., р. 132).

Араби: «Фундаментальный принцип любви в том, что ты становишься подлинной сущностью возлюбленного (Бога) в том, что отбрасываешь

свою индивидуальность и исчезаешь в нем. Блаженство – это обиталище божественной и священной радости (Horten, Myst. I, p. 9).

Схожим образом в йоге мы находим примеры того, что дух, погружаясь в объект восприятия, отождествляется с объектом. Объект не обязательно должен быть высочайшим, но возможна градация. Араби тоже признает градацию объектов, так как они соответствуют, в корреляции с погружением или исчезновением, различным мистическим состояниям. [Цвета и т.д. в алхимии]. Можно процитировать два отрывка Араби: «Мое сердце пригодно для всякой формы [религиозного культа]; ведь сказано, что сердце (корень: kalaba = переворачиваться, изменять себя) называется так из-за своего постоянного изменения. Оно изменяется в соответствии с различными (божественными) влияниями, которые оно чувствует, согласно с разными состояниями мистического просветления. Это разнообразие переживаний результат разнообразия божественных обликов, встречающихся в сокровенном духе. Закон религии (теология) говорит об этом явлении как об изменении и преобразении в формах (жизни и бытия)». Газели – это объекты любви мистика. В одном из своих стихотворений он говорит: «Отдайся же игре, как прекрасные полногрудые девы и наслаждайся пышными ивами, как самки газели». В комментарии к этому отрывку он говорит: «„Игра“ означает различные состояния мистика, в которых он продвигается, переходя от одного божественного имени к другому» (Horten, Myst., I, pp. 11, 13, ff.)

Этический идеал мистика состоит в том, чтобы все более и более откладывать ограниченное эго и заменять его качествами Бога, чтобы стать Богом.

Когда у Араби тема оды «Через аскетизм, страстное стремление к Богу и терпение в страданиях человек становится Богом или обретает божественную природу» (Horten, Myst., I, p. 16), то эта цель тождественна с целью алхимической трансмутации; исходный металл обретает (через очищение, обработку и т.д.), благодаря смешиванию с Философским Камнем, природу золота, т.е. божественную природу.

Но требуется огромное терпение. Поспешность – такое же великое зло, как и бездействие. Говоря языком алхимиков, так же плохо опалить нежные цветки вынужденным и поспешным огнем (который, несмотря на свою интенсивность, может быть соломенным огнем), как и давать угаснуть огню, который следует постоянно поддерживать, и дать материи остыть. Процесс дистилляции следует совершать медленно, чтобы духи не сбежали. То, что поднимается как пар после «нагревания» в «хранилище» (т.е. в человеке) – это душа, поднимающаяся в высшие области. Дистиллируясь в виде капель дождя [destillare = выпадать], она каждый

раз приносит в жаждущую материю божественные дары. Но здесь нельзя переусердствовать, ведь жаждущая земля должна быть тщательно надедена небесной влажностью воды жизни: процесс «впитывания».

Металлический объект должен быть тщательно растворен в собственной естественной воде (совесть), и никак не мощным агентом, не разрушающими кислотами, которые глупец применяет, чтобы достигнуть цели в спешке, ведь такими средствами он либо портит материю, либо производит чисто поверхностное действие. Бесчувственный аскетизм и подобное ему так же предосудительны, как и пылкий энтузиазм (который мы назвали здесь соломенным огнем). Этическая работа алхимии в обычной жизни – это сублимация; важно, чтобы материя всякий раз получала столько, сколько она может сублимировать. Можно понимать это и следующим образом. Материю нужно увлажнять только той водой, которую она может использовать после имевшего место растворения (т.е. сохранять в устойчивой форме, поглощать в свою природу). Сравните в этой связи слова графа Бернарда фон Треви: «Уверяю вас, что никакая вода не может растворить металлические примеси естественным растворением, за исключением той, что обитает в них в материи и форме, и которую сами металлы, будучи растворены, могут сгустить снова» (Н.А., pp. 189 ff.)

Слова Изумрудной скрижали «медленно и вполне рассудительно» следует учитывать в полной мере.

Желанные полнота или единство должны быть состоянием души, условием бытия, а не знания. Средства, ведущие к ним, предполагают в неопите нечто подобное религиозной вере, а поскольку условия мастерства кажутся противоречивыми неопиту, мистические переживания, из них происходящие, называются «сверхъестественными». «Сверхъестественность», однако, только видимость, являющаяся результатом слишком узкого восприятия природы, как когда мы видим в ней лишь совокупность тел. Если мы подразумеваем под природой возможность жизни и деятельности, то кажущееся сверхъестественным следует считать природой. Выражения «естественное» и «сверхъестественное» лишь средства мыслительного суждения, это предварительные требования, имеющие некоторую оправданность, но только пока остаются выражениями стадии знания. Изначально сверхъестественное находит свое разрешение в природе, или, скорее, Природа возвышается до божественного. Если естественное и сверхъестественное символизируются, одно описывается как сера, а другое как ртуть, то последователь философии, от которого требуется мыслить вещи, а не только названия, в конечном счете приходит в процессе поиска, к признанию нераздельности двух в чем-то третьем, что можно

назвать солнцем; но как только все три будут восприняты как неделимое единое, термины могут поменяться местами, пока, наконец, не произойдет внутреннее просветление. «Те, кто никогда не имел этого опыта, склонны осуждать его как воображаемый, но те, кто достиг его, знают, что вступили в высшую жизнь или чувствуют, что способны смотреть на вещи с высшей точки зрения. Пользуясь несколько некорректными выражениями, это сверхъестественное рождение, достигаемое естественным образом» (Н.А., р. 229). Когда алхимики говорят о философской ртути и философском золоте, то имеют в виду нечто в человеке и Боге, что в конечном счете оказывается Единым. «Благодаря этому символизму алхимики избегают трудности обращения с предметом при помощи обычного языка. Учащийся должен всегда возвращаться к природе и ее возможностям за смыслом позаимствованных символов, и в ней же герметические мастера постоянно его обращают» (Н.А., pp. 232 ff.) Если в сердцах ищущих появился истинный свет, зажженный изнутри (хотя, очевидно, чудом снаружи) «сера и ртуть становятся едины или рассматриваются как одно и то же, отличаясь только в некотором отношении; как известное и неизвестное (и сознательное и бессознательное) едины, неизвестное уменьшается по мере увеличения известного и наоборот» (Н.А., р. 235).

Один алхимик учит: «Подумайте хорошенько, что хотите создать, и в соответствии с этим управляйте намерением. Возьмите последнее в своем намерении как первое в своих принципах. ... Не предпринимайте ничего, выходящего за пределы природы [затем следуйте притчам, что виноград не собирают с чертополоха и т.д.] Если вы знаете, как применить это учение в своих действиях, как должно, то получите огромную выгоду, и тогда откроется дверь к открытию великих тайн». На самом деле, есть огромная разница между тем, кто ищет то, что ищет, как цель, и тем, кто ищет это как средство достижения цели. Искать знания ради богатств – это совершенно иное дело, чем искать богатств (или независимости) как средства познания. В данном изучении средства и цель должны совпадать, т.е. истину следует искать только ради нее самой» (Н.А., р. 238). В книге «De Manna Benedicto» читаем: «Кем бы ни был ты, читающий этот трактат, заклинаю тебя направлять свое понимание и душу больше к Богу ради соблюдения его заповедей, тем к любви к этому искусству [т.е. его внешним частям], ведь хотя это единственная, а на деле вся, мудрость мира, она все равно бессильна по сравнению с божественной мудростью души, которая суть любовь к Богу в соблюдении его заповедей. ... Был ли ты алчен, профан? Будь же смирен и набожен и со всей скромностью служи славному творцу; если ты не склонен к этому, то занят отмытием эфиопа добела»,

Желание, как полагают некоторые древние философы, корень всех аффектов, которые проявляются в парах. Радость соответствует исполненному желанию, горе – его исполнению, которому положена преграда или конец; надежда – это ожидание его исполнения, страх – перед противоположным и т.д. Все пары противоположностей в некоторой степени поверхностны, они приходят и уходят со временем, тогда как важнейшее остается, будучи невидимо и не связано со временем – непрестанная деятельность, неизменная способность к волевому действию, как ее называли прежде. (Это либидо психоанализа. В своих проявлениях оно подвержено биполярности, как Штекель называл неизбежные пары противоположностей.)

Пары противоположностей были замечены в индийском учении о спасении точно так же, как в алхимии. Алхимические иероглифы, известные нам, богаты [двусмысленными] выражениями враждебной Диады (пары), с удалением которой достигается лучшее состояние, хотя в самом начале она необходима для достижения цели работы. В Бхагавад-Гите пары противоположностей играют огромную роль. Мир полон агонии из-за пар противоположностей, которые встречаются повсюду. Жар, холод; высокое, низкое; добро, зло; радость, горе; бедность, богатство; молодость, старость; и т.д. Основа противоположностей образуется первичным противопоставлением Раджас-Тамас. Спасение от него через осознание высшего «я», превосходящего это противопоставление и не участвующего в нем, суть главнейшая цель усилий к спасению. Так что тот, кто поднялся над качествами вещественности, описывается как спасшийся от противоположностей.

«Касания плоти, Каунтея, приносят страдание, радость, жар, холод,
Непостоянны они: приходят — уходят; противостань им, Бхарата!
Лишь человек, не колеблемый ими, тур-Бхарата,
В страдании, радости равный, стойкий, готов для бессмертья».
(II, 14–15 [1])

Дух, подлинное «я», поднимается над волнениями качеств природы:

«Не сечёт Его меч, не опаляет пламя,
Не увлажняет вода, не иссушает ветер:
Неуязвим, неопалим Он, неиссушим, неувлажняем;
Вездесущий, Он пребывает, стойкий, недвижимый, вечный»
(II, 23-24)

Эта характеристика звучит почти как описание ртути философов, которая нерушима, вода, что мочит, огонь, что не пожирает.

Гермес о человеческой душе: «Случайности в материальных веществе-ствах никогда не симпатизировали друг другу, напротив, они всегда были в противостоянии и взаимном конфликте. О, душа, храни себя и отвращайся от них. ... Ты, о, душа, единой природы, они же множественны; ты едина с собой; они, напротив, в конфликте друг с другом. [С психоаналитической точки зрения душе здесь приписывается свойство, которое желанно, но не присутствует, тогда как то, что нежеланно, но уже присутствует в душе (склонности и антипатии) проецируется на внешний мир]. ... Сколько же ты, о, душа, будешь нуждаться и бежать от одного ощущения к противоположному, то от тепла к холоду, то от холода к теплу, то от голода к сытости, то от сытости к голоду?» (Fleischer Herm. a. d. Seele, pp. 14 ff.) «Будь же, душа, почтительна в своем поведении в этом мире, но не как ребенок без понимания, который, когда ему дают поесть и ведут себя снисходительно, удовлетворен и доволен, а когда ведут себя жестко, плачет и считает плохим, начинает плакать, еще смеясь, а, удовлетворившись, снова становится плохим. Это нельзя похвалить, это недостойное и заслуживающее порицания поведение. Мир, о, душа, устроен так, чтобы соединять именно эти противоположности; добро и зло, благо и горе, несчастье и покой, содержит такие идеи, которые пробуждают душу и дают ей возможность осознать себя, так что в результате она получает разум, просвещающий и добывающийся знания, т.е. мудрости и знания истинной природы вещей. Только для этой цели душа пришла в мир – учиться и получать опыт; но она подобна человеку, который приходит в некое место, чтобы с ним познакомиться и узнать его условия, а потом забрасывает изучение, исследование и собирание информации и отвращается духов, стремясь к удовольствию и наслаждению от других вещей, и из-за этого забывает обрести то, к чему стремился» (L. c., pp. 8 ff.)

Вернусь к психологической точке зрения нашего друга Хичкока: «Желание и любовь – это почти синонимы, ведь мы любим и ищем то, что желаем, так что желаем и ищем того, что любим; но ни любовь, ни желание не связаны с одной, а не другой вещью никакой необходимой связью, будучи при подходящих условиях направлены к чему угодно. Из чего следует, что возможно сделать Бога как Вечного их объектом, или назвать его истиной, и мы можем увидеть, их удовлетворение может быть причастным его собственной природе. Мы читаем, что человеку не свойственно любить и стремиться к благому и истинному, потому что оно благое и истинное; но мы называем благим то, чего желаем, и тут лежит

великая ошибка жизни. Как мы можем видеть, бесчисленные последствия зависят от выбора объекта желания, который, как мы сказали, легко может быть как вечным, так и преходящим. Нужно остеречься от слишком механического представления об этих вещах. Тем самым мы слишком сильно отдалимся от точки зрения настоящих алхимиков. Один автор рассказывает о значительном продвижении, которое он совершил с тех пор, как обнаружил, что природа действует «магически». (H.A., Hitchcock's Remarks upon Alchemy, pp. 294 ff.)

Отвращение и ненависть, противоположности желания и любви, не являются независимыми аффектами, а зависят от последних. Есть только один импульс, нацеленный на то, что его удовлетворяет и отвращающийся от того, что ему противоречит. «Если же желание обращено на одну-единственную вечную вещь, тогда, поскольку природа человека приобретает свой характер от его ведущего или главного желания, весь человек постепенно обращается или, как думают некоторые, преобразуется в эту самую вещь» (H.A., pp. 295 ff.)

Это учение, естественно, предполагает уже упомянутую возможность обучения воли, но ее все равно необходимо закрепить на определенном объекте. Любовь к преходящему обманывается, потому что объекты исчезают, тогда как само желание, волевое действие (или, на психоаналитическом языке, либидо) длится вечно. Для этого вечного желания подходит только вечный объект. Объект такого рода не найти во внешнем мире. Можно только удалить внешний объект и предложить взамен идею. В тот момент, когда происходит удаление внешних объектов, либидо начинает, так сказать, выставлять себя как объект; в идеале мы даем ему ядро для этого процесса, чтобы оно создало вокруг него новый объект и пропитало собственной жизнью. Так что «магическим» путем создается новый мир, законы которого идеальны. Появление нового мира (новой земли и новых небес, нового Иерусалима и т.д.) встречаются часто в символическом языке мистицизма.

Законы идеала и, следовательно, нового мира определяются природой идеала. Не каждый оказывается неизменно подходящим.

«Кто чтит богов, тот к богам идёт; к предкам идут служащие предкам, К духам идут приносящие жертву духам; кто жертвует Мне — ко Мне приходит», — говорит Высшее Существо Арджуне в Бхагавад-Гите (IX, 25). С самого момента восстановления мистику предстоит создать в себе новый мир, законы которого он, до некоторой степени, может выбирать сам. Удачлив тот, кто делает хороший выбор. Каждый сам архитектор собственной судьбы. Это особенно верно, когда после обращения внутрь

сила самости, определяющая судьбу человека, направляется к самой интенсивной жизни. Создание и возделывание новой земли – это начало, богатое самыми значительными последствиями. Алхимики говорят о девственной земле или слоистой белой земле (т.е. кристаллической) как об определенной стадии в работе. Вероятно, это та стадия, которую мы рассматриваем сейчас, стадия новой, еще не развитой земли, которую теперь предстоит обустроить (в соответствии с принятым идеалом). Почва кристаллическая, потому что старая земля растворена и была заново образована после растворения. Кристаллизация соответствует восстановлению. «Белая земля», вероятно, соответствует «белому камню», который является первой стадией полноты после черных (первой мистической смерти, гниения, измельчения или раскаяния). В белую землю сажают семя. Мы еще о нем услышим.

Если работа заключается не в том, чтобы сделать людей непригодными и снова втолкнуть их в конфликт с жизнью, так что усилия станут бесплодными, новый мир должен быть устроен так, чтобы оказаться совместимым с требованиями реальной жизни. Иными словами, идеал, управляющий новым миром, должен быть этическим. Мистик, который желает освободиться от противоречий, должен следовать за своей совестью как за проводником, и не за неизученной, а за изученной совестью. В долгосрочной перспективе он не сможет от нее отказаться (те маги, которые ее отвергают, как сообщает нам легенда, в конечном счете будут разорваны на части дьяволом); лучше встать на ее сторону и обратить конфликт в свою пользу. Похоже, что такой мужественный подход приведет в результате к чудесному внутреннему согласию, а во внешнем мире к поразительной твердости характера. Моя цель не в том, чтобы решить, как метафизическое значение может иметь укрепление через мистицизм идеала (Бога во мне).

«Возьми, о, душа, не обычное и недостойное за образец, ибо такое использование и слово в конечном счете будет соотноситься с тобой как природа, твоей противостоящая. Более того, такими средствами само сильное стремление к единству с собственной природой и возвращению в свой дом сбивается с пути. Знай, что возвышенный и величественный Создатель вещей сам благороднейшая из всех вещей. Возьми же благородные вещи за образец, чтобы этими средствами приблизиться к своему Творцу по пути избирательной близости. И знай, что благородное держится благородного, а вульгарное – обычного» (Fleischer, Herm. a. d. Seele, p. 18).

То, что нужно посеять в новую землю, обычно называется любовью. Посев любви должен подняться; любовью будет насыщен новый мир; его

законы будут законами любви. Посредством любви произойдет трансмутация субъекта. Один алхимик (цит. по Н.А., pp. 133ff.) пишет так:

«Я нахожу, что природа Божественной Любви в совершенном единстве и простоте. Нет ничего более единого, неразделенного, простого, чистого, несмешанного и несоставного, чем Любовь. ...

Во-вторых, я нахожу, что Любовь – это совершеннейшая и абсолютная свобода. Ничто не может двигать Любовью, кроме Любви; ничто не затрагивает Любви, кроме Любви; и ничто не удерживает Любви, кроме Любви. Она свободна от всего; сама дает законы себе, и эти законы – законы Свободы; ибо ничто не действует свободнее, чем Любовь, потому что она всегда действует из себя и движима собой, и посредством этой исключительности Любовь оказывается в содружестве с Божественной Природа, да, оказывается самим Богом.

В-третьих, Любовь вся сила и власть. Обыщи тщательно все Небеса и Землю, и не найдешь ничего могущественнее Любви. Что сильнее Ада и Смерти? Но Любовь – это торжествующий победитель обоих. Что более грозно, чем гнев Бога? Но Любовь его одолевает и растворяет, и преобразует в себя. Коротко говоря, ничто не выстоит перед одолевающей силой Любви: это сила горы Сион, которую ничто не может сдвинуть.

В-четвертых, Любовь обладает трансмутирующей и трансформирующей природой. Великое воздействие Любви в том, чтобы обращать все вещи в собственную природу, которая суть все благо, наслаждение и совершенство. Это та божественная сила, что обращает воду в вино; горе и муки в ликующую и торжествующую радость; и проклятия в благословения. Там, где она встречает бесплодную и поросшую вереском пустыню, она преобразует ее в райский сад наслаждений; да, она превращает зло в добро, и всякое несовершенство в совершенство. Она восстанавливает падшее и выродившееся к первичной красоте, великолепию и совершенству. Это Божественный Камень, Белый Камень с именем, написанным на нем, которого не знает никто, кроме имеющего его. [Ср. Откр. II, 17: «Имеющий ухо слышать да слышит, что Дух говорит церквам: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень, и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». А также III, 12: «Побеждающего сделаю столпом в храме Бога Моего, и он уже не выйдет вон; и напишу на нем имя Бога Моего и имя града Бога Моего, нового Иерусалима, нисходящего с неба от Бога Моего, и имя Мое новое». Ср. также XIX, 12 и XXI, 2. Белый Камень с новым именем также соединяется с новой землей. Потому важно, что новый Иерусалим «украшен, как невеста для мужа своего»]. Коротко говоря,

это Божественная Природа, это сам Бог, важнейшее свойство которого в том, чтобы уподоблять все вещи себе; или [говоря словами Писания] примирять все вещи с собой, будь они на Небесах или на Земле; и, конечно, только этим Божественным Эликсиром, преображающей силе и действительности которого противостать не может ничто. («Н.А., pp. 133ff).

В конце работы происходит соединение солнца и луны, обозначающих Бога и человека. Как в учении священных книг Веданты в Индии, в Упанишадах, так и в алхимии, разница между одной душой и Вседушой больше не имеет значения. Для каждого, кто преуспевает в преодолении фундаментальной ошибки, в которую мы все вовлечены, различия исчезают, и две прежде разделенные вещи сливаются. В реальности есть только одно: Бог.

Ириной пишет: «... Огонь природы уподобляет себе все, чем питается, и тогда наша ртуть или растворитель исчезает, то есть поглощается солнечной природой [душа человек растворяется и поглощается божественной Душой или Вседушой], и оба они составляют единую универсальную ртуть [Вседушу] в тесном союзе. Вся эта ртуть – материальное начало Камня; ибо прежде, когда она была составлена из трех ртутей [то есть, когда они думали, что должны различать дух, душу и тело или какие-то иные подразделения], тогда, например, нужно было думать о Душе, мире и Боге или, как они называются в Шветашвар-Упанишаде V, Наслаждающийся, Объект Наслаждения и Восторг.

«...в нем – триада, [он] твердо основанный и нетленный.

Знающие Брахмана, узнав, что [содержится] в нем, погружаются в Брахмана; преданные ему, [они] освобождаются от рождения». [2]

См. также Deussen, Syst. d. Ved., p. 232 и Sutr. d. Ved., pp. 541ff.: «Часто говорят о связи высшего с отдельной душой, а затем снова о расколе [ими обусловленном] внутри Брахма, благодаря которому их две части взаимно противостоят и ограничены. И то, и другое происходит, однако, только с точки зрения различий [upadhi]. ... Было два поверхностных (поскольку они образовывали неоправданное противостояние) и третье, присущее только Солнцу и Луне, но не Камню; поскольку природа производит эти два из него искусственным вывариванием. ... [Эти различия зависят от невежества, после отбрасывания которого индивидуум един с высшим. Связь индивидуальной души с Брахманом – это на самом деле вступление в собственную самость, и разделение в Брахмане так же нереально, как между пространство в целом и пространством внутри тела]. Но когда два совершенных тела растворены [приготовлены для мистической работы],

они трансмутируются ртутью, которая их растворяет, и в них больше нет противоречия; так больше нет различий между поверхностным и сущностным. И это та единая материя камня, предмет всех чудес. Когда ты к этому придешь, то больше не найдешь различий между Растворителем [Богом] и растворенным [душой] ... и цвет зрелой серы [божественной природы], неразделимо слитой с ней, придаст оттенок твоей воде [душе]». Ириной говорит, что два тела, Солнце и Луна, алхимики сравнивают с двумя горами, во-первых, потому что их находят в горах, а во-вторых, посредством противостояния: «Ведь где горы выше всего над землей, там же они ниже всего под землей» и добавляет: «Имя не столь значительно, возьми тело, которое суть золото [т.е. здесь совершенный человек] и брось его в ртуть, такую ртуть, что как бы бездонна [бесконечна], то есть центр которой оно не найдет нигде, кроме как открыв собственный» (Н.А., 283 ff.)

Ссылаясь на такие и похожие выражения алхимиков, Хичкок верно обращает наше внимание на Плотина, который, например, пишет (Епн., VI, 9, 10): «...все мы должны стремиться возвыситься, вознестись, как бы освободиться от тяжести связывающих душу телесных уз, и все силы употреблять на то, чтобы всем нашим существом соединиться с Богом, чтобы в нас не оставалось ничего такого, что препятствовало бы такому полному единению с Ним. Кто удостоивается такого единения, тот зрит Бога, зрит в нем самого себя — просветленного, в сиянии духовного света, даже более — видит себя, как сам свет — чистый, тонкий, легкий. Ему кажется тогда, что он сам как бы обратился в божество, что он весь пламенеет, как горящий огонь; когда же минует это состояние, он опять становится тяжелым и ничтожным. ...

В этом созерцании созерцающий Бога увидит в Нем и самого себя простым и чистым. Хотя в таком созерцании есть налицо созерцающий и созерцаемое, две стороны, а не одна, однако, как ни смело это покажется, но можно сказать, что созерцатель тут, собственно, не созерцает, ибо сам становится тем, что есть созерцаемое.

Он не усматривает, не различает, не воображает никакого двойства, став совсем иным, перестав быть тем, чем был, ничего не сохранив от прежнего себя. Поглощенный созерцаемым, он становится едино с ним, наподобие того, как центр совпадает в одной точке с другим центром, ибо такие два центра составляют одно, насколько совпадают в одной точке, и в то же время представляют двойство, насколько они суть центры двух различных кругов. В таком же приблизительно смысле мы и говорим о Душе, что она есть иное существо, чем Бог».

Я вспоминаю также отрывок в Amog proximi, где сказано, что земля снова окажется в Solis punctum. [3] Центр солнца [Бога] виден в символе ☉. Теперь мы понимаем мистическую разницу между иероглифами ☉ и ☽, между золотом и квасцами. Чтобы выразить в символе ртути ♀ достигнутое единство (представленное ⊕) ☉ и ☽, которое происходит через новообнаруженную центральную точку, также используется символ ♀.

Я упоминал учения Веданты, согласие которых с алхимией также было подмечено Хичкоком. Она тоже явно занимает точку зрения «несуществования второго». Множественность – это видимость; разница между отдельной душой и Вседушой зависит от ошибки, которую мы можем преодолеть. Цель спасения – это восхождение во вселенский дух Брахмы (в нирване буддистов заложена та же мысль). Для того, кто вступил в высший дух, больше нет «другого». Брихадараньяка-Упанишада IV, 3: (23): «Хотя, поистине, тогда [в состоянии глубокого сна] он не видит, – поистине, зрящий он, [хотя] не видит. Ибо не разрушается зрение у зрящего, потому что не может погибнуть. Но нет второго [после него], нет другого, отличного [от него], что он мог бы видеть. (24). Хотя, поистине, тогда он не обоняет, – поистине, обоняющий он, [хотя] не обоняет. Ибо не разрушается обоняние у обоняющего потому, что не может погибнуть. Но нет второго [после него], нет другого, отличного [от него], что он мог бы обонять. (32). Он становится словно вода, один, видящий, недвойственный. Это – мир Брахмана, о, царь». ... Это – его высшая цель, это – его высшее достояние, это – его высший мир, это – его высшее блаженство. Малой долей этого блаженства и живут другие существа».

Если я сравниваю герметические учения, с одной стороны, с Ведантой, и, с другой, с санкхья-йогой, то не теряю из вида их фундаментальный антагонизм – Веданта монистична, санкхья дуалистична, — но принятие учения о спасении общее для них обоих. То, что мистик находит в обеих системах то же зерно, показано в Бхагавад-Гите. Для него теоретические различия незначительны, растворяется ли материя как чистая иллюзия, когда он достиг мистической цели, или же, как вечная субстанция, она, как нечто преодоленное, просто удаляется навсегда. Согласно учению санкхьи, спасенная душа входит в собственное бытие, и всякая связь с объектами знания прекращается.

В Йога-Васиште сказано: «Столь же ясно, каким кажется свет, когда все, что освещалось, т.е. пространство, земля, эфир, не существует, таково уединенное состояние видящего, чистого «я», когда тройственный мир, ты и я, коротко говоря, все, что видимо, исчезает. Как состояние зеркала, в котором не появляется отражения, ни статуй, ни чего бы то ни

было еще — представляющего только бытие [зеркала] — таково уединение видящего, который остается без видения после того, как смятыца явлений, я, ты, мир и т.д., исчезли» (Garbe, Samkhya-Phil., p. 326).

В материи (prakṛi) системы саннья находятся три качества или составляющих качества, уже нам знакомые, раджа, тамас и саттва. Всякий, кто разоблачает их как игру качеств, поднимается над импульсами мира. Для него, освобожденного от антагонизмов, игра прекращается. Когда душа насыщается деятельностью материи и с пренебрежением отворачивается от нее, материя прекращает свою деятельность для этой души с мыслью: «Меня раскрыли». Она совершила то, что было предназначено совершить, и удаляется от души, достигшей высшей цели, как танцующая девушка перестает танцевать после того, как выполнила свою задачу, и зрители насмотрелись. Но в одном отношении материя отличается от танцующей девушки или актрисы; тогда как они повторяют свое представление, когда их просят, материя подобна «женщине их хорошей семьи», которая, если ее увидит мужчина, скромно не показывается ему на глаза вновь. Это последнее уподобление усиливается в оригинальных текстах тем фактом, что «душа» и «мужчина» на санскрите имеют одну фонетическую запись (pums, purusa). (Garbe, I, с., pp. 165ff.)

Сравнивая общее мистическое содержание Веданты и саннья-йоги с алхимией, я избегаю трудности, связанной с установлением детального согласия герметической философии с одной или другой системой. Изучение этой темы даст разные результаты, в зависимости от того, каких герметических авторов мы будем рассматривать.

Вероятно, стоит заметить, что мистики-йоги, как и алхимики, знакомы с идеей единства солнца и луны. Два дыхания или потока жизни нужно соединить, один из них соответствует солнцу, другой луне. Выражение «хатха-йога» (где хатха = могучее усилие; см. Garbe, Samkhya and Yoga, p. 43) также интерпретируется так, что ха = солнце, тха = луна, их единство = йога, ведущая к спасению. (См. Natha-Yoga-Prad., p. 1)

Единству двух вещей, солнца и луны, души с Богом, видящего с видимым и т.д. также учат при помощи образа соединения мужчины и женщины. Это мистический брак (Hieros gamos), повсеместно распространенный символ высочайшего значения. В алхимии последний процесс, т.е., в зависимости от подхода в представлении, окрашивание или соединение, довольно часто выражается под обликом свадьбы, иногда короля и королевы. Мы не можем менять местами этот финальный процесс с начальным процессом интроверсии, который (как поиск матки для перерождения) точно так же с готовностью воспринимается как сексуальный

союз. Если там был возможен символ коитуса, то и здесь тот же символ уместен для выражения окончательного союза с желанным объектом.

Довольно показательно будет связать анагогическую идею *Unio mystica*, именно из-за эротической аллегории, с первичным импульсом к сексуальному союзу (с матерью) вместо желания умереть, как я показал в другом месте. Может быть, первичная эротическая сила предоставляет что-то для достижения этой последней цели; может быть, все силы должны сотрудничать. Если я еще следую своему первоначальному описанию, это происходит, потому что, как мне кажется, символизм подчеркивает переход одного в другое больше, чем достижение сексуальной цели; и даже в тех случаях, когда *unio mystica* описывается как сексуальный союз. Не следует также забывать, что сексуальное удовольствие считается также своего рода уничтожением. Это состояние опьянения и забвения или исчезновения. Именно эту сторону сексуальной процедуры особенно подчеркивает символизм *unio mystica*.

Брихадараньяка-Упанишада, IV, 3, 21: «...И как [муж] в объятиях любимой жены не сознает ничего ни вне, ни внутри, так и этот пуруша в объятиях познающего Атмана не сознает ничего ни вне, ни внутри. Поистине, это его образ, [в котором он] достиг [исполнения] желаний, имеет желанием [лишь] Атмана, лишен желаний, свободен от печали». Этот отрывок толкует глубокий сон (*susupti*), который считается переходящим единством с высшим духом и потому, в сущности, тем же, что и окончательное *unificatio*. Сон – это брат смерти. Сушупти, более того, воспринимается лишь как подготовка; немецкий мистик назвал бы это предвкушением окончательного восхождения в Брахму.

В притче *unio mystica* появляется представленным дважды, однажды, когда царь и царица представлены как пара новобрачных, а второй раз, когда царь, т.е. Бог, берет Странника в свое царство.

Достижение внутренней гармонии, безмятежного мира – это то, что, как мне кажется, ярче всего описывается как характеристика окончательного *unificatio*, причем не только индустами или неоплатониками, но и христианскими мистиками и алхимиками.

Артефий, цитируемый Н.А., р. 86, пишет: «...Эта вода [вода жизни] заставляет мертвое тело расти, увеличиваться и прорасти, и восставать от смерти к жизни, будучи сначала растворенным, а затем очищенным. И тем самым тело обращается в дух, а дух затем в тело; а потом наступает дружба, мир, согласие и единство противоположностей».

Схожим образом пишет Рипли (Н.А., р. 245): «Это высшее совершенство, к которому может быть приведено любое подлунное тело, благодаря

которому мы знаем, что Бог един, ведь Бог – это совершенство; в котором, когда всякая тварь прибывает к нему в своем роде [согласно со своей природой], она наслаждается единством, в котором нет ни разделения, ни изменения, а только мир и покой без раздоров».

Последняя черта завершеного камня философов, делающая его возможным, согласно герметическим мастерам, заключается в том, что он может быть создан человеком только раз, и никогда больше. Камень – это абсолютно нерушимое Благо; но, если он может быть утрачен, это точно не верный камень.

Теперь я должен предложить несколько догадок относительно дальнейших толкований двух и трех принципов ☉ и ☽, а именно, ♁, ♀, ☊. Мы осознаем общее различие. Я сначала добавлю замечание Хичкока, что «две» вещи следует считать антитезой: *natura naturans* и *natura naturata*. Мы можем интеллектуально воспринимать ♀ (ртушь), даваемую многими авторами в начале работы, как двойную, с одной стороны, природу, а с другой, как нашу мировую картину. Мы заставляем ее действовать на нашу ♁, т.е. на нашу эмоциональность, посредством чего ♁ очищается и растворяется, поскольку она вынуждена приноравливаться к требованиям мировых законов. Но тем самым порождается новая картина мира, ведь прежняя находилась под влиянием неочищенной ♁; наша эмоциональная жизнь ограничивает интеллектуальную. Новая картина мира или новообретенный ♀ мы сочетаем с нашей ♁ снова и снова, пока, после постепенного прояснения природа и наша картина мира не придут в гармонию. Тогда больше не остается двух ртутей, а только одна; и сера, наш целостный субъект, становится более или менее единой. Теперь мы можем продвигаться соединению двух очищенных вещей, который на этой стадии называются ☉ и ☽. Теперь субъект и объект связаны, и появляется человек, что чудесно выражено в Чхандогья-упанишаде, VIII, 13 как существо, приспособившееся к несотворенному-изначальному миру Брахмы. ☉ и ☽ можно, конечно, понимать также как любовь Бога к человеку и любовь человека к Богу. Различные мастера искусства едины в различных путях, поскольку один видит больше интеллектуального, другой – эмоционального. Они описывают разные стороны или аспекты одного и того же процесса, для которого у нас нет соответствующих представлений и которые лучше всего выражаются через символы. Знак ☉ тогда не означает ни субъекта, ни любовь, а просто — ☉, т.е. то, к чему мы можем приблизиться лучше всего в форме интеграции всех частных смыслов. В свете того факта, что ♁ и ♀ противостоят друг другу в начале процесса также как тело и душа, мы можем, обозначив ♁ = страсти

и ♀ = знание (рассудок) понять остальное так: ♀ должна быть очищена благородной ♀ (в отличие от обычной ♀), называемой также «нашей» ♀), то есть очищена высшим знанием. Из ♀ развивается (т.е. раскрывается посвященному как) ♀, т.е. Майя, объект, которая в своем отличии от субъекта лишь иллюзия; а из ♀ выходит ☉, Брахма или субъект, и тогда unio mystica может произойти. Другое использование символизма предполагает возможность изготовить золото из серы; из аффектов мы получаем, посредством очищения, любовь (к Богу). Дух ♀ возвышает [возносит] противостояние ☉ и ♀ (души и тела) таким образом, что, в конечном счете, сводит к противостоянию субъекта и объекта (См. Н.А., pp. 143ff.)

Иногда создание золота описывается как смешение; из грубого материала ☉ получается смешением с ♀ [ртутью]. Это, естественно, означает поиск Атмана или высшего духа в человеке посредством созерцания, которое связано с ♀, [действием] познания.

Что касается троицы ☉, ♀ и ♀ : солнечная божественность [творящая, зачинающая] в человеке – это ♀, которая своим треугольником, более того, обозначает огненную природу ♀; та, что заключена в телесной природе, земная – это ☉, соль, которая также изображается в виде куба, как элемент земли. Они могут быть названы ☉, душой, и ♀, телом. Небесный посланец, который появляется как посредник для противостояния – это совесть ♀, которая постоянно подпитывается Богом, настоящим ☉, и потому является божественным духом. Есть также триада Spiritus, anima, corpus [♀ ☉ ♀] или, поскольку ♀ считается посредником, ☉ ♀ ♀. Вмешательство ♀ влияет на прежде упомянутое возвышение ☉ и ♀ или ♀ и ♀ (в грубом состоянии) до ☉ и ♀.

В свете трудности мистической работы, которая нацелена на выполнение практически сверхчеловеческой задачи, неудивительно, что она не может быть завершена одной попыткой, а требует времени. Для этого необходима великая настойчивость. В жизни мистика состояния любви и стремления к Богу сменяются состояниями беспомощности и опустошенности (Horten, Myst., I, p. 9).

Араби указывает в своей оде о человеке, становящемся богоподобным: «[1] О, ты, древний храм. Свет зажегся для тебя, сияющий в наших сердцах. [2] Тебе я плачусь о пустоши, которую пересек, и в которой пролил бесконечные потоки слез. [3] Ни на заре, ни на закате нет мне отдыха. С утра до вечера я держу путь непрестанно. [4] Верблюды отправляют в путь ночью; даже если они повредили ноги, все равно поспешают. [5] Эти (могучие) ездовые верблюды несут нас к тебе (вероятно, к Богу)

со страстным стремлением, хотя не надеются достигнуть цели. «Ездовые верблюды означают стремление мистиков к Богу. «Он ищет и стремится непрестанно, хотя его силы истощены трудностями поиска» (Horten, I, с., р. 16ff.)

Много степеней и остановок предстоит преодолеть на трудном пути, но преданное стремление должно оставаться непрестанным во всех обстоятельствах. [Идея лестницы, приставленной к небесам, ступеней и т.д. универсальна для всех религий]. В целом различают семь таких ступеней. У Кунрата, например, цитадель Паллады имеет семь ступеней. Парацельс (*De Natura Rerum*, VIII), следуя любимому обычаю, дает семь операций работы. «... Необходимо знать степени и ступени к трансмутации, и сколько их. Этих ступеней не более семи. Хотя некоторые насчитывают больше, это неправильно. Потому что самых важных ступеней семь. Однако, дальнейшие, которые можно признать за ступени, включены в другие, которые таковы: кальцинация [сублимация], растворение, очищение, дистилляция, коагуляция и окрашивание. Тот, кто проходит эти семь ступеней и степеней, попадает в такое чудесное место, где видит много тайн и достигает трансмутации всех естественных вещей». В «*Rosarium*» Джона Дастина [гл. XVII] семь ступеней представлены так: «И затем тело [1] – это причина удержания воды. Вода [2] – это причина сохранения масла, так что оно не воспламеняется от огня, и масло [3] – это причина удержания тинктуры, и тинктура [4] – это причина появления цветов, и цвет [5] – это причина появления белого, и белый [6] – это причина удержания всех летучих вещей [7] от летучести». О том же самом говорит Бонавентура, когда описывает *septem gradus contemplationis* [семь ступеней созерцания] и Давид из Аугсбурга [XIII век] «семь ступеней молитвы». Бёме признает 7 духов-источников, составляющих некоторую градацию, и в йоге тоже есть семь ступеней, которые описываются в «Йога-Васиштхе» (см. *Nath. Prad.*, pp. 2ff). Вполне может случиться, что доминирование числа 7 заимствовано из вторжения научных учений (7 планет, 7 металлов, 7 тонов диатонической школы), и, однако, это может быть связано с действительным соответствием человеческой психики с природой – кто знает? Значительнее всего связь 7 ступеней развития с вторжением природного мифа в алхимических теориях о «вращениях». Многие авторы требуют вращения (т.е. циклы) для совершенствования Камня, в которых материя (а также душа) проходит через сферы всех планет. Они должны быть последовательно подвергнуты доминированию (власти) всех семи планет. Это связано с идеями тех неоплатоников и гностиков, согласно которым душа на своем пути (*anodos*) в небесный

дом, т.е. к небесной цели, проходит через все планетарные сферы и через животный цикл (см. Bousset, Hauptpr. d. G., pp. 11, 321). Я наблюдал, более того, крайне яркое выражение той же самой темы в старом добром Moscheim, Ketzergesch., p. 89ff. А также в мирской жизни, если она прожита целостно, человек проходит, согласно представлениям древних мистериальных учений, через власть семи планет.

Анагогический смысл вращения может быть в том, чтобы собрать все доступные (семь числом) силы, чтобы, наконец, единым подняться к Богу.

Более важной или, во всяком случае, гораздо более легко постижимой мне кажется трихотомия, с необходимостью следующая из течения мистической работы, тройственное разделение, приводящее к трем главным фазам, черной, белой и красной. Черная соответствует интроверсии и первой [мистической] смерти, белая «новой земле», свободе или невинности, красная любви, завершающей работу. Это общее устройство не мешает алхимическим авторам зачастую путать символы. Есть градации между главными цветами, все виды цветовой игры; в частности, появляется так называемый хвост павлина, который следует перед устойчивым белым, указывая характерную веселость цвета визионерского опыта, отмечая стадию интроверсии.

Если поставить в центр видения, как цель работы, восстановление гармоничного состояния души, можно выразиться о трех основных цветах так: райское состояние требует абсолютной свободы от конфликта. Этого можно достигнуть, только полностью удалив из внешнего мира все, вызывающее конфликт в связи с внешним миром, так что в отношении этого приходит глубокое безразличие. Это безразличие – черный цвет. Свобода от конфликта (лишение чувства вины) в наново начинающейся жизни – белый цвет. Прежде, в разрушении (гниении) материала одна составляющая часть была изъята и удалена. То есть либидо становится свободным (любовь). Оно постепенно входит в соединение с белым материалом, который сух (жаждет без жажды); засеивается в белую землю. Жизнь теперь без конфликта орошается любовью, красным. Этот таким образом обретенный истинный красный постоянен, потому что создан [в отличие от только лишь инструкций] из сердца сердец, корней глубочайшего чувства, которого не бывает в излишке.

Мистическая процедура может быть осознана в различных степенях интенсивности. Низшая степень подобна программе с результатом в виде стимуляции; высшая степень – это окончательная трансмутация психики. Если эта цель достигается при жизни, мы обретаем земной камень. В противоположность этому, небесный камень связан с эсхатологическими представлениями, а небесная тинктура – это апокатастасис.

Интересный вопрос заключается в том, не может ли разрешение конфликтов, с ускользанием конфликта во внешнем мире, быть достигнуто субъективно, посредством битв с символами (персонификациями) и в символах, что может привести к сокращению процесса. Теоретически это невозможно, так как конфликты на самом деле лежат не во внешнем мире, но в нашей эмоциональной предрасположенности к ним; если изменить эту предрасположенность внутренним развитием, внешний мир обретет иную ценность для либидо.

«Проекция в космическое – это главная привилегия либидо, так как оно естественным образом входит в наше восприятие через врата всех чувств и, очевидно, изнутри в форме приятных и болезненных качеств восприятия. Их мы, как известно, приписываем, без разбирательства, объекту, и причину им, несмотря на философское размышление, склонны искать в объекте, тогда как объект зачастую совершенно в них не повинен» (Jung, Jb. ps. F., III, p. 222; с этим сравните фрейдистскую концепцию переноса и эссе Ференци «Introjektion und Ubertragung», Jb. ps. F., I, p. 422). Юнг обращает внимание на часто описываемую непосредственную проекцию либидо в любовной поэзии, как в следующем отрывке из Эдды:

«В саду Имира увидел я
Деву, мне дорогую;
От белизны ее рук сияли небеса
И вечное море».

Мистик ищет конфликты, от которых хочет избавиться, в человеке, в месте, где они и существуют. Это теоретическое предположение отклоняет возможное возражение против мистицизма, а именно, то, что он бесполезен, поскольку опирается исключительно на воображаемый опыт, на фанатизм. Это возражение, хотя его не следует упускать из виду, не применяется к мистицизму, который совершает настоящую этическую работу неизменной ценности, а относится к другому пути, исходящему из интроверсии, а именно, магии (не говоря уже о физическом и духовном самоубийстве). Это также прекрасно выражено аллегорическим образом в высказывании, что магически созданное золото плавится или превращается в грязь (т.е. притворная ценность исчезает перед лицом действительности), тогда как «наше» алхимическое золото – это неизменное благо. Учение йоги тоже описывает сиддхи (те воображаемые чудеса, в которых теряется визионер) как преходящие, и только одно спасение, то есть мистическая цель, нерушимо.

Что касается метафизического смысла мистического учения, я могу утверждать, что психоаналитическое разоблачение побуждающих сил не нанесет вреда его ценности. Я не отваживаюсь на эту оценку; но только ради придания значимости отдельной философской проблеме я должен выразительно объявить, что если психоанализ допускает, что мы, люди, под влиянием той или иной «титанической» первичной силы, вынуждены прийти к той или иной идее, то, если даже выяснится, что заставляет нас пролить на нее свет, еще совсем ничего не ясно в отношении ценности знания обнаруженной вещи.

Я так далек от того, чтобы основывать критику метафизического смысла учения только лишь с психоаналитических оснований, что чувствовал себя обязанным претендовать только на синтез чисто психологического понимания мистического символизма, синтез, который я пытался вчерне набросать, насколько мог, в настоящей части своей книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Здесь и далее в переводе Б.Л. Смирнова – здесь и далее прим. перев.
2. Шветашвара-Упанишада, I:7.
3. Местоположение Солнца.

Глава 3

КОРОЛЕВСКОЕ ИСКУССТВО

В данной работе уже упоминалось, что работа по совершенствованию человечества может быть осознана на разной степени напряженности, которая может простирается от целостного живого осознания до одной лишь симпатии без всякого ясного понимания. Психические типы, в которых достигается осознание, можно сказать, идентичны.

Эти типичные группы символов, которые мистик [Я провожу некоторое различие между мистом и мистиком. Последний – это мист, который делает из того, что осознал, систему]. создает как функциональное выражение своей субъективной трансформации, можно полагать как образовательный метод, приложенный для пробуждения тех же реакций в других людях. В группе символов содержатся более или менее ясно уже упомянутые элементарные типы, поскольку они общие для всех людей; они задевают одни и те же струны во всех людях. Символизм по этой причине самый универсальный язык, который можно придумать. Это также единственный язык, приспособленный для различных степеней напряженности, а также к различным уровням внутренней определенности живого опыта, не требующий различных средств выражения; так как то, что он содержит и с чем работает, само по себе элементарные типы [или символы, которые настолько уместны, насколько возможно], которые, как мы видели, представляют постоянный элемент в потоке изменений. Эти последовательности символов так же полезны для неопита, как и для того, кто близок к совершенству; каждый найдет в символах что-то, что близко его затрагивает; и нужно особенно подчеркнуть, что индивидуум при всяком духовном продвижении находит нечто новое в символах, уже ему знакомых, то есть то, чему можно научиться. Конечно, это новое откровение основывается на нем самом; но для некритичного ума (мифологический уровень) это приводит к иллюзии, что символы (например, священного писания) наделены чудесной силой, предполагающей божественное откровение. [См. концепцию происхождения символа в моем эссе Phant. u. Myth]. Из-за схожей иллюзии, например, Ямвлих помещает

между богами и людьми демонов, которые делают понятными для последних изречения богов; демоны, полагает он, это слуги богов, исполняющие их волю. Они делают видимыми для людей в деяниях и словах невидимые и невыразимые вещи богов; бесформенные они открывают в формах, а в концепциях передают то, что превосходит все концепции. От богов они получают всякое благо, на которое способны, частично или в соответствии с их природой, и снова делятся им с народами, стоящими ниже их.

Я сказал выше, что всякий найдет нечто подходящее ему в символах, и подчеркнул великое постоянство типов, укорененных в бессознательном, типов, придающих им всеобщую оправданность. Божественное раскрывается «лишь субъективно отличное, согласно с предрасположенностью сосуда, в которое оно попадает, одним путем в один сосуд, иным путем в другой. Для богатого одаренного поэтически оно раскрывается преимущественно в деятельности воображения; для философского понимания как схема гармоничной системы. Оно погружается в глубины души религиозного человека и возвышает сильную созидательную волю как божественная сила. И так божественное почитается иначе каждым из них» (Ennemoser, *Gesch. d. M.*, p. 109). «Духовный элемент наследия, переданного нашими отцами, энергично выражается в раз и навсегда установленном стиле. ... На темном фоне души стоят, так сказать, магические символы определенных типов, и нужно лишь внутреннее или внешне прикосновение [например, религиозных обрядов], чтобы они запылали и стали действовать» (Ib., p. 274) «Бессознательное общее для всего человечества в бесконечно большей степени, чем содержание индивидуального сознания, так как это скопление исторически среднего и часто повторяющегося» (Jung, *Jb. ps. F.*, III, pp. 169ff.)

Тот, кто позволяет обучающим символам действовать на него, видит ли он лишь смутно этические применения, обозначенные в них, или ясно воспринимает их, или полностью осознает в себе, во всяком случае, он испытывает удовлетворительное чувство очищения своих искренних попыток в этическом направлении. Упомянутое смутное восприятие (вероятно, самый распространенный случай) не исключает существования в сознании очень ясных представлений; этот человек в целом осознает свои представления, хотя они только маски перед абсолютным идеалом как окончательным смыслом символа, тем самым принимающие одну степень значимости для целостного смысла. Всякий приближает идеал к себе, как может; абсолютный идеал через свой эфемерный, но достижимый идеал. Высшее существо говорит в неистощимой Бхагавад-Гите:

Чрезмерен труд их, преданных сознанием Непроявленному, ибо пути
Непроявленного трудно достигнуть воплощённому.
[XII, 5]

После многих рождений мудрый Меня достигает;
«Васудэва есть всё», — так мыслит труднонаходимый махатма.
Те же, чью мудрость уносят различные страсти, к иным богам
прибегают,
Соблюдая разные обеты, побуждаемые своей природой.
Какие бы образы с верой ни почитал поклонник,
Его нерушимую веру Я ему посылаю.
Он ищет милости образа, укрепясь этой верой,
От него получает желанные блага, хотя они Мною даются.
Но преходящим бывает этот плод маломудрых;
К богам идут приносящие жертву богам, но ко Мне идут Мои бхакты.
[VII, 19–23]

Если выше я заимствовал показательную группу символов у мистика, то не для того, чтобы сказать, что все именно так. Я привел этот случай среди возможных только по той причине, что мистик — это тот, кто наиболее напряженно выносит этическую работу очищения, и при таких условиях, которые наиболее благоприятны для убедительной группы символов, а особенно богатых характерными типами. Не забывайте об основателях религии. (Это не всегда должны быть индивидуумы — школы, мифы.) Есть, однако, не только религиозно вдохновленные натуры, которые прежде всего предназначены для того, чтобы создать глубокие группы символов с анагогической ценностью; художники. Я подозреваю, что это доказывает, что очищающее (катарсическое) действие предмета искусства тем сильнее, чем больше развит анагогический символизм (несущие его группы символов), или, иными словами, чем более они выражают тенденцию к расширению личности. Эта тенденция, к которой относятся мотивы отрицания эгоистичной воли (отцовская фигура), любви, связанной с жертвой (мотив инцеста, возрождения), преданности идеалу (стремление к смерти) и т. д., проявлена в художника, как и в преданном зрителе произведения искусства в этой самой преданности. Погруженность в произведение искусства кажется мне по сути связанным и с интроверсией, и с *unio mystica*.

Я уже говорил о творениях мифа, образующих воображение и его анагогическом смысле. В алхимии, к которой я теперь возвращаюсь,

мифические и индивидуальные образы встречаются самым живым образом, не уничтожая друг друга.

Что касается высоких этических устремлений алхимии, мы понимаем, что, как мистическое искусство, она сохраняет те атрибуты королевского искусства, которыми, видимо, первоначально обладала для создания золота и магии. На самом деле, какое же искусство может быть с большей справедливостью названо королевским, нежели искусство совершенствования человечества, то искусство, что обращает зависимое в независимое, раба в господина? Освобождение воли в мистическом (и во всяком этическом) процессе уже, полагаю, было достаточно прокомментировано, чтобы стать понятным. И сила власти, что восхвалялась как магическое воздействие Камня философов, лежит в примирении индивидуальной воли с волей мира и Бога. В новом рождении, как мимоходом отмечает Джейн Лид, мы обретаем магическую силу; это происходит «через веру, то есть, через гармонию нашей воли с божественной. Ибо вера передает мир под нашу власть, поскольку гармония нашей воли с божественной приводит к тому, что все становится нашим или послушным нам. Воля души, когда она полностью согласна с божественной, больше не голая воля, лишенная своих одеяний, силы, приносящей с собой неуязвимое всемогущество».

Сегодня тоже есть королевское искусство. Это имя носит масонство. Не только имя, но и этический идеал связывает его с духом древней алхимии. Это утверждение, вероятно, встретит противоречия и отрицание, как некогда идеи Кернига [Дж. Кребс], хотя я думаю, что стою на иных основаниях, нежели этот поэтический, но, в моих глазах, слишком некритичный автор. Помните о данном выше историческом разборе и, более того, не забывайте психологическую основу нашего нынешнего способа смотреть на вещи.

[Если бы я хотел сравнить их этические цели в общих словах, то рискнул бы чрезмерно распространяться о том, что легко понять. Роберт Фишер описывает масонство как общество людей, которые поставили себе тяжелую задачу мудрой жизни и труда как труднейшие задачи самопознания, овладения собой и улучшения себя, которые не выполнить в этой жизни, так как лишь смерть подготавливает нас к стадии, где начинается их завершение. Эти прекрасные и прямые слова уместны и в алхимическом обсуждении земного и небесного. Но этого достаточно].

А теперь позвольте мне представить следующие образы Джейн Лид [английского мистика XVII столетия. Она принадлежала к филадельфийскому обществу, основанному Пордеджем], которые я воспроизвожу

здесь с некоторыми комментариями и беру их за иллюстрацию прекрасного духовного единения серьезной герметики с новым королевским искусством. Читатель может сделать собственные выводы. Отрывки взяты из «Garten-Brunn» (L.G.B.) Лид. Ссылки на Вирта относятся к «Symbolisme Hermetique» (W.S.H.) современного автора.

Этот мистик, погруженная в глубокое размышление о благородном Камне или божественной Мудрости, получила видение Софии (Мудрости), которому поразились. «Вскоре явился голос и сказал: Узри, я вечная служанка мудрости Бога, которого ты искала. Я здесь, чтобы раскрыть тебе сокровища глубочайшей мудрости Бога и быть для тем, чем Ревекка была для ее сына Иакова, а именно, истинной, природной матерью. Ибо от моего тела и лона ты родишься, будешь зачата и возродишься» (L.G.B., I, p. 14).

Лид возрадовалась, что «утренняя звезда с высот» искала ее и ушла в затвор на несколько дней в ожидании дальнейшего развития. У нее были еще видения коронованной царицы небес, ее спрашивали, есть ли у нее желание вознестись в небесную обитель. Она проявляет преданную волю, и с этого времени мудрость говорит с ней как внутреннее просветление. (L.G.B., I, p. 15ff).

[Затворничество – это предварительное условие интроверсии и погружения в себя. Непосвященный, который должен быть принят, это, говоря языком алхимии, *subjectum*, в котором совершенствуется процесс очищения. Алхимики помещают *subjectum* в узкий сосуд, чтобы герметически запечатать его от внешнего мира. Там он подвергается очищению, как в могиле. Интроверсия ведет в самые глубины сердца. «Где ты образовался?» «В моем сердце [или внутреннем человеке]». «А где потом?» «На Пути к Ложе» «Что направляло тебя». «Моя собственная свободная и неограниченная воля». Непосвященным рекомендуется принять всерьез совет в отношении их важного решения. «Почему ты...?» «Потому что я был во тьме и желал света» Символ смерти в sch. K. будет рассмотрен позже. Я могу упомянуть только некоторые аналогии. Информированный читатель легко увеличит число параллелей].

Джейн Лид ищет в духе ключ, который может открыть вход к великой тайне, лежащей глубоко внутри нее. Ее усилия достигнуть святого града велики, но поначалу тщетны. [Человек не может быть принят без дальнейших усилий]. Она бродит вокруг города и не находит входа. [Путь к Ложе – «Почему они не повели тебя ближайшим путем к Ложе?» «Чтобы познакомить меня с трудностями и препятствиями, которые сначала нужно преодолеть, прежде чем найдешь путь добродетели»] Она боится, что без чудесного ключа будет до конца жизнь бродить во тьме наощупь

... и не найдет врата. «Пока я, теперь охваченный страхом и ужасом перед всем этим, был погружен в глубокое безмолвие и неподвижность, само слово мудрости открылось мне и сказало: «О, ищущий дух, не удивляйся, что не осознавал свои надежды так долго. До сих пор ты, наряду со многими другими, находился в великом заблуждении, но поскольку ты знаешь об этом и сожалеешь, я объявлю тебе, что это может быть за ключ. ... И, хотя этот чудесный Ключ Мудрости – это свободный дар, он будет великой ценностью для тебя, о, ищущий дух, когда ты наконец обретишь его». Тем не менее, мудрость ищет тех, кто достоин его, [Ничто, созданное из ничего, отправная точка философской работы – это нахождение и выбор темы. Материал для работы, говорят алхимики, обычен и встречается повсюду. Нужно только знать, как отличить его, и в этом вся трудность. Мы постоянно испытываем это в масонстве, ведь мы часто посвящаем профана, которого отвергли бы, будь мы достаточно проницательны. Не всякий материал годится, чтобы создать ртуть. Работа будет успешной, только если нам удастся найти подходящего субъекта; потому масонство проделывает множество изысканий, прежде чем подвергнуть кандидата испытаниям. (W.S.H., p. 87)] Она делает это, чтобы написать себя внутри их сердец, и в каждом найти себя в их мыслях, ждущих ее закона и совета, [послушание подмастерьев. Подразумеваются законы мудрости], и приносит с собой царство, которое стоит жертв. [Откладывание всего металлического. Новопринятый брат «через свое разоблачение (которое, вероятно, относится сюда) символически представляет человечество, переходя из рук природы, чтобы напомнить нам, что масон, чтобы постоянно помнить о выполнении своего долга, должен быть способен избавиться от всяких случайных видимостей. См. примечание Н в конце]. Но величайшая и самая достойная работа мастера, говорит мудрость, состоит только в том, чтобы держать свой дух дисциплинированным и обученным, сделав его умелым работником или художником, дать ему знание, из какого материала, а также каким его числом, весом и мерой [геодезия, геометрия] создать этот чистый ключ, который [материал] суть светлая чистая божественность числом три, могучая в истине. ... Она отличается чрезвычайно могучей славой и величием, обретающаяся в круге небес в сердцах человеческих. [Связь круга (дважды значимая) и сердца интересна. Как хорошо известно, круг помещается в кровоточащей левой груди. В старом английском обряде прикосновение острием инструмента (меча или чего-то подобного) обосновывается тем, что «левая грудь ближе к сердцу, так тем более же будет уколота моя совесть, чем уколота моя кожа»] Отвесом своей силы она отмеряет храм

и внутренний двор с теми, кто поклоняется там. [Линия в связи с храмом: «связывание» на ковре; образ завесы в святой святых храма Соломона]. «Как эта лента удерживает и закрывает завесу, так нерушимая связь соединяет и удерживает всех свободных и принятых масонских братьев (а также тех, кто поклоняется здесь)». Это ключ мудрости [геодезия, геометрия], из-за которого с наших рук будет капать мирра на ручки замка (Песнь Песней, гл. 5). Теперь, когда я открыл твои тайные врата этим ключом, душа подвела меня, и силы нет во мне, солнце разума и луна моих обостренных чувств смутились и исчезли. Я ничего сам не знал об активных свойствах природы и творения. [«Что ты видел как ... ?» «Ничего, что может постичь разум»]. Колесо движения замерло, и нечто иное было сдвинуто центральным огнем, так что я почувствовал себя обращенным в яркое пламя. И тогда это слово явилось ко мне: «Это ничто иное, как врата моих вечных глубин; можешь ли ты выстоять в этой огненной области, в которой обитает мудрость и в которой встречает святых отдаленных духов, давая им огненное начало? Ибо если ты можешь, будь внимателен, чтобы подойти ближе к их порядку; тогда ни одна тайна не будет скрыта от тебя. Пока мне было позволено приблизиться ко входу в твой дом, где я должен остаться, пока не услышу от тебя, что делать дальше. (L.G.V., I, pp. 17–19).

[Как мы слышим, правильно будет держать дух точным и дисциплинированным. «Почему пришел ты ... чтобы подчинить свои страсти – чтобы покорить мою волю». Мы видим две триады. Божественные три (3 великих огня), а затем солнце, луну и центральный огонь, и вторые три могут быть названы малыми огнями, тогда как «Досточтимый Мастер» оказывается центральным огнем. Если мы вспомним, что наставительный голос исходит, в соответствии с этим символизмом, из огня или света (Мудрости), этот свет тождественен по действию с Досточтимым Мастером по своему действию, и определяется именно этим. Центральный огонь – это, естественно, также сияющая звезда. Она стоит на ковре между солнцем и луной и предназначена для освещения внутреннего пространства храма. Из алхимии мы хорошо знакомы с ☉, ☽ и непосредственным и опосредующим светом, а именно, ♀. Этот свет может также символизироваться как ⚡. Алхимической точке зрения также тесно соответствуют три великих света Фрайбургского обряда, Бог, человек и свет св. Иоанна. Это (♀) – разум и талант в людях, создающий всякую науку и показывающий нам истину. Это «единственный авторитет, который масон должен признавать безусловно, а именно, божественное послушание в его сердце, небесный огонь в его эго»]

Через несколько недель Лид снова слышит голос мудрости. Он сказал ей: «Отделись и удались от своей животной чувственной жизни, она слишком грубая. Я не могу явиться, пока не исчезнет полностью». [Алхимическое отделение (separatio) и масонское разрывание одежды. Я уже сделал необходимые замечания об этом. Мы должны освободиться от вещей, которые, как в эклектичном обряде «сильно замедляют парение духа и приковывают человека к земле». В этом есть выразительный программный смысл (предвосхищающий дальнейшую фазу), когда, например, система Великой Ложи возвращается для избавления от металла к «храму Соломона, который был создан из полностью подготовленных камней, какими их принесли и т.д.», так что работа по металлу была не нужна]. Вскоре Лид снова отправилась на поиски тайной сущности. Мудрость требует быть познанной отдельно от ее тварного существования. «После чего я была окружена мягко сияющим пламенем, поглощавшим и сжигавшим все тернии, колючки и проклятые истечения [«избытки» алхимии], которые вырывались вперед. ... Потому Мудрость сделалась слышимой и сказала: «О, обеспокоенный дух, я пришла, чтобы сказать, что от тебя требуется, как я не воздержалась от того, чтобы сказать, еще в самом начале общения с тобой, что потребуются, чтобы обрести этот ключ. [Впервые показанный программно. Далее последует сам процесс]. Я говорю тебе, что Бог требует жертвы. Пойми же, что в тебе есть земной элемент, повсюду распространившийся и покрывающий [как одеяние] тебя, следовательно, полностью тобой овладевший; эти престолы и силы [царь или отцовская фигура] должны быть, однако, одолены, и места им не должно быть. Ты глубоко горевала, что придется обходиться без близкого сообщения и единства с Богом твоим Творцом [Только мастера сидят рядом с солнцем]., но не удивляйся этому. Причина лежит в полном угасании, потому что ты еще не умерла мистическим образом. [Полное угасание впервые происходит на третьем градусе]. Это первое крещение, которое тебе предстоит испытать, но, о! сколь многие спешно бросались в него, потому что не нанесли своей земной эгоистичности один смертельный удар в самое сердце. [Круг или меч, помещенные на левой груди, указывают просто на процесс очищения совести. Здесь все это еще не уничтожается]. Потому я советую тебе мой пламенный меч. Будь отважен и пусть он свершит все на поле природы [Семя в поле уничтожается, где, как часто говорит Джейн Лид, прорастут колосья пшеницы]. или полностью изгонит все юное или старо и обратит от жизни к смерти все, что в тебе не несет моей метки и имени, которое суть мой образ». [Отсюда ясен психологический смысл пароля. В связи

с этой областью мы вспоминаем особенно шибболет (Суд. 12:6: ефремляне, не умевшие сказать это, умирали). Лид часто упоминает ефремлян. Особенно уместно к отрывку выше, конечно, Откровение]. (L.G.V., I, pp. 21ff.) Земное должно быть, так сказать, принесено в жертву Богу как всеожжение или расплавлено в огненной печи, в сосуде из чистейшего металла. [Вероятно, не будет излишним отметить, что в Библии ковачом металла был Тувалкаин, имя которого было паролем]. Джейн Лид находит «условия или обстоятельства, которые ты [Мудрость] требуешь от меня, очень тяжелыми; особенно я нахожу, что до сих пор потомок смертной тени, в которой целые миллионы духов искушают меня и используют все свои способности и силу, чтобы помешать мне и удержать от высочайшей и благородной экзальтации и откровения, [Соблазнительные и сдерживающие голоса на кружном пути или на пути к Ложе, согласно эклектическому обряду. Повязка соответствует смертной тени], тогда как я, одинокая и видящая вместилище и огонь впереди, думала об этом и размышляла, и хотела, как Исаак, спросить: где же агнец? [Фартук из овечьего руна]. Она [София = Мудрость] ответила на мой незаданный вопрос такими словами: «Ты сама должна быть пасхальным агнцем, предназначенным на убиение». Потому меня наставили говорить или умолять: «Так дай же этой жизни забиться в последний раз, чтобы она полностью вернулась». И когда я протянула шею, так сказать, к пылающему любовью мечу, то почувствовала, что произошло отделение или обезглавливание. [Отметьте обнажение шеи, горла и его смысл согласно содержанию старой формы клятвы. Судьба предателя выпадает человеку, который убит в этой точке; он был предателем внутреннего истинного человека. Здесь следует помнить нисходящую шкалу отметин (гортанную, грудную, желудочную). Человек должен быть трансмутирован по прямоугольным принципам, или, языком алхимии, должен быть окрашен божественной тинктурой. Эта тинктура охватывает сначала самое духовное и медленно продвигается, пока весь человек не будет преображен. Трихотомия относится к платоническому (и алхимическому) трехчастному делению сил души. Платон различает разумную душу, которую помещает в голове, мыслящую в груди, и эмоциональную в животе. Вся душа, даже вегетативная, должна быть просвещена высшим светом. Если полагать, что больше, чем милая картинка, становятся интересными взгляды Штауденмайера, а именно, что человек может обладать исключительным духовным совершенством, практикой наделяя сознанием центры, которые обычно действуют вегетативно без сознания. Таким образом он получает власть над целой армией действующих сил, которые иначе от него ускользают. Собственный опыт

Штауденмайера учит, что все опасности интроверсии связаны с такой подготовкой, и легко может случиться, что мы потерпим поражение от духов, которых призываем, вместо того, чтобы быть их хозяевами. Полное управление рациональным эго, однако, является фундаментом этической работы над совершенством. Учение Кеннинга связано с теориями Штауденмайера]. Как сладко и приятно воспринимать кровь жизни, текущую в источник той же божественности, из которой она вышла». После чего мудрость раскрыла ей еще свои тайны. (L.G.B., I, p. 24).

Может быть, это самое подходящее место, чтобы упомянуть другую серию видений (кстати говоря, о строительстве скинии, L.G.B., I, pp. 24ff.): «Если [святой ковчег] неприступная крепость и башня, то не выходи из нее [так говорит Мудрость], но свяжи себя и соединишь как последователь, чтобы держаться до конца, пусть даже ты будешь обучена возвышенному духовному искусству вечной мистерии, и наставлена в приготовлении этого несравненного состава или исцеляющего эликсира. Прежде всего нужно взять на себя узы молчания и клятву не раскрывать ничего за пределами ближних учеников, которые призваны с тобой, чтобы работать над этим же искусством. [Едва ли мне нужно упоминать о долге, налагаемом клятвой, я лишь обращаю внимание на группу трех добродетелей для новоприбывшего: внимательность, молчание, преданность]. Дальше нужно выждать определенное время и год, со всей преданностью и терпением неослабным, пока не удастся создать это масло и сохранить его в прекрасной снежно-белой алебастровой коробке превосходной природы, искусства столь уместного и совершенного как твоя наставница».

Я продолжу ранней серией форм. Мудрость требует, чтобы Джейн Лид следовала за ней. «Но внезапно я столкнулась с могучим врагом, который тяжело на меня давил, обвиняя и жалуясь, что я нарушала законы природы, с которыми до сих пор была связана, потому что у меня было внешнее тело, об элементарных нуждах которого я должна была разумно заботиться, ... как все мои ближние в мире, которые находились под властью великого монарха [мирского исчисляющего] разума, под скипетром которого должно умерщвляться все, что живет чувственной животной жизнью. «. [Тот, кто живет только для удовлетворения физических нужд, не может служить нашей цели. ... Есть высшая жизнь, чем та, к которой миллионы людей прикованы как животные. Этой высшей жизни Мастер должен посвятить себя, и в нее он метафорически посвящается по принятии. Обычная природа, князь мира сего, борется против этих требований]. «Да», — говорит князь земной жизни, «как ты отвернешься от моих законов и сбросишь бремя брата своего со своей шеи?»

Лид обращается к своей матери, Мудрости, которая обещает, что получит Божий совет, как отбросить врага. Свидетельством тому должно быть то, что они были предателями короны, чести и правления агнца; вскоре они будут связаны, чтобы свершилось правосудие. (L.G.B., I, pp. 27ff.) [Ср., с одной стороны, в связи с «обвиняя и жалуясь», подумайте об убийце царского архитектора. Поскольку это внутренний человек, они связаны. «Князь мира сего» использует здесь то, в чем обвиняют его; психологически вполне оправданно].

После различных увещаний Джейн Лид получает от Мудрости книгу, из которой должна она, Мудрость, читать, «чтобы объяснить тебе буква за буквой [произнесение по буквам], особенно поскольку ты до сих пор не знаешь числа, составляющего твое новое имя. И поскольку ты не видишь этого, на какое же право и титул можешь ты претендовать в оставшемся мастерстве, которое здесь развивается?» (L.G.B., I, p. 36). Это относится к трансмутации человека, которая не может случиться разом; «столь важно изменение, что оно не может произойти без прохождения через множество отдаленных степеней» (L.G.B., II, p. 78).

Мы подходим к разделу, названному «Магические путешествия» [Вероятно, мне не нужно упоминать смысл путешествия]. Она содержит все остальные фазы мистической работы. «Во время моего духовного путешествия в землю всеблаженного изобилия, магический образ его предстал перед моими глазами, когда меня привели к двери, которая была такой маленькой и узкой, что я прошла через нее, только на четвереньках, так что это тоже требовало великих усилий. [Препятствие двери]. И так меня вели дальше, пока, через некоторое время, я не подошла к другой двери, которая была достаточно узкой, но несколько более удобной, чем первая. Наконец, я подошла к двери из двух створок, одна из которых открылась сама и подошла по высоте и ширине к моим размерам и провела меня в месте, которому я не могла найти ни начала, ни конца. И я сказала: «Что мне делать здесь одной?» На что мой невидимый проводник, проведший меня через эти трое дверей или врат, ответил, что другие придут после меня, когда услышат, что есть великая страна, ожидающая новых поселенцев, которую нужно наполнить и благословить всеми благами» (L.G.B., I, p. 40) [Трое врат относятся не только к трем степеням, но имеют и другой аналог в посвящении. В древней английской системе кандидат стучит в спины трех офицеров, потому что дверь ему сопротивляется. Они являются, так сказать, духовными дверями в братство. Сопротивление, и как оно постепенно представлено в описании Лид, легко понять психологически; природа кандидата тем больше адаптируется, чем дальше он продвигается в работе].

«Эта идея, видение и описание и объяснение, следующие за ними, были очень мощными; так что я вошла в эти мысли еще глубже, ... так что я ... также могла понять объяснение и смысл врат. Так что хотя мой дух не видел ничего, кроме бесконечного простора [сравните предыдущие страницы], я воспринимала и чувствовала [Бесконечное распространение ложи согласно с изучением]. дуновение столь ароматного и освежающего ветерка, словно тут цвели все цветы мира. [Относится ли психологически сюда вопрос о ветре масона? Во всяком случае, приятный ветерок приходит с востока. Джейн Лид часто описывает свой цветочный сад как восточный. Психологически и мифологически ветерок имеет значение сперматического символа. Анагогически это связано с наделением силой или (удерживаясь в рамках метафоры размножения) осеменением такой силой]. Потому это слово было открыто и сказано мне: «Это пространство и место, где возникнет царство любви и покроется зеленью, полное своего естественного населения, которое отбросило свою грубую любовь к себе [эгоизм] и оставило позади, поскольку ей здесь не место; хотя именно она делает вход таким узким и стиснутым. «. После того я увидел в духе неожиданно разных людей, измененных по мерке их тел, и они так высоко познали эту мистерию, что выдыхали такой дух, что могли из него придать бытие и существование всему, что хотели и желали. Временами они ставили золотые шатры и входили, и выходили из них, в другое время в местах, которые казались заброшенными и опустевшими, они сажали чудесные растения и деревья, которые давали прекрасный плод, сиявший ярким золотым светом; о них было сказано, что это магическое питание и пища, которой жили обитатели этой страны». [Мы можем также сказать, что мастера искусства возвращают необразованных людей и дают им духовное питание за гостиным столом]. «И, хотя в первое мое посещение казалось, что я ничего не видела, через несколько мгновений я увидела, что все это просторное место наполнено духами столь высокого ранга, что они тут же меня привлекли. Они начали задавать мне различные философские вопросы [Катехизация], которые я не понимала. Так что один из них в очень дружелюбной манере предложил наставить и обучить меня; далее он сказал, что научит меня тайне их искусства. ... Он привел меня в чудесную палатку и попросил ждать здесь, чтобы я продвинулась в чистых деяниях или трудах веры, потому что так мне удастся стать адептом этой высокой философии. Когда вслед за этим мне явилась Мудрость, я спросила ее, кто задавал мне философские вопросы? На что она ответила, что это древние и последние великие люди, это верующие святые, которые учились у нее в ее внутреннем и внешнем божественном магическом

камне; и что грядет время, когда она хочет создать новых художников и поэтов этой теософической мудрости, которые придадут форму вещам, которые с такой ненавистью отвергают и прячут за облаком презрения, невежества и унижения. В особенности не найти иного пути, как глубокий рудник, в котором так давно спрятано сокровище для того, чтобы его открыть и распечатать. [Утраченное, что должно быть найдено снова называется в масонстве словом мастера. Странствующий мастер имеет цель поисков, которая была утрачена здесь [на Востоке] и была [частично] найдена снова]. После того апостол Иоанн [возлюбленный ученик] говорил со мной, и ему было хорошо известна тайна, он был тем, кто так любезно говорил со мной прежде, с такими словами: «Как есть природный камень, так есть духовный камень, который суть корень и основание всего, что сыны искусства привнесли видимо в бытие и свет. Как внешнее телесно и состоит из трудов рук и поглощает огромное количество времени, прежде чем будет доведено до совершенства, так же внутреннее прорабатывается от степени к степени». Потому я умоляла и просила ангела Иоанна, как мне заняться работой, чтобы получилось то же?» «Ангел Иоанн» дал ей разрешение. Как печь используется для химических приготовлений, так же она необходима для подготовки духовного Камня Философов. Эта внешняя печь, однако, суть телесный человек, в котором «огненные семена самой чистой божественности зажжены сущностью души, когда он находит для них пустой и должным образом подготовленный сосуд. Материя, в которой нужно трудиться – это божественная соль, помещенная в чистом ясном хрустальном сосуде, чистый дух. Далее следует тебе знать, что эта божественная соль скрыта во всех людях». (L.G.B., I, pp. 40-43).

Здесь я должен вставить рассуждение о соли (а также солевом камне) и ее воздействии. Мы должны ясно понимать, что солевой камень из этого символизма – это то же самое, что кубический камень масонства. То, что соль иероглифически представлена как куб, я уже показал. Концепция камня – это разделение путей двух символических групп со схожим смыслом, обе из которых использует Джейн Лид. Одна группа – это химическое приготовление, как это описал ангел Иоанн; другая – это рассмотрение камня как строительного камня (который нужно подготовить и т.д.), встречающееся в других отрывках у Джейн Лид, а именно, в связи со строительными камнями преимущественно в ее «Откровении откровений». Этот отрывок из L.G.B. (II, p. 138) можно процитировать: «Кто подует в мою трубу, чтобы освободиться от своей железной ноши и уз и подойти ближе, чтобы стать достойным построить искусно вырезанные колонны храма мудрости». Квадратная форма также упоминается несколько раз.

Джейн Лид вполне права, когда говорит, что божественная соль, кубический камень, скрыта во всех людях; неподготовленный человек – это грубый камень, и в нем скрывается кубический камень (потенциально, а не действительно), который нужно развить. В подготовке камня, как алхимического, так и строительного, все зависит от удаления мешающих элементов, а не от украшения. Очищение (*rectificatio, purificatio* и т.д.) алхимического камня точно соответствует работе над грубым камнем при помощи кирки. Кристаллизация создает постоянную форму; фиксация, плотность. Проекция соответствует использованию в строительстве храма (что часто встречается в символизме). Вероятно, уместнее всего эти отрывки (L.G.V., I, pp. 131 ff.) появляются в связи с упоминанием о строительстве. «Только имей веру, чтобы я шла перед тобой и показала основание его [города], от чего увеличится твоя сила и станет известной победоносная мощь. Но кто же будет архитектором, чтобы наставить тебя в этой твоей работе основателя, как не Мудрость, которая была с Богом Иеговой извечно, которая дала тебе жизнь и начало из дыхания вечной Воли? Потому так и таким образом мотивирующая сила воли должна проистекать... Потому иди ко мне, и я покажу тебе, где лежат все эти краеугольные камни. Смотри и ищи материал сокровища в окрестностях твоей новой земли. ... Здесь ты можешь выследить или найти это основание, [Ср. то, что было сказано ранее о новой земле] и для этой цели тебе будет дана золотая измерительная линия, или отвес моего духа». [Мастер стоит на колонне силы. Иегова был утраченным слово мастера].

Мы остановились в том месте, где ангел Иоанн говорит, что мы должны знать, что божественная соль скрыта во всех людях. Он продолжает: «но она утратила свою силу и соленость, и таков принцип света, включающий в себя все другие принципы, потому что человек, хоть и неизвестный сам себе, суть краткое изложение и концепция всех миров. Потому мы можем найти в нем все, что он ищет; только это невозможно, пока соль, которая была убита, не возродится к жизни через Христа, Строительный Камень (который пережигает черное в яшмовое сияние и прекрасную белизну). Это подлинное теософское лекарство, которое действительно постепенно, помалу, начинается действовать на себя, из себя и в себя, словно зерно пшеницы, которое, будучи посеяно, при содействии солнца и внешних планет, образует себя в тело. Только нужно наблюдать и быть внимательным, чтобы хищные птицы не прилетели и не подобрали его. [См. рис. 3], пока оно не созреет в должное время. Потому что как раз такое состояние [как у зерна пшеницы] в случае золотого камня, который скрыт в основаниях природы, питаемый теплым огненным влиянием божественного

солнца и омываемый влажными семенами духовной Луны [sperma luna], что заставляет его расти через внутреннее проникновение и союз планетарных сил высшего порядка, которые привлекают к себе слабое и низкое, оплодотворяет его и поглощает. Через это обретается мастерство над всем астральным и элементарным. Таким образом возлюбленный Иоанн открыл мне природу королевского камня, каким он был открыт Иоанну на острове Патмос (там он породил то, чем обладал в духе). И далее он сказал мне об этом: там, где вселенская или всеобщая любовь рождается в одном, то будет подлинным признаком и знаком, что этот ангельский камень появится здесь и примет телесную форму. (L.G.V., I, p. 44).

[Здесь мы встречаем явно троицу ☉ ✨ ☽, солнца, луны и, как прорастание их, ✨, золотой камень, Камень Philosophов, который соединяет в себе ☉ и ☽ или, что то же самое, △ и ▽. Потому не будет ошибкой видеть в ▽ союз действия и противодействия. G нужно понимать в анагогическом смысле как начало Камня Philosophов или его возрождение]. В L.G.V., I, p. 147 я нахожу также замечательный отрывок: «Слово Иисуса было открыто мне следующим образом: О, ты, что явилась в Иерусалим. Через какие врата ты вошла? И что ты видела здесь, что так желаешь здесь жить? Разве ты не была объята пламенем огненного глаза? [Глаз – это пылающая звезда. В L.G.V., I, p. 196 есть описание лица, которое является эквивалентом глаза. К нему добавляется луна. Глаз ☉ — это, так сказать, солнце для этой луны]. ...что ты не намереваешься уходить отсюда, пока не обретешь другое сердце [О нагрудном украшении узнает тот, кто приближается к пылающей звезде], которое никогда не может полностью измениться? ... Так будь же мудрой и ожидай своего брачного духа [Бытие] и украшение силы нерушимой. [i. i. d. St]. Никто не может выйти из этого города-сокровища, ведь в этом Сионе все должно родиться заново. «. [Освальд Вирт полагает алхимическую концепцию Ребиса выражением совершенной степени общности. «Посвященный, который становится в некотором роде андрогинном, поскольку соединяет мужскую энергию с женской чувствительностью, представлен в алхимии Ребисом [от res bina, двойная вещь]. Эта сущность, и мужская, и женская, суть ртуть ♁, оживленная ♃, и преобразованная этим в Азот ♁, т.е. в квинтэссенцию элементов [пятую сущность], символ которой пламенная звезда. Следует отметить, что эта звезда всегда помещается таким образом, что получает двойное излучение мужского солнца ☉ и женской луны ☽; ее свет потому обополю природы, андрогинный или гермафродитный. Ребис соответствует иначе материи, подготовленной окончательной работой, иначе называемой путешественником, который стал достоин мастерства. (W.S.H., p. 99)]

Но, возвращаясь к магическому путешествию Джейн Лид, «после того я почувствовала желание со всей прямоотой спросить (поскольку знала и была уверена, что этот небесный камень уже родился и рос во мне) [Возрождение = переход кубического камня от потенциальности к действительности], продержится ли моя внешняя печь [ее тело] так долго и не разрушится ли [умрет] до того, как камень достигнет совершенства. На что этот дорогой святой [Иоанн] сказал мне в ответ: «Не беспокойся об этом, будь лишь терпелива в надежде; ибо подлинное философское древо выросло и должным путем даст плод» (L.G.B., I, pp. 44ff.) Подготовка камня теперь описывается Иоанном согласно хорошо известным принципам. Ибо «сказала Мудрость и апостол Иоанн мне: «С этого времени ты перейдешь к древним достойным героям веры, которые [Также мастера]. совершили проекцию с камнем [= работу трансмутации]. И когда я оказалась там, то увидела патриархов или отцов свода и всех великих философов, которых учил сам Бог в разные времена. После того я оказалась во тьме и мраке, которая сама изменилась магической силой ясного серебряного света» (L.G.B., I, p. 46). За этим следуют другие аллегории изменения деятельности, как уже описано (L.G.B., I, p. 41). Иоанн объясняет, что все чудеса были совершены камнем мудрости, и что всякий, создавший камень из себя, отмечен [Sigillum, Hermetes, Запечатывание Мастерком, метка спасения, Метка Каменщика] Богом свыше.

Дальнейшее описание предшествующего видения [Магическое Путешествие] дает следующую дополнительную информацию: «Слово явилось мне и сказало: «Связь любви между Богом и тобой должна не ослабевать, а туго затягиваться. Тем временем дух – это единственная вечная субстанция и собственной, в которой ты должна усиленно трудиться. Он должен так крепко прицепиться к тебе, чтобы привлечь тебя к себе и установить внутри круг неизмеримой любви; от которого отлучена всякая вражда, и проклятие элементов отделено и полностью изгнано. Так иди же, иди, говорю я, в него, ведь это бесконечное пространство, что ты видела, и которое находится за третьей дверью. [Нужно ли тут какое-то объяснение?] Эта невидимая связь любви усовершенствует тебя через первые врата, которые так узки и низки, и затем через другие двое врат; чтобы ты приняла все в себе во всю их длину и ширину, чтобы они быстро подняли тебя. Ведь, дорогая моя, что может так могуче вернуть тебя к желанному наслаждению изобилием и благом, как не любовь Бога? Потому будь сильна и отважна в любви, проходя через эти различные врата, и не бойся нападения врага, когда вошла в эту священную страну и сочеталась со своим возлюбленным».

Пилигрим жаловался Мудрости: «Пока я отчаянно борюсь, спустился дух молитвы, который искренне просил и невыразимо вздыхал, возносясь к небесам [Стенания на могиле Мастера], что, как я чувствовало, пронизало и прорвалось через врата вечной бездны, чтобы мой дух вступил в тайный чертог чистой божественности, где у меня была аудиенция и полная свобода излить свои стенания и показать свои раны и рассказать, кто пронзил меня. Ведь каждая рука была против меня, пронзающие стрелы летели в меня, и тем более отягощали и подавляли, наряду с тем, что уже висело на мне, и кровь моя текла крест, и кричали они, и сказали: «Распни, распни ее, пусть она почувствует смерть, умирая. ... Я была в жестоких муках при родах. Все горести и натиски, однако, были великим вступлением для рождения жизни, и дали мне вступить в святое место, где впервые я услышала вечные звуки. И после этого, когда я обрела силу, чтобы быть приятно тихой, я была в чистой воде [Слезы], в которой ни грязи, ни мусора не было; и трудом здесь не трудились, и шума, ни возмущения не слышно было». [Как и при строительстве храма Соломона] (L.G.B., I, p. 48).

Теперь Лид слышит утешающий голос «Жениха» (unio mystica), который показывает ей совершенство, которого она желала, и требует от нее не касаться нечистых духов этого мира. [Перчатки] Только то, что отделено от греха, может приблизиться к нему. Душа-дух Лид отвечает: «Господь, как это сделать? Ведь хотя у меня было большое стремление к этому богослужению [святое служение], чтобы вечно быть возле тебя, дух этого мира [См. ранее] востребовал эту оболочку или мое тело и говорит, что я еще не вышла за ограничения и сферу его владений. Внешний человек объят голодом и жаждой, жаром и холодом [антитезы индийский философии], которые обыкновенно опутывают его внешние чувства во внешних вещах, так что никто не может жить в такой чистой абстракции и заточении, пока не освободится от всякой заботы о внешнем теле. Вот что я оплакивала слезами и прямо спрашивала Бога, разве невозможно вечному уму и духу предоставить все необходимое для телесной части без помощи духа разума, правящего в том царстве проклятия?» [Иными словами, невозможно ли при жизни освободиться от противоречий (как это называется в Бхагавад-Гите), разорвать цепи животной чувственной жизни и дать возможность действовать вечным началам. Вопрос в том, возможен ли вообще земной камень в его полном совершенстве, может ли практически быть реализован этический идеал абсолютной чистоты].

«На что после короткого блокирования и успокоения своих внешних чувств я получила ответ [Жениха]; что этого не может быть до полной

смерти тела греха, показывая мне то, что написано в шестом стихе седьмой главы Послания к Римлянам, что когда оно разрушится и умрет, мы, в нем содержащиеся, будем служить Богу в новизне духа» (L.G.B., I, pp. 50ff).

[Здесь мы видим требование умереть для царства греха, чтобы полностью восстать для этического идеала. Вопрос, возможно ли это при жизни, остается открытым, конечно же. В символизме эта мистическая смерть и единство с высшим духом было представлено символически в высшем градусе масонства. Представитель Высочайшего – это мастерский градус Досточтимого мастера, и он наполняет мертвого, так сказать, своей жизнью, поскольку происходит поднятие из мертвых (Н в Н, F против F, K против K и т.д.), как оживление ребенка Илией (3 Цар. 17:21). Что касается необходимого разложения тела перед возрождением («Кожа отпадает» и т.д.), то процитируем отрывок L.V.B., I, pp. 271ff.: [божественное слово говорит] «Знай ... что я не оставил тебя без сильного и богатого таланта, который скрыт в твоей сокровищнице, хоть и глубоко скрытый, и покрытый тройным покровом (Исх. 39:34, Числ. 4:5-6), который нужно удалить, прежде чем ты сможешь смотреть сквозь это дорогое одеяние. Первое покрытие – это грубая темная видимость этого земного мира ... второе – это цепкий [направленный на мирское] рассудок ... третьей – это базовые естественные чувства. ... Если ты решишься прорваться через эти три препятствия, то придешь к золотой массе. ... Она дана тебе, чтобы ты знала, где лежит настоящее сокровище [Поиск из могилы. Три убийцы, которые скрыли труп, эти самые «три препятствия»], и мой дух с тобой, и он не только ищет с тобой, но и сильной рукой помогает тебе; [оживить мистического мертвеца] так решайся же, как единая с духом ... прорваться через них и разрушить, ибо они лишь покрытие над этим царственным бытием. ... Молись и не только жди [никакого пассивного мистицизма], а борись и работай, пока не высвободишь эту силу, скрытую в темнице; которая может быть возведена на трон империи, поскольку в истине мой дух, как и твой, до сих пор не был смешен с царствия, кроме как силой и несправедностью». [Что касается возрождения (см. L.G.B., III, pp. 87, 91); в этом месте три градуса мистического развития описываются по аналогии трех алтарей. Под последним алтарем, построенном на прямоугольных камнях, в которых можно видеть свое лицо, как в зеркалах, лежит жизнь, растоптанная насмерть, которая будет пробуждена вновь].

«Разве ты не знаешь, спросили меня, что закон греха властвует, пока оно [тело с эгоистичными наклонностями] живет? Так что дух донес ясное свидетельство и дал мне понять, что ничто не сделает меня достойной брака с Агнцем [unio mystica], кроме абсолютной смерти, поскольку он

обручен только с девичьим духом, чтобы стать с ним одной плотью [Н в Н, F против F и т.д.], и тем самым преобразил его в свою чистую мужественность. [Человечество]. И это рождение к активному самодостаточному бытию, которое восстает из прежнего. Ведь как пшеничное зерно погибает или умирает в земле и приходит к новой жизни, так же обстоит и с возрождением и прорастанием нового творения, которое поистине суть Христос, жизнь наша, появление которого положит конец грехам в нас. Ведь, дорогая, что навело проклятие, заботы, беспокойства, несчастье, слабости, которые давят и мучают бедного человека в его падшем состоянии, как не отделение от Бога? И пока он в таком состоянии, он должник греха и находится под его властью; который подвергает его всяким бедствиям и несчастьям, которые обыкновенно следуют по стопам тех, кто живет элементарной плотью. Итак, без сомнения, хорошо и радостно услышать известия о возможности извлечения и отложения этого тела грехов; и поистине, пророк, восставший во мне, предрек, что день этот уже близок. Ужасайтесь его, вредители и презирающие эту благодать; которая, как я вижу, уже готовится, ведь брачные одежды уже приготовлены. ... [Ср. конец притчи]. О, Мудрость, приготовление и распоряжение брачными одеждами дано во власть тебе, и они будут разных цветов, благодаря чему царская дочь [аналог царского сына, улучшенная сыновняя фигура в притче], предоставленная твоему обучению и наставлению, будет отличаться от всех других и известна [как спасенная]» (L.G.B., I, pp. 51ff, с чем магическое путешествие заканчивается).

Итак, тут есть уверенный тон, надежда в то, что теряется в бесконечном. Но Лид подозревает, что это недостижимый идеал, и знает, какой наставительный смысл он имеет: «О, те, кто до этого часа странствовал так далеко, и каковы наши осознанные дары, пока мы не достигли цели [единства с божественностью]. Может ли наш отвес вообще измерить их и изучить в глубокой бездне, несравненное чудо неизмеримого бытия? И поскольку вращающееся колесо моего духа не нашло покоя в том, что видело, знало, чем обладало и наслаждалось, оно растянуло свои сбившиеся чувства к тому, что еще удерживалось могучим камнем всемогущества; бороться за это в новой атаке я решительно вознамерилась, и не собиралась уходить ни с чем иным, как с царством и правящей силой Святого Духа» (L.G.B., I, p. 87).

В параллели между старым и новым королевским искусством я не могу упустить французского масонского автора Освальда Вирта, который работал в той же области. Я согласен с ним в целом; хотя большая часть его метода интерпретации кажется мне слишком произвольной. Я уже

обращал внимание на некоторые отрывки из W.S.H. о подготовке субъекта [т.е. непосвященного]. Я попытаюсь очертить содержание оставшейся работы согласно идеям Вирта.

Посвятив себя этому, Subjectum одолевается в философском яйце [подготовительная камера] печалью и страданием. Его сила утекает, начинается разложение; тонкое отделяется от грубого. [Изумрудная скрижаль] Это первая фаза воздушной проверки. После спуска в центр земли [Visita interiora terrae и т.д. – Изумрудная скрижаль, 6, 8], где он находит корни всякой индивидуальности, дух снова возносится [Изумрудная скрижаль, 10], освобожденный от *caput mortuum*, которая чернеет на полу герметического хранилища. Остатки символизируются сброшенными одеяниями новичка. Напряженно, с усилиями, он трудится во тьме; высоты привлекают его; уходя ада, он достигнет небес. Его восхождение на святую гору преграждается жестокой бурей; буря сбрасывает его в глубины; символ циркуляции в запечатанном сосуде алхимиков, а сосуд сей соответствует защищенной ложе. В процессе циркуляции летучие части поднимаются и снова опадают, как дождь, который символизируется слезами на стенах. Конечно, не здесь неопит подвергается водной проверке, и если в этой точке возможна путаница, то ввиду того факта, что все операции великой работы происходят в одном сосуде, тогда как масонское посвящение совершается в анфиладе разных комнат, так что символические последовательности здесь страдают от распада. Циркулирующая вода, которая всасывается в поры земных частей субъекта, все больше и больше его очищает, так что он от серого через последовательность цветов (хвост павлина) становится белым. На этой стадии материал соответствует мудрому мужу, который знает, как противостоять всем соблазнам. Но не нужно удовлетворяться этой негативной добродетелью; нужно еще пройти через проверку огнем (мы должны помнить, что четыре проверки элементами можно найти и в притче), прокалывание, которое сжигает все горючее. После прокалывания остается совершенно очищенная соль (⊖) абсолютной прозрачности. Пока новичок не достиг этой моральной чистоты, свет его не удостоит. Вкратце, на первом градусе главное – это вдумчивое очищение. Слои соли нужно сделать кристально чистыми, окружающими внутреннюю серу ♁ как корка, не давая ей свободно излучаться. Серу следует считать символом расширяющейся силы, индивидуальной инициативы, воли. Ртуть противоположна ей, как женщина противоположна мужчине, как то, что идет к субъекту изнутри, или как абсолютная чувствительность. Соль на полпути между ними; в ней находится равновесие ♁ и ♀. Это символ того, что появляется как устойчивое

бытие человека. На первом градусе очищение соли совершается для высвобождения серы. Красный столп Яхин соответствует красной сере, посредством которой символически новички получают свою награду. В остальном первый градус ограничивается приведением новичков к видению вселенского света (сияющая звезда). (W.S.H., pp. 88-92)

Испытание огнем происходит на втором градусе. Огненная сера должна быть проработана или, скорее, использована для работы. Поле деятельности члена, так сказать, соразмеряется, согласно расширению или размаху его серного излучения. В это время член вступает в отношения такой интенсивной активности с миром, что интеллектуальное постижение [соответствующее ♀ = главное] достигает нового просветления [сияющая звезда] и прорывается к связи воли, которая поначалу была лишь индивидуальной, с коллективностью. В этом, как мне кажется, смысл образного, но не вполне ясного описания W.S.H., pp. 952-962, которое я ради точности дал в оригинальном тексте. [См. Приложение, Примечание I] Как только грубый камень обрезан и отполирован, работать нужно не вовнутрь, а наружу. То, что мы собираемся совершить столь творческим образом, будет незначительным, если мы не знаем, как извлечь силу из силы, очевидно, лежащей вне нас. Где эти мистические силы действуют, как не в столпе Боаз, название которого означает: i. i. d. St.? Направленный на север, к луне, отражающий ее мягкий женский свет, он соответствует ♀, который непрестанно течет ко всему сущему, чтобы поддержать его центральный огонь, ♀. Возгонка последней ведет к испытанию огнем, идею которого Вирт, похоже, берет в строго оккультной форме, по образу Элифаса Леви. Наконец, происходит циркуляция, так что индивидуальная воля словно ищет магнит, чтобы привлечь божественную волю, снова падает, восстает, и так далее циклично, пока они не встретятся в «философском огнем». Это цикл, о котором мы читаем в Изумрудной скрижали. Остающаяся после испытания огнем негорючая сущность – это феникс (образ, часто используемый алхимиками). Задача члена – изменить себя в феникса. Не только ♀ относится к работе, но действие должно направляться и умом; деятельность и восприимчивость должны дополнять друг друга. Потому член должен глубоко знать оба столпа. И потому он также становится уже упомянутым андрогинным материалом, Ребисом. Этого можно достигнуть, только когда элементарные склонности преодолены, потому фигура Ребиса представлена стоящим на драконе (W.S.H., pp. 96-101).

Что теперь будет делать мастер? Он отождествится с мастером-строителем всех миров, чтобы действовать в нем и через него. Когда говорят,

что это мистицизм, так оно и есть. Развившийся на трех последовательных путях *purgatio*, *illuminatio* и *unio*, этот мистицизм не менее логичен, чем религиозный мистицизм, который со своими умерщвлениями, если понимать их правильно, достигает той же цели. Умерщвление, как говорит само слово, это стремление к некоего рода смерти. Дважды предписано умереть масону; в начале, в подготовительной комнате, и в конце, на финальном посвящении во внутренний чертог. Вторая смерть соответствует совершенству великого мастерства. Она означает полную жертву его личности, самоотречение от всяких личных желаний. Это стирание того радикального эгоизма, что вызвал падение Адама, затащившего духовность в телесность. Узкое малодушное эго превращается в ничто перед высокой безличной самостью, символизируемой Хирамом. Тем самым отпускаются мифические грехи вечного универсального человека Адама. Архитектор храма по отношению к Великому Мастеру-Строителю Всех Миров в христианском символизме то же, что Слово, ставшее плотью, для Вечного Отца. Чтобы продолжать работу универсальной структуры успешно, Мастер должен войти в теснейший союз воли с Богом. Больше не раб ни в чем, он тем более хозяин всего, тем более его воля трудится в гармонии с тем, кто правит вселенной. «Размещенный между абстрактным и конкретным, между творческим умом и объективным творением, понятый таким образом человек оказывается посредником *par excellence*, или подлинным демиургом гностиков». Но недостаточно того, что он получает свет от его изначального источника, он также должен быть связан непрестанной деятельностью для тех, которых ведет. Необходимая связь – это симпатия, любовь. «Мастер должен сделаться любимым, и он достигнет успеха, только если сам любит со всей теплотой великодушия, простирающейся даже до абсолютной преданности, даже до самопожертвования». Пеликан [мы уже знакомы с этой герметической птицей] – это иероглиф этого любящего самопожертвования, без которого всякие усилия остаются тщетным (W.S.H., p. 105).

Градус мастера, этот с необходимостью последний градус, соответствует идеалу, который установлен как задача: мы должны стремиться к нему, даже если ее исполнение за пределами наших сил. Наш храм никогда не будет закончен, и никто не ожидает, что подлинный вечный Хирам появится в нем (W.S.H, p. 94).

Мы также находим у Вирта, как работа разделяется на три основных шага, которые начинаются с очищения, обращения к внутренней душе и заканчиваются напоминаящим смерть *Unio Mystica*; здесь мы тоже находим в последнем градусе недостижимый идеал, который, как звезда

в небесах, даст верный курс странствию нашей жизни. Рассмотрение возвышенной анагогической концепции как перспективной точки исчезновения допускает возможные ошибки наложения в анагогическом аспекте элементарных типов.

Тройственное деление, с которым мы встречаемся в великой работе, показывает часто подвергающееся сомнению внутреннее разграничение трех градусов масонства. Поскольку они отвечают необходимости, то стали доминировать снова, хотя и не существовали в масонской форме королевского искусства в начале (около двух столетий назад); я говорю «снова», поскольку схожие нужды уже производили ранее похожие формы (ср. сочинения Л. Келлера). Ведем ли мы речь об этическом обучении в целом или интенсивной (интроверсия) форме его, мистицизме, в любом случае это процесс развития, и градусы необходимы для того, чтобы выразить его символически. Усилия по умножению градусов, время от времени появляющиеся, были оправданы. Мы можем разделить то, что разделено на три секции, и на семь (7 операций алхимии, 7 уровне созерцания, 7 рукоположений и т. д.), хотя в этом нет необходимости. Но идея отмены трех градусов может возникнуть только из неверного понимания ценности существующего символизма. Масонскому единству в равных правах не мешает присутствие градусов, если не переступать их символическое значение. Градусы образуют составляющую часть самого символического обычая, и должны быть неосвязаемы, как и он сам.

Символы всех возвышенных духовных религиозных общин, для которых королевское искусство является парадигмой или образцом, предоставляют нам, так сказать, типы истины. Отдельные факты, которые могут означать символы (или которые могут быть прочитаны как символы) не так важны, как целостность их значений. Целостность (которая достигается только некоей интеграцией) – это нечто невыразимое; и если выразить невыразимое удастся, слова этого выражения будут непостижимым для всякого ограниченного духа, каковы отдельные факты.

Символы неизменны, отдельные смыслы разнообразны и изменчивы. [Что касается, в частности, масонского символизма, я согласен с Робертом Фишером (Kat. Erl., III, fin.) «Масонство покоится на символах и церемониях; в них скрывается его право на продолжение существования. Они созданы, чтобы быть вечно истинными и необычно приспособленными; они подходят для всякой степени культуры, даже ко всякому времени, и в отличие от остальных продуктов времени, не становятся его жертвой. ... Потому ослабление значения наших символов может быть желанна в той же степени, что и их отмена. Тем более мы должны стремиться к тому,

чтобы ясное понимание просеяло абстрактное, соответственно нашему духовному оку, от конкретного, необходимого для физического ока, так чтобы сочетающиеся картины разрешились в простых фундаментальных истинах. Таким образом символы обретают жизнь и движение и не могут быть отложены ради вещей, чтобы разрушаются со временем»]. Потому символы никогда не следует менять в пользу отдельного смысла, который становится модой (или приближается к ней вдобавок к данной связи). То, что устанавливается посредством вариаций смысла – это не смыслы, а сами символы.

Для каждого человека символы представляют его собственную истину. Для каждого они говорят на своем языке. Никто не может их истощить. Всякий ищет свой идеал преимущественно в неизвестном. Не так важно, какой идеал он ищет, как то, что он его ищет. Само усилие, а не объект усилия, образует основу развития. Ни один искатель не начинает свое путешествие с полным знанием цели. Только после множества циркуляций в философском яйце и только после множества прохождений через призму цветов пробивается свет, который дает нам смутный намек на очертания прототипа всех меньших идеалов. Всякий, желающий надежды на успешный исход, не должен забывать об некоем утонченном огне, который должен действовать от начала до конца, а именно, о Любви.

Тот, кого эти учения не утешают,
Не заслуживает быть человеком.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЕ А

Я помещаю здесь не только те сравнения мотивов, которые подобны в начале, а также те, которые важны для дальнейшего рассмотрения. Мое представление их частью сокращено. Признаки схожести, как объясняет Стакен, используются не для того, чтобы выразить абсолютную согласованность, а преимущественно в смысле «относится к» или «является альтернативой к». Сравнение Стакеном I, А идет так: Моисей в ковчеге = искра жизни в ковчеге = книги Пандоры = яблоко Евы; I, В: Моисей в ковчеге = обнаженный = без отца = преследуемый = герой потопа [тот, кто плывет в ковчеге]. II, А: Яблоко Евы = Моисей в ковчеге = семя Онана = огонь = сома = глоток знания и т.д. III, В: Разрывание лона = обезглавливание или расчленение = выставление напоказ = разделение первых родителей. IV, В: Расчлененный [мужчина или женщина] = воскрешенный = возрожденный [муж. или жен].. VI, А: Мотив Потифара = разделение первых родителей = мотив Онана. VII, А: Дурная приемная мать = жена Потифара = людоед. VII, В: Бегство от «людоеда» = бегство от жены Потифара = бегство от дурной приемной матери = отделение первых родителей = магическое бегство. IX, А: Первые родители = магическое бегство. IX, А: Убитый баран = баран Тора = ужин Фиеста = сома. XIII, А: Обнаженный = преследуемый = расчлененное дитя = убитый баран – животное-помощник. XIX: Письмо Урии = измененное письмо = слово жестокость [проклятие = благословение]. XX: Козел отпущения = ковчег. XXVIII: Борьба = похищение женщин = похищение сомы = открытие сундука [открытие дыры] = похищение одежд [купающихся лебедиц]. XIX: Кастрация = разрывание [поглощение] материнского тела = окончательный пожар = потоп. XXXIII, А: Битва с драконом = состязание в борьбе = выигрыш предложенной царем дочери = похищение женщин = похищение огня = потоп. XL, А: Мотив инцеста = мотив Потифара. XL, В: Инцест =

нарушение [морального] предписания. XL, С: Соблазнитель [мужчина или женщина] к инцесту = «людоед». XLIV, А: Отец, который отвергает дочь = «людоед». XLIV, В: Разделение первых родителей = отказ дочери [отказ «царской дочери», обещанной борцу с драконом] = замена. XLV, А: Содомия = замена = похищение = партеногенез = брак смертного с бессмертным = соблазнение = измена = инцест = любовь = объятия первых родителей = состязание с борьбе. Иначе брак смертного с бессмертным = инцест = разделение первых родителей.

ПРИМЕЧАНИЕ В

То, что идеи золота и мусора близки, проявляется во множестве форм и вариаций в мифе, сказке и народном суеверии. Я упоминал прежде всего образ дуката или золотой пипетки, которые, вероятно, превратились из суеверия в шутку, и вокруг них образовались такие выражения, как «у него золота куры не клюют», «у него дома, должно быть, золотая пипетка», затем описание кровавого геморроя как золотых жил; вымышленные животные, выделяющие золото и драгоценности как экскременты. Сюда же относится золотой осел [К.Н.М, No. 36], который при слове «Бриклебрит» начинает «выплывать золото и спереди, и сзади» или [Pentam., No. 1] при команде «arre sasaure» выдает золото, жемчуг и алмазы в виде драгоценного поноса. [Arre – это подбадривание вроде нашего «давай!»; sasaure, естественно, происходит от sasure, kacken = испражняться, возможно, с отзвуком augum, oro, золото]. В сагах часто случается, что навоз, например, лошадиный, превращается в золото, как и, наоборот, золото, посланное злыми духами, легко обращается [снова] в навоз. Золото – это, согласно вавилонскому мышлению, отмеченному во многих мифах, навоз ада или подземного мира. Если человек прячет сокровище, чтобы его никто не нашел, правильно будет посадить на спрятанном [сокровище] кактус как хранителя золота, согласно древнему магическому обычаю. Упрощением сравнения навоз = золото, вероятно, будет уголь = золото. У Стакена мы находим сравнение экскременты = рейнское золото = сперма [S.A.M., p. 262] и связанную с этим [pp. 266ff] мифологически массу материала. Я упоминал схожие параллели, заимствованные из анализа снов (Stekel, Spr. d. Tr., passim), в частности, психологически интересный вклад Фрейда об «анальном характере» (Kl. Schr., pp. 132ff.), схожий со вкладом Ранка (Jb. ps. F., IV, pp. 55ff).

ПРИМЕЧАНИЕ С

По мнению Юнга, это свойство целостности мифа о солнце, который повествует о том, что «фундаментальная основа «инцестуозного» желания равнозначна не сожителству, а особой идее снова стать ребенком, вернуться под защиту родителей, снова попасть внутрь матери, чтобы быть ею снова рожденным. Однако, на пути к этой цели стоит инцест, т.е. необходимость неким образом снова вернуться в матку. Один из простейших способов в том, чтобы оплодотворить мать и снова воспроизвести себя. Здесь вступает в действие запрет против инцеста, так что теперь солнечные мифы и мифы о перерождении изобилуют самыми разными предположениями о том, как осуществить инцест. Весьма значимый способ его осуществления в том, чтобы превратить мать в другое существо или омолодить ее, чтобы она исчезла после родов [соответствующего воспроизводства], т.е. заставить ее вернуться в прежнюю форму. Ищется не инцестуозное сожителство, а возрождение, которого проще всего достигнуть сожителством. Это, однако, не единственный путь, хотя, возможно, изначальный» (Jung, Jb. ps. F., IV, p. 266ff). В другом месте сказано: «Отделение сына от матери означает отделение человека от спаривающегося сознания животных, от отсутствия индивидуального сознания, характерного для инфантильного архаичного мышления». Осознанный индивидуум создается силой запрета инцеста, и только так впервые стала возможной идея индивидуальной и конечной смерти. Так в мир вошла смерть через грех Адама. Невротик, который не может оставить мать, имеет на то хорошую причину; его удерживает страх смерти. Похоже, нет ни слова, ни концепции достаточно сильных, чтобы выразить значение этого конфликта. Целые религии создавались, чтобы придать ценность размаху этого конфликта. Эта борьба за выражение, продолжающаяся тысячи лет, не может иметь источник своей силы в состоянии, которое слишком узко понимается в обычном представлении об инцесте; скорее мы должны учитывать закон, который выражается в запрете инцеста как принуждении к одомашниванию, и описывать религиозную систему как учреждение, которое прежде всего берет культурные цели не обязательно сразу полезных импульсивных сил животной природы, организует их и постепенно ставит на сублимированную службу» (Jb. ps. F., IV, pp. 314ff).

ПРИМЕЧАНИЕ D

Юнг разделяет либидо на два потока, один, текущий вперед, а другой – назад: «Как нормальное либидо подобно постоянному потоку, который

вливает свои воды в мир реальности, так сопротивление, если рассматривать его динамически, не похоже на камень, воздвигнутый в течении реки, омываемый и обтекаемый со всех сторон потоком, это скорее возвратное течение, ведущее к истоку вместо устья. Часть души, вероятно, желает внешнего объекта, а другая, однако, предпочитает вернуться в субъективный мир, куда манят воздушные и легко возводимые замки. Мы можем полагать эту дуальность человеческой воли, для которой Блейлер с психиатрической точки зрения ввел термин амбивалентность, как нечто всегда и везде присутствующее, и помнить, что даже самые примитивные из всех моторных импульсов уже противоречивы, например, при разгибании сгибающие мышцы иннервированы» (Jb. ps. F., IV, p. 218).

ПРИМЕЧАНИЕ E

Из чудесных возможностей, что приходят как плоды практики йоги, обычно упоминаются восемь великих сил [махасиддхи]: 1. Делаться маленьким или невидимым [animan]; 2, 3. Обрести необычайную легкость или тяжесть [laghiman, gariman]; 4. Увеличиться до размеров чудовища и добраться даже до самого отдаленного, как, например, до луны кончиками пальцев [mahiman или rapti]; 5. Свободное исполнение всех желаний, например, желания погрузиться в землю, как в воду и появиться снова [prakamya]; 6. Совершенное управление всем телом и внутренними органами [isitva]; 7. Способность изменять природу [vasitya]; и 8. Простым актом воли оказываться где угодно [yatra kamavasayitva]. Кроме этих восьми чудесных сил можно назвать многие другие, которые частью включены в вышеупомянутые; таково обострение чувствительность, так что самые отдаленные и неразличимые образы, происходящее в других мирах на планетах и звездах, равно как и происходящее внутри у себя и других людей, различаются чувствами; знание прошлого и будущего, прошлых существований и часа смерти; понимание языка животных, способность вызывать мертвых и т.д. Эти чудесные силы, однако, страдают тем недостатком, что они преходящи, как и все, что человек получает по своим заслугам, за исключением спасения (Garbe, Samkhya and Yoga, p. 46).

ПРИМЕЧАНИЕ F

Юнг (Jb., III, p. 171) упоминает «inconscient superieure» [высшее бессознательное – прим. перев]. Метерлинка (в «La Sagesse et la Destinee») как предполагаемую потенциальность подсознательных сочетаний. Он

комментирует это так: «Я не избегну упреков в мистицизме. Вероятно, этот вопрос, тем не менее, следует рассмотреть: без сомнения, бессознательное содержит психологические сочетания, которые не достигают пороговой ценности для сознания. Анализ разрешает эти сочетания на исторические детерминанты, так как это одна из важнейших задач анализа, т.е. обессиливать путем разъединения одержимости комплексами, которые мешают полноценной жизни. История не ведает двух вещей: что скрыто в прошлом и что скрыто в будущем. Обе можно постичь с некоторой долей вероятности, первую – как утверждение, вторую – как исторический прогноз. В той мере, в какой завтра содержится в сегодняшнем дне, и вся основа будущего уже заложена, углубленное знание настоящего может сделать возможным более или менее обширный и точный прогноз будущего. Если мы перенесем эти рассуждения, как это сделал Кант, в область психологии, это приведет к следующему; как и следы памяти, некоторые утонченные подсознательные сочетания, проявляющие передовые тенденции, став отчетливо подсознательными, еще доступны для бессознательного, и они имеют важнейшее значение для будущих случаев в той мере, в какой они обусловлены нашей психологией. Но как наука история мало беспокоится о будущих сочетаниях, которые скорее являются объектом политики, столь же мало психологические сочетания становятся объектом анализа, а скорее становятся объектом бесконечно утонченного психологического синтеза, который должен знать, как следовать естественным течениям либидо. Мы этого сделать не можем, но бессознательное, возможно, способно, ведь процесс происходит там, и похоже, что время от времени в некоторых случаях значимые фрагменты этой работы, по крайней мере, в снах, выходят на свет, из чего следует пророческое толкование снов, на которое давно претендует суеверие. Отвращение точных [наук] сегодняшнего дня к такому мыслительному процессу, который едва ли может быть назван выдуманным – это только чрезмерная компенсация тысячелетней, но слишком сильной склонности человека верить в пророчества».

ПРИМЕЧАНИЕ G

Пупочная область играет немалую роль как точка локализации первых внутренних ощущений в мистических практиках интроверсии. Описания учений индийской йоги согласуются с переживаниями исихастов, созерцающих пупок. Стауденмайер полагает, что он в своих исследованиях магии, которые частью прервались на вызывании крайне значимых

галлюцинаций, наблюдал, что реалистичные священные или религиозные галлюцинации возникают, только если стимулированы «специфические» нервные комплексы [вегетативной нервной системы] вплоть до периферийных трактов в области тонкого кишечника. (Magic als exp. Naturw., p. 123). Многие авторы-визионеры знают, как связать чудеса силы с областью живота и солнечного сплетения. В эссе о расположении души И. Б. ван Гельмонт уверяет нас, что в верхнем отверстии желудка больше чувства, чем в самом глазе и т.д.; что солнечное сплетение важнейший орган души. Он излагает следующий опыт. Чтобы провести эксперимент над ядовитыми травами, он подготовил корень аконита [*Aconitum napellus*] и попробовал его лишь кончиком языка, не проглатывая. «Немедленно», — говорит он, — «моя кожа была словно охвачена путами, и вскоре произошло необычайное, подобное чему я никогда не испытывал раньше. С изумлением я заметил, что я чувствовал, воспринимал и думал больше не головой, а областью в животе, словно знание разместилось в животе. Пораженный этим необычным явлением, я тщательно себя обследовал. Я едва убедил себя, что моя сила восприятия стала гораздо более сильной и ясной. Духовная ясность сочеталась с огромным наслаждением. Я не спал и не видел сны, я был сдержан, а здоровье мое совершенным. Временами меня охватывал восторг, но он не имел ничего общего с фактом чувства в животе, которое исключало всякое соучастие головы. Тем временем, моя радость была прервана тревогой, что это может привести к некому расстройству. Только моя вера в Бога и преданность его воле вскоре уничтожили этот страх. Это состояние продолжалось два часа, после чего у меня было несколько приступов головокружения. После этого я часто пытался попробовать аколит, но не мог получить тот же результат» (Van Helmont, *Ortus Medic.*, p. 171, tr. Ennemoser, *Gesch. d. Mag.*, p. 913).

ПРИМЕЧАНИЕ Н

И для древнего, и для нового королевского искусства материалом служит человек, как освобожденный от всякой структуры. «Не человек общепринятой социальной жизни, а человек как равно наделенное правами и обязанностями существо божественного творения, входящее в храм человечества с обязанностью всегда осознавать свой долг и отбрасывать все, что мешает исполнению высшего долга» (R. Fischer). Сравните с этим то, что Хичкок говорит о материале Камня Философов: «Хотя люди бывают разного устройства ... но алхимики настаивают ... что все народы одной крови, то есть одной природы; и что характер, благодаря которому

он составляет единую природу, это особый объект алхимии, в который приносится жизнь и действие, благодаря чему человечество может составить братство» (Н.А., pp. 48ff) [Испытания] ... «начинаются с разделения металлов. Алхимия рекомендует, когда видна подходящая материя, тщательно изученная и распознанная, внешне очистить ее для освобождения от всякого чуждого тела, которое могло случайно прицепиться к поверхности. Материя в идеале должна быть сведена к самой себе. Точно так же кандидат призван отделить от себя все, чем обладает искусственно; и материал, и он должны быть сведены строго к самим себе. В этом состоянии первобытной невинности обретается философская безупречность, субъект заточен в узком уединении, куда не проникает внешний свет. Это чертог размышления, который соответствует колбе алхимика, его герметически запечатанному философскому яйцу. Непосвященный находит здесь темную гробницу, где должен добровольно умереть для прежнего существования. Разлагая покровы, мешающие подлинному разрастанию семени индивидуальности, эта символическая смерть предшествует рождению нового существа, которое будет посвящено» (W.S.H., pp. 87ff).

ПРИМЕЧАНИЕ I

Что касается Братского Чертога, завешенного красным, то он представляет собой сферу действия нашей индивидуальности, измеренного расширением нашего серного излучения. Это излучение порождает некую преломляющую [рефракционную] среду, которая преломляет окружающий рассеянный свет [имеется в виду ♀], чтобы сконцентрировать его на духовном ядре субъекта. Таков механизм просветления, от которого получают благо те, кто видел сияние звезды. Всякое существо носит в себе загадочную звезду, но обычно в состоянии едва различимого туманного блеска. Это философское дитя, имманентный Логос или воплощенный Христос, которого легенда представляет рожденным втайне посреди грязи пещеры, служащей хлевом. Посвящение становится жрицей этого внутреннего огня ⚡; архетипа или принципа всякой индивидуальности. Она знает, как о нем заботиться, пока он вынашивается в пепле. Затем она посвящает себя его благоразумному питанию, чтобы подготовить к моменту, когда он должен будет преодолеть препятствия, удерживающие его в изоляции. На самом деле, это значит, что Сын помещается в связь с внешним ♀, или, иными словами, что индивидуум входит в сообщение с коллективностью, из которой происходит.

**ПРОЕКТ КАСТАЛИЯ —
УНИКАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
СО МНОЖЕСТВОМ
ГРАНЕЙ:**

- Ежемесячно обновляемый эксклюзивными переводами сайт WWW.CASTALIA.RU
- Еженедельно собирающийся **КЛУБ КАСТАЛИЯ**, где читаются лекции о самых разных эзотерических и психологических традициях
- **ШКОЛА КАСТАЛИЯ**, регулярно проводящая открытые обучающие лекции и семинары

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ОБЩЕНИЮ
СО ВСЕМИ
ЗАИНТЕРЕСОВАВШИМИСЯ
ЛЮДЬМИ!**

ISBN 9785519604772

9 785519 604772
» <https://t.me/penebaal>

Герберт
Зильберер

ПРОБЛЕМАТИКА АЛХИМИИ И МИСТИЦИЗМА

CASTALIA

